
ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 42 (1947)

11 октября 1964

МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 40 ЛЕТ

ЛЮБА КАРТАУС РАБОТАЕТ НА СТРОЙКЕ КРУПНЕЙШЕЙ В МОЛДАВИИ МОЛДАВСКОЙ ГРЭС.

ШКОЛЬНИКИ-НОВОСЕЛЫ.

Фото Л. Шерстенникова.

МОЛДОВЕНЯСКА.

СЕРДЕЧНО, ПО-БРАТСКИ

В Берлине на празднике 15-летия ГДР гостит советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Сердечно, по-братски встречают берлинцы посланцев Советского Союза.

Фото АДН — ТАСС.

Выставка «15 лет ГДР» открыта в московском парке Сокольники.

В торжественной церемонии открытия приняли участие первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Председатель Совета Министров ГДР Вилли Штоф.

«Мы уверены,— сказал В. Штоф о выставке,— что она послужит расширению и углублению тесных и братских отношений, которые связывают наши народы».

Фото Е. Умнова.

УСПЕХОВ В ВАЖНОЙ РАБОТЕ!

В Каире открылась вторая Конференция глав неприсоединившихся государств. В ней принимает участие больше половины стран — членов Организации Объединенных Наций.

От имени правительства и народов Советского Союза Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев передал конференции наилучшие пожелания успехов в ее важной работе.

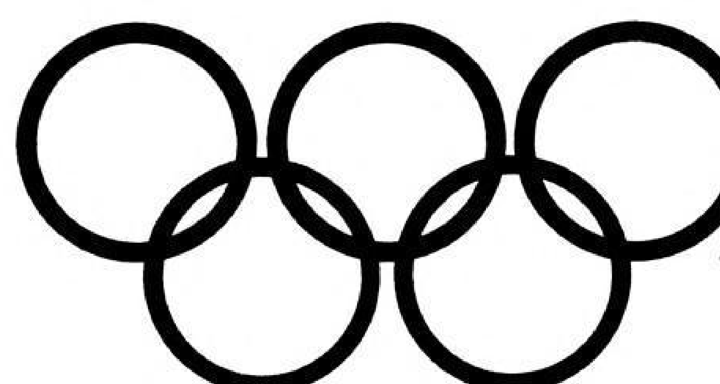
На снимках:

Встреча Президента Алжира Ахмеда Бен Беллы с Президентом Югославии Иосипом Броз Тито.

Премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри и Президент ОАР Насер приветствуют жителей Каира.

Фото ЮПИ.

НА НАЦИОНАЛЬНОМ СТАДИОНЕ В ТОКИО ОТКРЫЛИСЬ XVIII ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ.
98 ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФЛАГОВ НАД ЯПОНИЕЙ. ДАЮТСЯ СТАРТЫ ГРЕБЦАМ, БАСКЕТБОЛИСТАМ, БОКСЕРАМ, ФУТБОЛИСТАМ, ШТАНГИСТАМ, БОРЦАМ, ПРЫГУНАМ В ВОДУ, СОВРЕМЕННЫМ ПЯТИБОРЦАМ, ВОЛЕЙБОЛИСТАМ, ВАТЕРПОЛИСТАМ И ИГРОКАМ В ТРАВЯНОЙ ХОККЕЙ.
ПЕРВОЕ СООБЩЕНИЕ НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ ИЗ СТОЛИЦЫ ОЛИМПИАДЫ.

ЁЙ ДОН!

В. ВИКТОРОВ,
М. ЕФИМОВ

Специальные корреспонденты «Огонька»

Когда началась лихорадка?

Этот репортаж был начат еще в Москве, за несколько дней до того, как на токийских стадионах прозвучит долгожданное: «Ёй дон — внимание, старт!»

Предстартовые дни! Тревожны и значительны их приметы. Последние прикидки. Все новые и новые рекорды, «96-я проба» готовности! Заочный диспут корифеев перед очной встречей на беговых дорожках Национального стадиона в парке Мэйдзи, на водных дорожках и баскетбольной арене олимпийского центра Ёеги, в гимнастическом зале «Гимназиума», в борцовских залах Комадзавы, на просторах залива Сагами, в гребном канале Тода.

Но когда же началась эта стартовая лихорадка? Ее первые симптомы установить не так-то просто. За полтора года до открытия Токийской олимпиады на другом конце света, в Рио-де-Жанейро, члены совета Международной любительской легкоатлетической федерации по часам и минутам утвердили программу, включающую все тридцать шесть видов легкой атлетики. Еще в апреле 1963 года бегуны, прыгуны и метатели знали, когда выйдут на старт в Токио, и, может быть, поэтому уже тогда впервые испытали то волнение, которое захватит их сейчас целиком, без остатка...

И еще раньше — вечером 11 сентября 1960 года, когда над переполненным стадионом «Форо Италико» в Риме в густых южных сумерках вспыхнули прощальные строки: «Арриведерчи а Токио, 1964»,— на другом стадионе, пустом и будничном, в далекой японской столице вынуты были первые кубометры земли, и скрежет бульдозеров явился как бы стартовым сигналом к огромным работам.

Клад найден

Оринпику — так звучит слово «олимпиада» по-японски — завладела помыслами множества людей еще пятьдесят лет тому назад. Япония претендовала на право проведения VI Олимпийских игр 1916 года, но тогда первая мировая война нарушила все планы, и уже построенный олимпийский стадион Комадзава остался пустым. Теперь Токио готов к приему гостей.

Одному из нас довелось в прошлом году побывать в японской столице. В то время трудно было поверить, что этот десятимиллионный гигант успеет подготовиться к олимпиаде. И вовсе не потому, что сама по себе организация встречи лучших спортсменов мира — дело очень сложное. Просто Токио не только самый большой и населенный город в мире, но, пожалуй, еще и самый неорганизованный.

Представьте себе головоломное нагромождение разнокалиберных зданий, отсутствие тротуаров и уличного освещения и даже общепринятой системы нумерации домов. А к этому еще надо добавить миллион автомобилей и мотоциклов, мчащихся с полностью включенными фарами.

И вот в этом-то городе развернулась небывалая по своим масштабам подготовка к Олимпийским играм. Токио буквально ходил ходуном, но на сей раз землетрясение было ни при чем. Тысячи строительных машин и механизмов разгрызали и долбили, сверлили и раздвигали улицы. По ночам, когда работы велись особенно интенсивно, можно было подумать, что все жители задались целью найти грандиозный клад, зарытый в неизвестном месте.

Прошел год, и там, где еще недавно в непослушный грунт забивали, как гвозди, гигантские стальные опоры, повисла скоростная автомобильная магистраль, поднятая на высоту 20 метров, открылись стадионы, гостиницы, спортивные площадки.

Говорят, что на подготовку Олимпийских игр Япония истратила сумму, достаточную для запуска человека на Луну. Но хозяева страны не жалеют затраченных средств. Они рассчитывают с лихвой компенсировать миллиарды иен.

Знаменательно, что японцы избрали для олимпиады такой девиз — «Мир один — Олимпиада». История этого девиза такова: газеты провели по всей стране конкурс, и из многих тысяч предложенных вариантов было избрано это, наиболее полно отражающее идею олимпиады изречение. Броский лозунг теперь переливается всеми цветами радуги над домами и стадионами Токио.

Мир един — вот клад, найденный в токийской земле. Эта истина становится особенно веской здесь, в столице XVIII Олимпийских игр. Не удивительно, что вопреки протестам реакционных сил священный огонь мира и дружбы, проделавший путь в 26 тысяч километров, едва не потушенный гонконгским тайфуном, внесет на Национальный стадион юноша по имени Сакаи. Он родился в пригороде Хиросимы 6 августа 1945 года. Народ, который испытал на себе атомный тайфун, доверил олимпийский факел сыну Хиросимы...

Что нам готовит акибарэ?

А рядом с величественным соседствует и смешное. Готовясь к приему спортсменов из 98 стран, японцы решили многих гостей порадовать национальными кушаньями. В этом перечне первых и вторых блюд, обнародованных заранее, мы нашли и русский борщ — «жидкое блюдо типа суп», как объясняют традиционное русское блюдо авторы кулинарной программы.

Япония — страна людей среднего роста, и вот, готовясь к нашествию великанов, организаторы олимпиады заранее известили все страны, что в олимпийском городке будут установлены кровати длиной в 2 метра, а для тех, кто на них не уместится, приготовлены специальные приставки длиной в 33 сантиметра.

Да, еда и сон — немаловажные условия победы, но существует еще одно — климат. И тут уже не до смеха. Гостеприимные хозяева не скрывали от своих гостей всех сложностей, связанных с японским климатом. Недаром самые опытные метеорологи долго анализи-

Продолжение — на 26-й стр.

Олимпийский огонь.

Первые знакомые в Токио. В центре советская спортсменка Тамара Федосова.

Фото ЮПИ.

Союз земли и

Петря ДАРИЕНКО,
министр культуры
Молдавской ССР

Недавно мы, группа молдавских писателей и деятелей искусства, принимали участие в днях молдавской литературы и искусства в Российской Федерации.

Начались наши встречи на Волге, в Чебоксарах, а закончились в Петрозаводске. Нас принимали, как братьев. У входа в каждый дом нас встречала сама Россия в облике хлебосольной, до слез приветливой, доверчивой, душевно щедрой матери. В нашу жизнь, как луч солнца в сердце, навсегда вошла дорога, которую мы прошли за эти дни. У нас, у всех участников поездки, создавалось впечатление, что мы стремительно, с космической скоростью мчались за солнцем. Мы и часа не были без солнца.

Не надо доказывать того, как крепко молдаване любят солнце. Молдавию все умеющие видеть, чувствовать и слышать называют, и это вполне справедливо, краем цветов и садов, дойн и родников, поэзии и легенд, краем вина и огненно-размашистой молдовеняски... Мы не спорим: да, такова наша Молдова, таков ее неспокойный характер. Земля благодатна. Народ говорит: воткни в землю палку, и она через некоторое время, покрывшись буйным цветом, начнет плодоносить. Люди, приезжающие к нам в гости, знакомясь поближе с никогда не умолкающими Кодрами, с моими земляками, умеющими по-настоящему работать, задушевно петь и лихо танцевать, заключают: «Да у вас каждый второй человек — поэт».

Народ наш всегда был талантлив: иначе он не создал бы свою поэтическую балладу «Миорицу», которая по праву признана изюминкой всемирной литературы; он бы не выдвинул из своей среды корифеев нашей национальной литературы; он бы не подарил людям свои дойны, которые так легко, без перевода, находят прямую дорогу к сердцу целых народов. Советская действительность первой оценила эти качества народа, признала их, поддержала всеми своими средствами, и Молдова за короткое время сделалась поэтессой, певицей, художницей.

Молдаване всегда помнят такую истину: без солнца земля одна не в силах рождать красоту, обилие цветов, винограда, не способна утверждать жизнь. Мы ни на миг не забываем, откуда приходит к нам солнце. У нас первый поклон всегда обращен к солнцу.

В нашу поэзию вошла звездоносная, самая человечная и песнеобильная из всех столиц мира — Москва.

Я должен в этом выступлении рассказать о своей республике, а начал встречей с друзьями. Живем мы в многочисленной дружной семье. Никаким ветрам — пусть самым зловещим — нас не разлучить. Семья наша велика и сильна. У нас невозможно рассказывать о себе, не вспоминая о своих сестрах и братьях. Еще одно обстоятельство подсказало мне именно с этого начать рассказ о своей республике. На Волге, в Карелии, на Неве и в Москве — везде, где нам пришлось побывать, по-настоящему глубоко знают и высоко ценят Молдавию, ее историю, ее искусство и литературу. Мы неоднократно убеждались: нашу республику знают чуваши и украинцы, карелы и эстонцы, русские и узбеки, знают в самых отдаленных уголках Родины.

— Вы знаете, какие у вас весны? — спросил меня один карельский друг.

Я несколько удивленно посмотрел на него.

— Весной у вас с холмов к Днестру рядами бегут яблони... Но это не яблони, а девушки-красавицы, молоденькие, стройные, все в белых косынках и в белых носочках... Скажите, не так?

Именно так, друг мой родной!

— Однажды я видел у вас, недалеко от Тирасполя, вот что. В центре обширного поля, покрытого зеленым ковром пшеницы, стояло одно-единственное дерево... Сказывают, то была груша. Как она забрела туда? Почему ее люди не пересадят? Не знаю. Но она, как хозяйка земли, стояла...

Друг рассказывал о молдавской груше, как о дереве, своей рукой посаженном. У него на то имеется полное право: может быть, ту грушу мои земляки именно в его честь и посадили — он освобождал Молдавию и на берегу Днестра потерял ногу.

Никому и никогда не счесть, сколько сынов России сложили головы за свободу, за цветы, за Кодры Молдовы, за воды Днестра — этого ревнивого создателя и хранителя народных дойн! Народ в память каждого друга, погибшего на нашей земле и за нашу же землю, обязательно должен посадить фруктовое дерево. Но, к сожалению, мы при всем желании не полностью можем соблюсти эту традицию свою: если посадить в память каждого погибшего человека дерево, то не будет места ногой ступить.

...Доброе утро, Молдова моя! Я вернулся от друзей. Я принес тебе слова сердечного привета. Дай-ка я погляжу на тебя хорошенько.

Самолет делает последний круг над Молдавией. Гляжу на города и села мои, на Кодры, на серебряную ленту Днестра. Днестр мой быстрый, тебе великая Волга поклон свой прислала!

На виноградных плантациях работают тракторы. Нашенские, молдавского производства. Первый трактор сошел с конвейера Кишиневского тракторосборочного завода 21 сентября 1962 года — день этот нами не забыт, он занесен в книгу золотых дел народа. В 1963 году были произведены уже сотни тракторов.

Несколько южнее Тирасполя в океане садов виднеется какой-то своеобразный дымящийся и гудящий остров: там идет полным ходом строительство Молдавской ГРЭС. Вступил в строй ее первый агрегат мощностью 200 тысяч киловатт. В 1963 году в Молдавии было произведено электроэнергии в 56 раз больше, чем в 1940 году. Народ, который сравнительно недавно был обречен на погибель, встал на ноги во весь свой рост и своими делами изумляет мир. Вот что писал буржуазный экономический журнал «Жизнь и экономика» в 1929 году: «С Бессарабией не церемонились. Для удушения ее физической силы, морального духа не употребляли даже примитивной логики. Не искали даже оправданий для тех или других безрассудных распоряжений. Говорят, глухой бьет свою жертву, пока не увидит крови, так как он не слышит стонов. Слепой бьет, пока не услышит стонов, так как он не видит крови. Бессарабию в экономическом отношении били глухие и слепые, не слышали стонов, не видели крови».

Вышеприведенные слова передают действительную картину тех дней, крайне тяжелых и мрачных в жизни молдавского народа.

...Молдавский народ веками будет славить день 28 июня 1940 года, когда Бессарабия была воссоединена с Родиной.

В Молдавии и человеку, и песне, и роднику—всем теперь легко. Одному лишь саду в эту пору приходится туго: он отяжелел от обилия фруктов. Они, зеленые, светло-бархатные, желтые, синие, румяные, красные, пригибают кроны сада к земле. Сад, надо полагать, не обижается: побольше бы таких трудностей. Глядишь — глаз не оторвать: вся земля засыпана многокрасочными радугами. Так молдаванин застилает свежескошенной зеленой травой пол в своем доме. Это к празднику, к приезду гостей.

Моей республике исполняется сорок лет. Создана она волей народа и партии. Сорок лет исполняется и ее авангарду — партийной организации, которая является органической, неотъемлемой частью великой партии Ленина. Сорок лет! Возраст Молдавии исчисляется не десятилетиями, а столетиями. 40 лет — это возраст ее подлинного возрождения, ее свободы, ее политического, экономического и культурного расцвета. Короче, это возраст ее настоящей зрелой молодости. Время имеет свои законы: оно неумолимо идет вперед. Пройдут годы, придет день, когда Советской Молдавии исполнится 50, 75, 100 лет... Молдавия, конечно, станет старше, но для меня она останется всегда сорокалетней: уж больно возраст хороший, просто неповторимый!

40 лет — праздник борьбы и побед молдавского народа, новый триумф ленинской дружбы народов. Праздник отметим по-настоящему — хорошей песней, головокружительным танцем и бокалом вина. Собрать бы всех советских людей к нам, на Днестр, да и сразу чокнуться всем так, чтоб содрогнулся старый, дряхлеющий мир. Вина у нас хватит. Да и качество, как говорят понимающие толк в этом деле, вовсе не плохое. Группа туристов, посетив молдавские винохранилища, сказала:

Анастасия Чайник, колхозница сельхозартели «Бируинца».

СОЛНЦА

«Если бы человечество поставить перед выбором, где жить: в подвалах Молдавии или в раю, рай оказался бы безлюдной пустыней». Теперь в Молдавии под садами и виноградниками занято 424 тысячи гектаров. У нас — четвертая часть всех виноградников страны.

Люди у нас труженики. Землю любят. Знают ее душу и умеют глубоко заглядывать в нее. Это вовсе не новоприобретенное качество. Молдаване издавна славятся как тонкие мастера возделывания земли. Но сделал их особенно дальнозоркими и сильными колхоз. В 1926 году первая молдавская советская газета, «Плугарул рош» («Красный пахарь»; ныне эта газета называется «Молдова сочиалистэ»), писала: «В северных районах республики людям нечем обрабатывать землю. Нет скота, нет сельскохозяйственного инвентаря. Нет у них семян».

— Наш колхоз — ровесник республики,— рассказывает председатель артели имени Ленина, Резинского района, Иосиф Федорович Качурка.— Недавно отмечали его сорокалетие. В январе 1924 года, когда мы переживали дни самой глубокой боли в связи со смертью Владимира Ильича, в село наше вернулся старый коммунист Дионис Тимуш. Он собрал группу крестьян и сказал им: «Хотите, чтобы мы увековечили имя Ленина? Давайте организуем коммуну и начнем новую жизнь». 12 семейств, среди которых и мое, объединились. Было трудно. Кулаки ставили палки в колеса. В 1929-м коммуну преобразовали в колхоз. Теперь у нас 7 тысяч гектаров земли. Колхоз имеет 40 тракторов, 26 автомашин, 25 комбайнов.

Ленинская «Искра» в свое время с болью писала о тяжелой, голодной и беспросветной жизни крестьян молдавских сел Трифанешты, Фрумушика и Севирова. Колхоз «Прогресс», объединяющий два села — Фрумушика и Трифанешты, сейчас славится на всю республику. Возглавляет его бывший батрак, ныне Герой Социалистического Труда Е. И. Тофан. Люди живут, как полагается жить. В колхозе имеется 67 тракторов, 49 автомашин, 39 комбайнов. В прошлом году доход колхоза составил 2 миллиона 249 тысяч рублей. На территории колхоза действуют шесть школ, две из них — одиннадцатилетки, два Дома культуры, пять библиотек, широкоэкранный кинотеатр, несколько магазинов, баня, мастерские по бытовому обслуживанию.

В доме молдаванина с каждым годом больше хлеба, больше мяса, молока, больше фруктов и овощей. Люди стали одеваться со вкусом. Не только по внешнему виду, по одежде, но и по своему интеллектуальному развитию, по интересам, по духовным запросам не отличишь у нас рабочего от инженера. Человек в моей республике стал еще более интересным, душевно богатым, красивым, смелым и благородным. Михаилу Петровичу Питороагэ исполнилось 75 лет. Колхоз «XXI съезд КПСС» высоко оценил его долголетний труд, выделил ему пенсию: человек заслужил покой. Михаил Петрович поблагодарил земляков, однако от работы не отказался. Потребовал найти ему дело: не привык без работы, да и силенки еще есть. Ежегодно Михаил Петрович вырабатывает по 300 трудодней. Работает и собирает деньги. Накопил 1 000 рублей. Недавно взял эту сумму и направился в редакцию районной газеты «Зориле».

— Я пришел к вам, люди добрые, за советом,— обратился он к журналистам.— Человек должен оставлять на земле только красивое. У нас, у молдаван, есть один обычай. Помню, в прошлом люди моего возраста накопленные деньги отдавали на строительство церквей. Религия — это обман, всем известно. Но обычай оставлять на память людям плоды своего труда очень красивый. Я накопил тысячу рублей и прошу принять их от меня: пусть пойдут на строительство Дворца культуры. У нас много света в селе, так пусть его будет больше.

Судьба нашего края, естественно, схожа с судьбой людей настоящих, тех, что любят трудиться и оставлять после себя добрую память. Газета «Советская Бессарабия» в 1940 году, сразу после освобождения Бессарабии, писала: «На перекрестке у одного шалаша стояло шестеро детей, совершенно голых и настолько грязных, несчастных и слабых, что нету слов. Их мать недавно умерла. Отец продал свою землю, чтоб собрать средства на ее похороны. Вот и Константин Калестру, который имеет 6 детей и ни одной пяди земли. У него нет ни коровы, ни свиней, у него всего одна курица...» Таким был и край, где родились Константин Калестру и его дети. Это было в селе Васиены, Котовского района. Как сложилась судьба детей К. Калестру? Федор ныне руководит партийной организацией колхоза имени Котовского. Ион — колхозный тракторист. Недавно построил себе новый дом. Николай работает шофером. Живет в городе. Получил квартиру из трех комнат со всеми удобствами. Михаил — бульдозерист на Рыбницком цементном заводе. Также построил себе дом. Леон — шофер в колхозе. Вступил в члены КПСС. Люба — медсестра в родном селе.

Судьба Молдовы в прошлом всегда была невыносимо трудной. Как только она обрела свободу и начала выходить на свою дорогу, нагрянула война. Многие сыны ее не вернулись: сложили головы в разных концах Европы. Хозяйство было разрушено. Оккупанты вывезли все тракторы, комбайны, автомашины, около 100 тысяч лошадей, свыше 130 тысяч голов продуктивного скота. Погибло и было уничтожено 15 процентов виноградников, 25 процентов садов и все питомники. Нелегко было. Опять пришлось начинать все сначала. Республика справилась с трудностями: рядом всегда были ее верные друзья — братские народы. А теперь, расправив крылья, Молдова поднялась высоко и пойдет еще дальше, был бы только мир.

Я смотрю показатели самых различных областей развития экономики и культуры моей республики: хороши! Вот некоторые из них. Валовая продукция всей промышленности в 1963-м в сравнении с 1940 годом выросла в 12 раз. По отраслям: валовая продукция машиностроения и металлообработки в 1963-м выросла в сравнении с 1940 годом в 130 раз. В 1963 году консервными заводами республики произведено консервов в 4,3 раза больше, чем было произведено в 1913-м в целом по нашей стране в современных границах. Число массовых библиотек возросло по сравнению с 1913 годом в 22 раза, а количество книг — в 214 раз. Библиотек всех видов на начало 1961 года было 4 060. В 1914 году имелись всего 72 массовые библиотеки. Высших учебных заведений не было в Молдавии. Теперь у нас готовят высококвалифицированные кадры Кишиневский университет, институты искусств, сельскохозяйственный, медицинский, Бельцкий и Тираспольский педагогические институты, в этом году создан политехнический институт. Работает Академия наук. Имеется 6 театров, крупная филармония, 1 561 клубное учреждение. В 1913 году на 10 тысяч человек населения приходился 1 врач, а сейчас — 15. В Молдавии, в той самой, которой буржуазные писаки предсказывали смутное, очень смутное будущее, теперь приходится на десять тысяч человек больше врачей, чем в США, Канаде, Англии, Франции.

Я люблю эти факты. Я не могу обойтись без этих цифр. Это не безмолвные статистические цифры, нет. Они говорят красноречиво о тех грандиозных сдвигах, которых добился мой народ под руководством партии. Наши цифры, как живые, залитые золотыми лучами, идут по дорогам края, входят в сердца друзей, они вдохновляют и радуют друзей, они злят недругов наших, они поют на всю страну. Послушайте, какая чудесная песня родилась в труде народа и партии! Песня — неумирающая, задорная, быстрокрылая — вобрала в себя храбрость, силу, смелость людей, цвет их глаз, тепло их сердец, чудо земных пластов и необъятность просторов. Познакомьтесь с поющими цифрами, и вы увидите, на какие высоты поднялась Молдова. Взобралась не для того, чтоб стоять на месте и красоваться. Нет. Ее зовут новые дали, она вся устремлена навстречу им; а там новые высоты, значительно больше завоеванных. Дойти и подняться на их вершины нелегко будет. Но высоты будут нашими: впереди нас всегда идет уверенным шагом вечно живой, родной, дающий нам силу и свет Владимир Ильич.

У нас праздник. Приезжайте к нам, дорогие друзья. Республика наша никогда не закрывает двери. У каждого въезда в республику земля для вас выбросит триумфальную радугу. Мы подготовили для вас много-много цветов...

БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ–

Собственный корреспондент «Огонька» Леонид СТЕПАНОВ

Приехал сосед — геноссе Клешиц. Слева — начальник буровой «Барт» Г. И. Соловов, справа — Ф. У. Ахмедзянов.

Росток утром.

Всемирный универмаг

Рассказать о старейшей в Европе международной Лейпцигской ярмарке очень трудно. Это надо видеть. Большой красивый город становится на две недели всемирным универмагом, переполненной вселенской гостиницей. Площади и улицы Лейпцига пестры от национальных флагов, рекламных щитов и ярмарочных украшений. Разноязыкая толпа шумит, рассматривает, смеется, ведет деловой разговор, ест горячие сосиски, пьет кофе. Светящиеся бегущие строчки над высотным зданием каждую минуту сообщают какую-нибудь новость: прибыл торговый гость из Африки, заключено соглашение на столько-то марок, открыт новый павильон... Наряду с достижениями легкой промышленности мирового класса, выставленными для всеобщего обозрения на широких витринах, какие-то кустари-изобретатели в традиционных черных цилиндрах демонстрируют свои дешевые, уморительные и очень практичные кунстштюки. Зефирные манекенщицы прохаживаются перед почтенной публикой то в сибирских мехах, то в купальных костюмах Французской Ривьеры. Благодушные любители пива чокаются огромными кружками, неторопливо судачат о ценах, о фасонах. Мальчишки в коротких штанах азартно меняются почтовыми марками. Деловитые студенты торговых училищ что-то тщательно записывают в свои блокноты. И на каждом шагу товары, товары, товары... Самые лучшие из тех, что сегодня производятся в шестидесяти странах мира.

«Целый мир в ореховой скорлупке» — так назвал великий Гете Лейпцигскую ярмарку сто пятьдесят лет назад. Что бы он сказал теперь!

Осенняя ярмарка этого года проходила под девизом: «Качество гарантирует успех». Собственно говоря, этот девиз можно было бы вывешивать на воротах каждой ярмарки: при равных прочих условиях на ярмарке всегда побеждали товары более высокого качества, изящной формы, тщательной отделки. Однако новым на ярмарке было то, что под этим девизом чаще, чем прежде, побеждали страны нашего социалистического лагеря. Товары же, представленные на ярмарке самой хозяйкой — Германской Демократической Республикой,— не только выдержали строгий экзамен мирового рынка, но в ряде случаев оказались самыми лучшими образцами.

Всеобщее признание нашли текстильные товары ГДР, особенно малимо. Прошло всего пять лет после изобретения этого принципиально нового в текстильной промышленности метода изготовления материи, а станки, выпускаемые в Карл-Маркс-штадте уже работают в тридцати странах мира. Более шестидесяти процентов продукции текстильной промышленности, производимой в ГДР, идет на экспорт.

— Посмотрел бы старик Карл Цейсс на своих «наследников»! Ему и не снились такие обороты! — Эту реплику я услышал в павильоне оптики ГДР. Итальянский коммерсант смотрел на таблицу, где было написано, что с 1950 года бывшие оптические заводы Цейсса в Йене увеличили свой коммерческий оборот вчетверо. Оптика ГДР поступает теперь в 116 стран мира!

Да, вряд ли бывшие владельцы немецких фирм и концернов смели рисовать себе такие перспективы развития. Это относится и к хозяевам мрачно знаменитого концерна «ИГ-Фарбениндустри».

Не имеющая предела

На Лейпцигской ярмарке особенно ясно видишь, как быстро химия становится доминантой всего промышленного производства. Она не только преобразует целые отрасли промышленности, но и широко, царственно входит в быт, щедро, словно из рога изобилия, высыпая новые красивые виды одежды, изящные и удобные предметы домашнего обихода, разного рода материалы, из которых уже делаются не только квартиры, но даже целые города — нарядные, чистые, комфортабельные.

— Мы живем в такое время,— сказал мне в павильоне химии ГДР доктор Людер,— когда ни одна индустриальная страна не может отказаться от первоочередного развития химии. Химия — это буквально все. Практически она не имеет предела.

Экспонаты павильона химии ГДР были лучшей иллюстрацией к словам доктора Людера. Энергия моторов, питание полей, стройматериалы, пластики, искусственное волокно, каучук, трубы для водопровода, красители, медикаменты... Нет, положительно невозможно перечислить всего, что дают химические предприятия ГДР народному хозяйству страны. И не только. Огромная часть продукции идет на экспорт.

В пятьдесят три страны направляется продукция химических заводов «Буна», связанная с обработкой синтетического каучука. Более шестидесяти стран покупают продукцию завода «Лейна» — азотные удобрения, дизельное топливо и еще около сотни важнейших химических продуктов, предназначенных для дальнейшей обработки.

— Вы, конечно, знаете,— продолжал доктор Людер,— что оба эти завода, «Лейна» и «Буна», принадлежали концерну «ИГ-Фарбен». Но «ИГ-Фарбен», считавшийся когда-то химическим гигантом, показался бы просто карликом по сравнению с нашими заводами. На «Лейне», например, работает теперь более 30 тысяч рабочих. А когда завершится строительство комплекса «Лейна-2», то производительность комбината по сравнению с сегодняшней возрастет в шесть раз. Представляете, какие масштабы?

Доктор Людер с удовольствием потирает руки, потом с улыбкой добавляет:

— Но все это станет возможным, когда полностью войдет в строй нефтеперерабатывающий комбинат в Шведте. Сейчас «Лейна» да и другие наши химические предприятия работают на буроугольной базе, а потом перейдут на нефть. Значит, будущее нашей химической промышленности связано с нефтью, с нефтепроводом «Дружба».

Нефтяники Мекленбурга

— Я бы сказал иначе,— включается в наш разговор другой сотрудник павильона химии, доктор Ион. — Я бы сказал, что наше будущее связано с вашей дружбой, с дружбой вообще. Может быть, и не обязательно нефтепровод. Знаете ли вы о том, что сейчас в Мекленбурге ищут нефть?

— В Мекленбурге? Но ведь там, на вашем равнинном севере, никогда не было даже следов нефти!

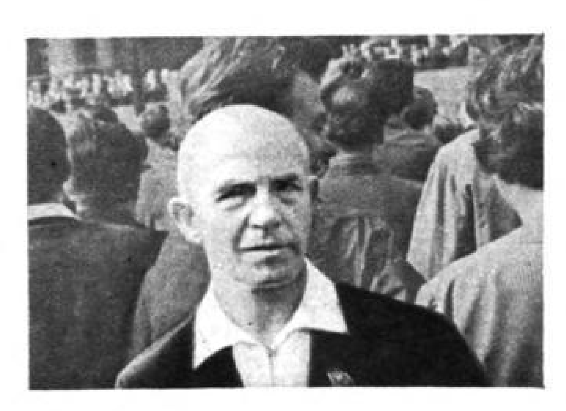
— Так считалось когда-то. Теперь ваши нефтяники утверждают другое. Поезжайте в район Гримена, посмотрите. Им кое-что уже удалось найти. Кроме того, скоро к нам прибудет ваше специальное судно. Оно начнет искать нефть в море.

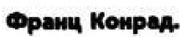
...Флюр Усманович Ахмедзянов, башкир по национальности,

Продолжение. См. «Огонек» № 41.

ЗДЕСЬ !

Франц Конрад.

Новые хозяева заводов «Лейна».

прежде занимался разведкой нефти в Узбекистане и Таджикистане. Теперь почти два года он работает в районе Гримена в качестве главного геолога-консультанта. По дороге на буровую «Барт» он мне рассказывает:

— В Райнкенхагене идет добыча, имеющая промышленное значение. Но запасы там, по-видимому, невелики. Летом 1963 года мы нашли нефть в Гримене. Нефть хорошего качества—маслянистая, с небольшой примесью серы, с хорошим выходом бензина и керосина. Буровая «Барт», как и буровая в Грайфсвальде делают опорные скважины для изучения глубоких отложений, до 5 тысяч метров. На «Барте» уже перешли отметку 3,5 тысячи. Не хочу делать преждевременные выводы, но есть обнадеживающие признаки.

...Типичный мекленбургский пейзаж: зеленая равнина и большое стадо коров без пастуха, огороженное тонким оголенным проводом с небольшим напряжением тока. И рядом совершенно необычная для этого пейзажа буровая вышка. Командует на «Барте» молодой инженер из Куйбышева Геннадий Иванович Соловов, а непосредственно буровые работы проводит один из самых опытных наших мастеров-ветеранов, Александр Михайлович Дзюба. Коллектив буровой работает дружно, плодотворно да еще, кроме своего основного дела, помогает стать хорошими нефтяниками молодым немецким специалистам. Тринадцать таких юных «крестников» уже самостоятельно работают на острове Узедом, где тоже идут поиски нефти, а девять еще продолжают практику на «Барте».

В тот момент, когда мы знакомились с нашими нефтяниками, на «Барт» приехал сосед — начальник буровой «Грайфсвальд» геноссе Клешиц. Соседние буровые — советская и германская — соревнуются. Они вгрызаются в недра земли почти параллельно. Но это, конечно, не исключает, а предусматривает взаимную помощь. Вот и теперь геноссе Клешиц приехал на «Барт» посоветоваться насчет алмазных коронок. В последнее время они стали срабатываться слишком быстро.

Дружба продолжается и после окончания работы. Советские и немецкие специалисты вместе охотятся на кабанов, ходят на рыбалку. Недавно Флюр Усманович стал местным рекордсменом и получил приз. Он поймал на спиннинг полутораметровую щуку — почти на 12 килограммов. Вытащили ее на берег объединенными советско-германскими усилиями. И потом устроили веселую общественную уху с тостами и песнями.

В Штральзунде, где живут наши нефтяники, есть Дом дружбы. Здесь часто бывают шахматные турниры, концерты самодеятельности. Концерты замечательны тем, что выступления идут на двух языках. Зрители всегда хорошо понимают и самым радушным образом встречают самодеятельных артистов. А когда на сцену выходят дети, то получается своеобразное соревнование: русские дети читают немецкие стихи, а немецкие дети — русские.

— В общем, дружба настоящая! — говорит Флюр Усманович.— Крепче не бывает.

Верил тогда и верю теперь...

Моим соседом в самолете на пути в Берлин оказался молодой немец из Лейпцига. Он возвращался домой после закрытия международной выставки строительных машин в Лужниках. Всю дорогу он мне рассказывал об успехах машиностроения ГДР, о том, какие машины ГДР используются в Советском Союзе и на каких стройках. Петер рассказывал очень увлекательно, и два с лишним часа полета прошли совсем незаметно. Только на берлинском аэродроме Шенефельд мы познакомились как полагается: назвав себя по имени, сообщив место работы и адрес. На визитной карточке, которую мне дал Петер, стояло: Лейпциг, площадь Димитрова...

Лейпциг. Димитров.

Конечно, сразу же вспомнился судебный процесс 1933 года, за которым следил весь мир. Коммунист, изнуренный карцером и цепями, входил в зал суда и один вел сражение против целого фашистского рейха. И он победил тогда. И мы победили позже — мы, к кому он обращался с призывом объединиться против фашизма.

И вот теперь навечно адрес: площадь Димитрова. В Лейпциге — втором по величине городе социалистического германского государства.

13 сентября я пришел на площадь Димитрова вместе с тысячами немецких патриотов. Здесь состоялся митинг, посвященный памяти погибших немецких антифашистов. С трибуны перед бывшим зданием суда, а ныне музеем Георгия Димитрова выступали старые коммунисты — соратники Эрнста Тельмана и Вальтера Ульбрихта.

Они были не только на трибуне. В толпе неподалеку от себя я увидел несколько пожилых людей с красной муаровой ленточкой на груди: «1918—1923». Такие ленточки в Лейпциге носят коммунисты, принимавшие участие в вооруженных классовых боях.

С одним из старых коммунистов я познакомился после окончания митинга.

Франц Конрад хорошо помнит выступление здесь, в Лейпциге, Карла Либкнехта. Он участвовал еще в разгроме каппсвского путча. В годы фашизма товарищ Конрад не раз сидел в тюрьме. С 1933 года он был уволен с работы «бессрочно» как человек, «опасный государству». Однако фашисты были слишком самонадеянны. Они, видимо, полагали, что их государство тоже будет существовать «бессрочно».

После разгрома фашизма, весной 1945 года, Франц Конрад опять вернулся в свой трамвайный парк, где и работает поныне.

— Нашему городу есть чем гордиться,— говорит Франц Конрад.— Ленинская «Искра» увидела свет здесь, у нас в Лейпциге. За революционный дух лейпцигского пролетариата город уже полвека зовут «Красным Лейпцигом». Здесь выступал Эрнст Тельман в тридцать втором; я слышал тогда эту речь. Вот она, улица Тельмана. А на этом месте стояли мы с товарищами, когда Димитрова в первый раз привезли на суд. Выступления Георгия Димитрова имели тогда огромное значение для всеобщей мобилизации против фашизма. Мы здесь, в пригороде Лейпцига, печатали листовки, в которых рассказывали о Георгии Димитрове, о его подвиге. Потом меня и других товарищей арестовали. Это было здесь, в подвале. Пытали, конечно...

Тут Францу Конраду пришлось прервать свои воспоминания: разрезая толпу, прямо на нас шла колонна пионеров. Веселые, звонкоголосые мальчишки и девчонки пели одну из боевых рабочих песен бурных двадцатых годов.

Старый коммунист добродушно усмехнулся:

— Ишь, как стараются! Что они знают о фашизме? Только по книжкам...

И, помолчав немного, добавил:

— Эти наверняка увидят социалистическую Германию. **Всю нашу Германию.** Верил в это тогда и тем более верю теперь.

150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В. ТУРБИН

Бродить возле могилы Лермонтова, смотреть, слушать...

Нет идиллической кладбищенской тишины; нет искусственно созданного благообразия, благолепия: Россия приютила поэта ревниво и бережно, но случилось как-то так, что последнее прибежище его оказалось неподалеку от беспокойной грейдерной дороги, от шумных перекрестков. Пути расходятся: один — в Москву, другой — к Жигулям, третий — на юг, к Саратову, и дальше — к степям Калмыкии, к кавказским предгорьям. На дороге указатель: «Село Лермонтово — 1 км». И мимо села деловитыми вереницами идут машины — пензенские, саратовские... С углем. С лесом. С железобетонными плитами.

Могила окружена жизнью, бесспорной и торжествующей.

И вспоминается, что среди других мятежных и бурных стихотворений есть у Лермонтова одно, особенно, быть может, мятежное и бурное — «Могила бойца». Это о воине, который «спит последним сном»; об отгремевшей пирами и битвами доблестной жизни и о певце родной земли, который поет о ратнике свои песни. Воина забыли. И Лермонтов спрашивает:

> На то ль он жил и меч носил,
> Чтоб в час вечерней мглы
> Слетались на курган его
> Пустынные орлы?

Жизнь в стихотворении дерзко соперничает со смертью. Жизнь побеждает ее, и кажется, что воин, боец вот-вот проснется, воспрянет, очнувшись ото сна, вырвет из ножен меч—пойдет по земле, гремя славою, скликая друзей отовсюду к пиршественной чаше, к подвигам ратным, к каким-то очень праведным и мудрым деяниям.

Могила Лермонтова — тоже могила бойца. Воина, которого никто и никогда не позабудет...

Все в поэтическом мире Лермонтова мчится, торопится, спешит: люди, события. Среди юношеских стихотворений — тех, в которых гений поэта еще пробуждается только,— на первом месте, конечно, «Парус».

> Белеет парус одинокой
> В тумане моря голубом.—
> Что ищет он в стране далекой?
> Что кинул он в краю родном?
>
> Играют волны, ветер свищет,
> И мачта гнется и скрыпит;
> Увы,— он счастия не ищет
> И не от счастия бежит!

Парус торопится на поиски неведомого, и кажется, что он хочет обогнать несущий его ветер. А вокруг медленно плещутся волны. И в поэтическом завещании Лермонтова, в стихотворении «Родина», такое же сочетание движения медленного и плавного с возможно более быстрым движением, с движением вскачь, торопливым:

> Проселочным путем люблю скакать в телеге,
> И, взором медленным пронзая ночи тень,
> Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
> Дрожащие огни печальных деревень...

И, стало быть, поэзия Лермонтова как бы обрамляется этими двумя «торопящимися» образами: искатель-корабль, бегущий по волнам, и искатель-человек, торопливо пересекающий в телеге русскую равнину. От одного стихотворения до другого — девять лет: «Парус» написан в 1832-м, «Родина» — в 1841 году. И эти девять лет — творческий путь, творческая жизнь Лермонтова.

А жил Лермонтов так, будто сам он торопился больше всех своих героев. Все, что он совершал, он совершал раньше, чем это предписано обычаем, традицией или, наконец, самою природой: первая любовь пришла к нему в совсем раннем отрочестве, первое изгнание постигло его на пороге юности — он был изгнан из университета при обстоятельствах, так в подробностях и не выясненных; несомненно только, что он надерзил кому-то, надерзил умно, зло, с нескрываемым желанием бросить правду в лицо ретрограду. Опять поторопился: видно, не по нему было взвешивать, выжидать. И с тех пор — изгнания, гонения и странствия: поэта бросает из столиц на поля битв, от войны к миру. Верстовыми столбами начинают мелькать в его жизни годы: снова любовь... снова дерзость, сказанная кому-то... снова изгнание... дерзость... изгнание... И в последнем изгнании — снова дерзость, «неосторожные слова», от которых тщетно предостерегает житейская мудрость. И расплатой за все дерзости — пуля, смерть в предгрозовой час летнего дня.

Не удивительно, что под пером вечно торопившегося, жаждущего успеть, успевать жить поэта все торопилось.

> Тучки небесные, вечные странники!
> Степью лазурною, цепью жемчужною
> Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
> С милого севера в сторону южную.
>
> («Тучи»).

> ...за веком век бежал,
> Как за минутою минута...
>
> («Демон»).

Торопятся ветры, корабли, облака. Торопятся века, сжавшиеся, спрессованные силою своей тяжести до мимолетных размеров мгновения, и в этом торопящемся мире сегодня начинаешь узнавать наш мир, наши темпы — темпы самого торопливого века мировой цивилизации. Века, когда все совершается быстро, но тем не менее хочется, чтобы еще быстрее разваливалось старое, возникало новое, чтобы торопилась вершить свое мудрое и правое дело история, которая и без того не очень-то томит нас медлительностью.

В лице Лермонтова в русскую литературу входил огромного размаха интернационалист — исполин, способный, ни на мгновение не утра-

М. Лермонтов. АВТОПОРТРЕТ.

Государственный литературный музей. Москва.

М. Лермонтов. ТИФЛИС.

Государственный литературный музей. Москва.

РАЗВАЛИНЫ БЛИЗ СЕЛЕНИЯ КАРААГАЧ В КАХЕТИИ.

Пушкинский Дом. Ленинград.

чивая своей русской природы, объединить в себе лучшее из культуры Англии и культуры Грузии, поэзии Франции и Азербайджана. В произведениях его действуют испанцы и армяне, черкесы и осетины; в них отзвуки шотландских баллад и грузинских преданий, а о глубинных отзвуках в них русской устной народной поэзии уже и говорить не приходится. Лермонтов учится у Байрона, Гете, Виктора Гюго и ищет дружбы с Мирза Фатали Ахундовым. Передовая, революционная грузинская интеллигенция видит в нем своего, глубоко своего человека, и еще юношей откликается он на взрыв освободительного движения в Польше.

Говорят, что личность каждого человека в миниатюре повторяет всю историю человечества. Лермонтов — это сама Россия, творческая судьба Лермонтова — это открытие, прозрение глубинных закономерностей ее истории, ее национального духа.

И национальный дух этот ни в какой степени не выветрился, не угас, не рассеялся от неоновых огней больших городов, от успехов точных наук — наук, в которых национальное начало не может быть выражено так же бесспорно и определенно, как выражается оно в философии или в искусстве. Он не угас, и сейчас, кажется, он начинает пробуждаться с новой силой. Россия, тайны ее истории, волшебство ее архитектуры и живописи самых ранних, средневековых времен — все это становится для нас как-то ближе, понятнее, морально доступнее и год от года дороже. И одновременно с этим свободным, в каждом из нас будто по какому-то вдохновению вспыхнувшим интересом, уважением к себе как к нации растет равное уважение к духовным богатствам ближних и дальних наших соседей, и на опыте собственной духовной жизни постигаешь ту несложную истину, что уважать себя можно только тогда, когда уважаешь других.

Сегодня интернационализм Лермонтова открывает нам новые свои глубины. Лермонтов был великим русским поэтом; и слово «русским» хочется подчеркнуть как-то уверенно и гордо.

Творчество Лермонтова — это своего рода история долгого путешествия, странствия, в которое вовлечены все: и люди, и вещи, и явления природы — те же тучки или одинокий дубовый листок, тот, что «оторвался от ветки родимой» и понесся на крыльях ветра. Странствие — в лирических стихотворениях; странствие — в тех произведениях поэта, которыми завершается его прерванный пулей творческий путь,— в поэме «Демон», в романе «Герой нашего времени». Странствует космический искатель истины, исполин Демон, а где-то совсем в другом мире, в мире прозаическом и обыкновенном, странствует его земной двойник — аристократ-офицер Печорин. Странствие... Оно содержит в себе нечто очень русское, инстинктивную какую-то веру в то, что правду, искомую истину всего вернее обретешь в дороге, в пути, в скитаниях,— вспомним, сколько скитаться и странствовать приходится героям русских былин и сказок: они вечно в пути, всегда в дороге, и образ дороги в народной поэзии — это, быть может, самый неизменный, самый сердечный и богатый смысловыми оттенками образ. И связь поэзии Лермонтова с устным народным творчеством существует, несомненно, не только там, где она выражена «напрямую» и сказывается в обращении к историческим событиям, в языке, в стиле. Конечно, «Песня про... купца Калашникова» — вещь, исполненная так, чтобы в строках ее отзывались голоса древнерусских гусляров, бродячих разносчиков новостей.

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твово любимого опричника,
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслярный звон...

Но ведь не только в «Песне...» дело! Самое, может быть, «интеллигентное», самое утонченное из произведений Лермонтова, роман «Герой нашего времени» — он тоже в основе своей тяготеет к продолжению традиций: жизнь — вечное странствие, неутомимое скитание, которое должен, призван совершать человек — искатель, интеллигент, иронически именующий себя «странствующим офицером, да еще с подорожной по казенной надобности». Герои романа. Они-то, несомненно, морально отдалены от народа. Но в истолковании их судеб глубоко народен Лермонтов — гений, поведший их в их долгий и трудный путь.

Но еще более характерен для русской поэзии образ клада, сокровища, некоей спрятанной, погребенной и потаенной ценности, которую во что бы то ни стало надобно найти, отыскать, открыть — открыть с тем, чтобы немедленно даровать ее миру. Лев Толстой через всю свою жизнь пронес сказку о волшебной «зеленой палочке» — той, которую спрятали от людей, но которую народ рано или поздно отыщет: ведь «зеленая палочка» нужна, необходима людям; она наконец принесет им заслуженное ими, достойное их счастье. Клады, о которых бессчетное число раз повествуют нам народные предания,— это менее всего куча золота, сумма денег. Дело намного сложнее. Клад, преданиями о котором жили наши мудрые предки, был своего рода символом, и в символе этом заключены были народные представления о единении индивидуального счастья каждого из нас со счастьем всех. Но, будучи мудрым кладохранителем, человек по природе своей в то же время еще и кладоискатель, и призвание его — открывать сокровища, клады, целомудренно потаенные другими, искать клад, находить, обретать его.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад,—

горько проронил Лермонтов в стихотворении «Дума», и очень характерное есть в том, что «остаток чувства», чувства человеческие поэт уподобляет сокровищу, кладу — в данном случае кладу, который зарыт скупостью. Но важен не данный случай...

Все творчество Лермонтова — непрерывное кладоискательство, поиски «зеленой палочки», при волшебной помощи которой можно будет осчастливить все человечество разом. Лермонтов был прямым предшественником и Толстого, и Достоевского, и Чехова — плеяды художников слова, гуманистов, людей, по-юношески, по-русски неспособных успокоиться до тех пор, пока хоть один человек на земле будет гоним или несчастлив.

Россия в творчестве Лермонтова предстает как страна все еще не раскрытых, до поры до времени неведомых возможностей. «Немытая Россия», «страна рабов, страна господ». Но как бы ни была осквернена она деспотизмом и унижена рабством, нечто великое скрыто в ней. Не однажды прославляла она себя подвигами на поле брани — «недаром помнит вся Россия про день Бородина». Расплескалась она от окраины до окраины, с севера на юг; и движутся ее полки «от Урала до Дуная».

Веют белые султаны
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят...

Клад будет найден — еще один клад. Русский человек придет туда, «где носились лишь туманы да цари-орлы».

И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и злато,
Врежет страшный путь!

И все-таки другой, главный клад — он еще впереди! Россия еще не высказалась до конца, не исчерпала себя; ее тысячелетняя история — только обещание, только начало всемирно-исторического подвига. И Россия — вся в будущем. Россия — тоже клад. Россия — страна, необходимая миру как залог его предстоящего освобождения.

Но пока... Пока, в условиях, современных Лермонтову, не может быть раскрыт ни тот клад, который таит в себе русская нация в целом (не государю же императору и не шефу корпуса жандармов быть его обладателями!), ни тот клад, который скрыт в каждом отдельном человеке (не на царской же государственной службе он откроет себя!).

Роман «Герой нашего времени» — книга, сущность, мысли, глубины которой как бы скрыты под покровом незначащего, нестоящего; и с точки зрения официозной критики лермонтовского времени она так и осталась неупорядоченным описанием похождений странствующего бездельника, совершающего поступки то бесспорно доблестные, то малодушные, то просто никому не понятные — поступки, нелепости которых первым обычно удивляется он сам: то зачем-то ввязался в дела пограничных контрабандистов; то похитил девушку-горянку; то затеял странное пари — пари о том, есть предопределение или нет.

Между тем «Герой нашего времени» — книга, которая все еще остается не прочитанной нами до конца, и мысли ее, ее образы никогда не могут быть исчерпаны. Странствующий человек... Ищущий человек... Но всегдашний лермонтовский образ пути, путешествия, странствия здесь осложняется и начинает звучать по-новому: жизнь Печорина — непрерывная цепь поединков, дуэлей. В повести «Тамань» — трагикомический поединок Печорина с... девушкой-контрабандисткой, красавицей, как и большинство других лермонтовских героев, тоже прячущей что-то, хранящей какие-то тайны — тайну безгрешного в общем-то преступления своих близких, тайну своей любви. К тайне случайно прикоснулся чужой человек, Печорин, и вот чисто психологический словесный поединок между ним и девушкой, поединок слов, жестов, взглядов, превращается в смешное приключение в море. В повести «Княжна Мери» — уже недвусмысленный, бесспорный поединок Печорина со своим двойником, со своей тенью — с Грушницким. И, наконец, в повести «Фаталист» — самый сложный вариант поединка: странный спор, разгоревшийся между несколькими офицерами, и невиданный способ разрешения вспыхнувшего спора — это тоже поединок. Но на сей раз — уже поединок с самой судьбой. С ее законами. А отсюда один шаг до поединка с богом — поединка, которым живет всезнающий и гордый лермонтовский Демон. И каждый из таких поединков — препятствие на пути человека, ниспосланное ему бытием испытание, которое, впрочем, способно задержать его в движении, но никак не остановить его: жизнь продолжается, и ей никогда не будет конца.

Русским он был, великий поэт Лермонтов. Русским в своих надеждах. В своей любви и вере. В своем взгляде на мир. В своей сложности и в своей простоте. И каждой нации, великой или малой, исторически юной или древней, творения его завещают никогда не забывать, всегда помнить о ее достоинстве. О ее чести. О ее разуме. И, помня о них, всегда делиться своими богатствами со всеми народами, которые были, есть и будут на земле...

ОН СРОДНИЛ КАВКАЗ С РОССИЕЙ

Вано ШАДУРИ

В то время, когда Лермонтов, осужденный на ссылку в Грузию, ехал с «милого севера в сторону южную», из северной ссылки на родину возвращались А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани и другие грузинские литераторы.

Прославленный грузинский поэт, выдающийся общественный и государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 года, образованнейший человек своего времени, переводчик Пушкина и Вольтера, тесть и друг Грибоедова — Александр Гарсеванович Чавчавадзе сделал свой дом как бы связующим звеном между прогрессивными силами России и Грузии.

Этот дом становится родным для А. И. Одоевского — знаменитого поэта-декабриста, переведенного в 1837 году из Сибири в тот же Нижегородский драгунский полк, куда был сослан и автор «возмутительного стихотворения» на смерть Пушкина. Здесь, по-видимому, бывал и Лермонтов. Возможно, он познакомился здесь и с талантливым юношей Николозом Бараташвили.

Бараташвили был большим поклонником Лермонтова, Пушкина и других русских поэтов, имена которых нередко встречаются в его письмах. Поэту Григолу Орбелиани 21 августа 1843 года Н. Бараташвили пишет: «Вообще здесь «и скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды»,— цитируя строки из известного стихотворения Лермонтова.

Наследие Лермонтова еще глубже осваивается и шире популяризуется в Грузии в шестидесятых годах прошлого века. Это был новый этап не только в русском освободительном движении, но и в развитии грузинской общественно-литературной жизни и в укреплении русско-грузинского содружества.

По словам вождя грузинских шестидесятников Ильи Чавчавадзе, «золотые четыре года», проведенные им в Петербургском университете, были для него «фундаментом жизни, первоисточником жизни».

В эти годы И. Чавчавадзе блестяще перевел на родной язык стихотворения Лермонтова «Сон», «Пророк», «Утес» и поэму «Хаджи Абрек». К тому же времени относятся его незаконченные переводы «Демона» и «Мцыри». Некоторые из этих переводов еще в 1860—1861 годах были напечатаны на страницах журнала «Цискари».

Другой великий грузинский поэт-шестидесятник, Акакий Церетели, писал:

«Лермонтов как певец природы Кавказа, нравов и обычаев Кавказа особенно близок грузинскому сердцу, и потому наши писатели часто обращаются к нему. У нас многое переведено из Лермонтова».

Первым по времени переводчиком великого русского поэта был сам Акакий Церетели, который в 1858 году в журнале «Цискари» дебютировал переводом «Ветки Палестины».

С тех пор Акакий Церетели, блестящий знаток и ценитель Лермонтова, не раз обращался к его произведениям, темам, образам, идеям, творчески применяя их к грузинской действительности. Особенно интересно использование им стихотворений «Кинжал» и «Поэт».

Известно, что в первом из них кинжал символизирует твердость души, верность долгу, высокое благородство. Вернувшись из Грузии, Лермонтов использовал этот образ и в другом своем программном стихотворении, «Поэт», которое целиком построено на сравнении судьбы поэта и кинжала.

В конце своего «Поэта» Лермонтов спрашивал:

Проснешься ль ты опять,
осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь
свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

Как бы отвечая на этот вопрос, А. Церетели пишет стихотворение «Кинжал».

Я люблю тебя, кинжал,
Хорасанский мой товарищ,
Ты надеждой нашей стал —
Метко в грудь врага ударишь.

Я точу твой блеск нагой,
Слой соскабливаю ржавый.
Будешь другом и слугой
Угнетенному неправо.

(Перевод П. Антокольского).

Особенно любопытна последняя строфа стихотворения:

Я точу тебя, точу!
Подошла твоя минута.
Я сверкать тебя учу,—
Больше в ножнах нет приюта.

Подхватив идею Лермонтова, А. Церетели творчески использовал его образ и в новых условиях, в период разгула реакции восьмидесятых годов, создал замечательное стихотворение, которое современники назвали «Грузинской марсельезой».

Ни один поэт не переводился на грузинский язык с такой любовью и усердием, как Лермонтов.

Еще в 1900 году крупный грузинский публицист и журналист Г. М. Туманишвили писал о Лермонтове: «Он, быть может, более, чем кто-нибудь другой, сблизил и сроднил Кавказ с остальною Россиею. Всякий приезжий к нам северянин, интересующийся нашим краем, знает наизусть Лермонтова, и, наоборот, всякий образованный обитатель обширной русской территории, знающий наизусть Лермонтова, невольно заинтересовывается и нашим краем, как чудным сказочным миром, как волшебною родиною поэзии. Точно так же и образованная часть кавказского туземного общества в лице Лермонтова полюбила русскую поэзию, русское образование, русскую культуру...»

На земле Аравийской

Леонид ПРОКОПЕНКО

В песчаных степях аравийской
земли
Три гордые пальмы высоко росли...

Эти и следующие за ними строчки прекрасного стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова известны всем и каждому.

Тема Аравии неоднократно возникала в творчестве поэта. Вспомним широкую панораму стран Ближнего Востока, так верно для своего времени, выразительно и зримо нарисованную Лермонтовым:

У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил;
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...

Нет, не спит в наше время некогда «дряхлый Восток»! Народы его успешно борются за свою свободу, за новую, светлую, счастливую жизнь. На желтом Ниле выросла всем известная грандиозная Асуанская плотина. Не дремлет Тегеран и его передовые люди. И если на самом деле «бедуин забыл наезды», то не «для цветных шатров», а для строительства заводов, фабрик, больниц, каналов.

Все это и многое другое подумалось многочисленным участникам юбилейной Всесоюзной научной лермонтовской конференции, состоявшейся в Пензе, когда они слушали доклад на совершенно новую даже для специалистов тему: «Лермонтов в арабских странах».

Но самым интересным было то, что этот доклад, кладущий начало лермонтоведению в странах Арабского Востока, делал один из потомков того, кого русский поэт показал в столь стремительном и красивом движении:

И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня...
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились
в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь
по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

С докладом в Пензе выступал араб Джамиль аль-Тикрити, аспирант Московского государственного университета, приехавший из Ирака.

Долго от души аплодировали участники юбилейной конференции автору этого доклада.

Из доклада Джамиля аль-Тикрити

Одно из самых интересных мест, где речь идет о Лермонтове на арабском языке, мы встречаем в мемуарной книге известного арабского писателя Михаиля Нъайма «Саабун».

«В эти дни я читаю Лермонтова. Какая поэзия! Какая великая душа!.. Кавказские горы выступают в стихах Лермонтова более красивыми, чем на самом деле». Затем еще: «Два дня тому назад я вернул сочинения Лермонтова в библиотеку. Боже мой, сколько чувств этот поэт взволновал в моей душе, и сколько дум он пробудил, и сколько мечтаний... и так как я не нашел другого тома сочинений Лермонтова в библиотеке, я решил уйти из библиотеки без книги...» Далее он продолжает: «С тех пор, как читал Лермонтова, мной овладел непреодолимый порыв писать стихи...»

О жизни Лермонтова и вообще о Лермонтове у нас существует одна-единственная книга Фуада Айуба, сирийского писателя,— «Лермонтов — второй поэт России» (Дамаск, 1953 год).

Эта книга по размеру невелика, всего 122 небольшого формата страницы; 111 из них посвящены жизни поэта, и всего лишь на 11 страницах помещены стихотворения и отрывки.

Автора этой книги интересовала в первую очередь личная жизнь поэта, а не творческая или общественная сторона его биографии. Поэтому он не касался стихотворений поэта и других его произведений, которые не имели прямого отношения к его жизни.

Благодаря этой книге арабский читатель узнал многое о Лермонтове, но, к сожалению, о Лермонтове-человеке, личности, а не о Лермонтове—писателе и поэте, который после смерти Пушкина по праву занимал его место в русской литературе.

В конце пятидесятых годов арабский читатель познакомился с «Героем нашего времени». Это первый перевод романа. Из всех появившихся до сих пор арабских переводов произведений Лермонтова этот наиболее верный и точный.

Таким образом, изучение творчества Лермонтова в арабских странах начато. Но пока оно ведется эпизодически, от случая к случаю. И в этих условиях перед нами, филологами-арабами, встает задача всемерно содействовать продвижению поэта к арабскому читателю, задача, за решение которой многие из нас готовы взяться при помощи наших русских коллег.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ПОЖЕ

Этот карандашный набросок, приписываемый Александру Брюллову, брату известного художника Карла Брюллова, был сделан, как полагают, в 1852 году, когда в Петербурге впервые разрешили к постановке драму «Маскарад» и то не полностью, а лишь в отдельных сценах. Исполнителями были известный трагик Каратыгин, а также Читау и Орлова.

«На улицах уже начиналась революция, слышались крики, собирались толпы с флагами, трамваи не ходили. Было пустынно и жутко, и все-таки театр был полон»,— так писал журнал «Театр и искусство» о премьере «Маскарада» в Александринском театре в феврале 1917 года. Это была выдающаяся постановка, осуществленная В. Мейерхольдом в декорациях А. Головина с Ю. Юрьевым в роли Арбенина.

Ираклий АНДРОНИКОВ

ПОРТРЕТЫ ВЫХОДЯТ ИЗ РАМ

ГАЛЕРЕЯ ВЕЛИКИХ

Кто не знает в лицо знаменитых писателей наших? Во всю длину школьного коридора висят их портреты — от Ломоносова до Фадеева: Крылов, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский... Каждому советскому школьнику известны их имена и отчества, годы рождений и смерти, факты их биографий.

Но кто скажет уверенно: сами писатели знали друг друга — те, что жили в одну эпоху? Встречались? Слышали друг о друге?

Книги на эту тему пишутся редко. Да, по правде сказать, на некоторые вопросы сразу и не ответить. И хотя известно, что творили они в одну эпоху, а иные даже и в одном городе жили,— нить, что связывала их, оборвалась. Подобно бусам, рассыпались факты их биографий, и нечем связать. А если сумеешь найти и соединить концы нити, поэты словно выходят из рам и окружаются в нашем представлении теми, среди которых творили. И смотришь: соединяли этих великих писателей не только идеи великие, но и люди, чаще всего теперь уже никому не известные, которые только тем примечательны, что знавали великих своих современников, слушали их и первыми их читали.

Трудно поверить сейчас, что в продолжение долгих десятилетий считалось, что Лермонтов прожил «однообразную и огражденную со всех сторон жизнь». И это писали о том, чья жизнь полна самых драматических эпизодов, а томики его великих стихов и поэм, удивительный роман его «Герой нашего времени» — следствие не только замечательного ума, гениального дарования, трудоспособности фанатической, но и богатого опытом жизненного пути.

Советские литературоведы употребили немало стараний, чтобы заменить ходячие сплетни и анекдоты о Лермонтове подлинным пониманием его поэзии и его исторической судьбы. И сделали многого. В частности, следует считать отвергнутым навсегда распространенное еще не так давно представление, будто Лермонтов был мало связан с литературной средой. Теперь не так просто назвать поэта, прозаика, критика того времени, с которым Лермонтов не соприкоснулся бы на своем литературном пути. И даже о тех, которые умерли прежде, чем он начал писать стихи, Лермонтов имел представление живое, невычитанное. Почти рядом висят портреты — Грибоедов и Лермонтов. Но только недавно стало известно, что в последние годы жизни Лермонтов собирался писать

РОМАН О ГРИБОЕДОВЕ

Грибоедов погиб в Тегеране, когда Лермонтову шел пятнадцатый год и он учился в Москве, в пансионе, в котором, кстати сказать, в свое время учился и Грибоедов.

Но если он не знал Грибоедова, то «Горе от ума» знал по рукописи и помнил, наверно, от первой до последней строки. Среди литературных учителей Лермонтова Грибоедову следует отвести важное место.

13 апреля 1831 года третий акт «Горя от ума» был поставлен на сцене. Впервые это представление комедии, которая, по словам современника, «только тогда сделалась известною в Москве и которую все учили наизусть», превратилось в крупное художественное и политическое событие. «Горе от ума» наделало более шума в Москве, нежели все книги, писанные по-русски»,— говорил Герцен.

Под впечатлением этого замечательного спектакля Лермонтов задумывает и через три месяца завершает новую пьесу (две у него уже есть). Эта будет носить название «Странный человек». Герой драмы Владимир Арбенин, поэт, похожий на Лермонтова, окажется в положении Чацкого. Он любит девушку, которая предпочла ему человека пошлого. Арбенин страдает. Он задыхается в кругу московского барства. «Со мною случится скоро горе — не от ума, но от глупости»,— говорит он сам о себе. Тут уже становится ясным, что, работая над пьесой, Лермонтов думает о комедии Грибоедова. Чтобы подчеркнуть это, Лермонтов, перечисляя гостей на балу, называет среди них имя... Чацкого. Наконец Арбенин объявлен на балу сумасшедшим. Он не бежит из Москвы — он погибает. В последней картине приносят приглашение на похороны.

Лермонтов изобразил московское общество, то, в котором задыхается Чацкий. Но это уже другая эпоха. Чацкий — декабрист, Арбенин — юноша нового поколения, которое живет без надежд, в тесных пределах, без настоящего и без будущего.

Так отразилось «Горе от ума» в «романтической драме» Лермонтова.

Проходит четыре года. Лермонтов в Петербурге. Усердно посещает театр. И решает взяться за новую драму под названием «Маскарад». «Странного человека» он написал прозой. Новая пьеса будет в стихах.

И снова он следует Грибоедову. На этот раз не в изображении героя, а в характеристике общества. С фамусовской Москвой сопоставлен официальный николаевский Петербург. «Пришло ему на мысль написать комедию вроде «Горе от ума» — резкую картину на современные нравы»,— писал хорошо знавший поэта литератор Андрей Муравьев. Стало быть, у современников связь «Маскарада» с комедией Грибоедова не вызывала сомнений. Им было понятно, что Лермонтов, следуя законам романтического театра, в то же время выступает как драматург грибоедовской школы.

Грибоедова нет. Но память о нем сопровождает Лермонтова всю его жизнь.

В Петербурге на Кирочной живет Прасковья Николаевна Ахвердова — женщина умная и талантливая, принадлежавшая к числу ближайших друзей Грибоедова. Пятнадцать лет она провела в Тифлисе, дружила с семьей знаменитого грузинского поэта Александра Гарсевановича Чавчавадзе, воспитала его дочь Нину. В Тифлисе Грибоедов останавливался в ее доме. У нее познакомился с Ниною Чавчавадзе. У нее обручился. На свадьбе Ахвердова была посаженою матерью. Она же первая сообщила шестнадцатилетней вдове, что Грибоедов убит.

Лермонтов — племянник Ахвердовой (ее девичья фамилия — Арсеньева), и естественно, что он знаком с ней. Может ли она в раз-

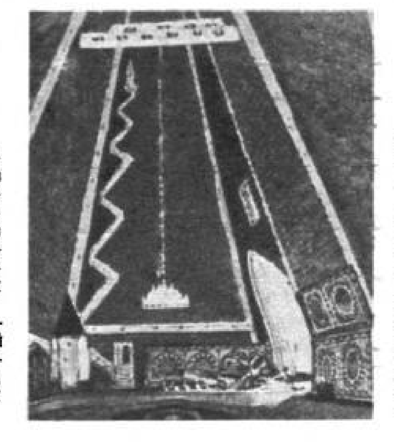
ЛТЕВШИЕ СТРАНИЦЫ

П. А. Хохлов имел в опере Рубинштейна «Демон» такой невиданный успех, что на некоторых спектаклях его вызывали до 40 раз. Сотое исполнение им партии Демона в 1891 году стало большим театральным событием. Рецензенты свидетельствовали, что арию «Не плачь, дитя» пели в каждом доме, почти в каждой семье был портрет артиста в «Демоне».

Портрет работы художника А. Головина «Шаляпин в роли Демона» находится сейчас в музее Большого театра. В трактовке образа, в пластике и внешней выразительности гениальный артист шел от живописных видений Врубеля.

Шаляпинский «Демон» поражал нечеловеческой силой мятежа: одним из сильнейших моментов была сцена борьбы Демона с ангелом и победа над ним.

Весь театральный Париж собрался 20 мая 1912 года на представлении русского балета в театре Шатле. Давали «Тамару», поставленную М. Фокиным на музыку М. Балакирева. Это была первая лермонтовская работа балетмейстера.

Бережно относясь к идеям поэтического первоисточника, М. Фокин и либреттисты всегда создавали новый сюжет. Таким был и балет «Три пальмы» с музыкой Спендиарова, написанный для Анны Павловой.

говоре не вспоминать о Грибоедове, о Нине — его жене, о Чавчавадзе, который сам, кстати сказать, в середине тридцатых годов живет в Петербурге и навещает ее?

В 1837 году Лермонтов отправляется в ссылку. В Грузию. Встречается — этому найдено множество доказательств — с Ниною Грибоедовой, с Чавчавадзе, с широким кругом людей, которые Грибоедова знали, помнят его.

Грибоедов в Грузии был дружен с прославленным генералом Ермоловым, которого называли «проконсул Кавказа». Ермолов сочувствовал декабристам, высоко ценил Грибоедова. Когда в станице Червленной был получен приказ — обыскать Грибоедова и под конвоем отправить в Петербург для дознания по делу о 14 декабря, Ермолов предупредил поэта, дал ему возможность уничтожить бумаги и тем спас. После окончания Персидской войны Грибоедова назначают в Тегеран полномочным министром. Но Николай I не верит в него. И решает пожертвовать им. Нападение на русскую миссию. Изуродованное тело посла узнают по простреленному мизинцу.

И вот у Лермонтова зарождается план: написать роман «из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране».

Не увидел света этот роман, о котором Лермонтов с увлечением рассказывал секунданту, когда ехал к месту встречи с Мартыновым...

В нашу эпоху замечательный советский прозаик Юрий Тынянов описал и Грибоедова, и Ермолова, и тегеранскую катастрофу в «Смерти Вазир-Мухтара». Это роман исторический. А Лермонтов собирался писать роман современный. И героем сделать великого русского драматурга — одного из своих гениальных учителей.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ОДОЕВСКИМ

Когда Грибоедов узнал, что друг его поэт Александр Одоевский за участие в декабрьском восстании приговорен к двенадцатилетней каторге и отправлен в Сибирь, он написал полные горести строки:

О, мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?..

Но вот до Сибири доходит известие о гибели Грибоедова, и Одоевский пишет «Элегию»:

Где он? Где друг? Кого спросить?
Где дух?.. Где прах?.. В краю далеком!
О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить...

Но под иными небесами
Он и погиб, и погребен;
А я — в темнице!..

А вот еще стихи:

...Но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой...

Это строки из стихотворения Лермонтова на смерть Одоевского, в которых слышны отзвуки стихотворения Одоевского на смерть Грибоедова («Но под иными небесами он... а я...» — «Но к полям родным вернулся я... а он...»).

Перечитываешь эти стихи и думаешь невольно о том, как удивительна эта великая перекличка, это чувство общего дела и общей судьбы. Одоевский с Грибоедовым — люди одного — декабристского — поколения. Все у них общее: друзья, взгляды, дело. Лермонтов — поэт иного времени. Но он принял завет продолжать борьбу и, написав во исполнение завета стихи на смерть Пушкина, отправляется в кавказскую ссылку. И там в Нижегородском полку встречается с Александром Одоевским. Одоевский из Сибири переведен на Кавказ солдатом. Лермонтов прибыл в полк в чине прапорщика. Они сдружились, обращаются друг к другу на «ты» — поэты одной судьбы, поэты-изгнанники:

Я знал его — мы странствовали с ним
В горах Востока... и тоску изгнанья
Делили дружно...

Так потом начал Лермонтов стихотворение «Памяти А. И. Одоевского». Сходство поэтических мотивов и тем совершенно понятно: Одоевский читает ему свои стихи, они обмениваются мыслями во время этих странствований по Кавказу. Так считают специалисты, изучающие наследие Одоевского. Необъяснимым остается одно: самое большое сходство с Одоевским обнаруживается в стихах Лермонтова, написанных в юности — в 1830 году и 1832-м, когда ни о дружбе, ни о знакомстве с Одоевским нет и помину.

Сравните:

Кто был рожден для вдохновений
И мир в себе очаровал...
(Одоевский).

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд...
(Лермонтов).

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных...
(Лермонтов).

И эти же самые строки Лермонтов внес потом в стихотворение на смерть Одоевского.

Строки Одоевского написаны в Сибири, в 1829 году. Может быть, Лермонтов знал книжку его стихов?

Не было такой книжки!

Может быть, прочел в журнале или в газете?

Да, в 1830 году это стихотворение под заглавием «Пленник» было опубликовано в тогдашней «Литературной газете». Но подписи под ним не было.

Мог ли знать Лермонтов, кто написал его?

Думается, что мог!

В студенческие годы в Москве он постоянно бывает у Лужиных. «Завтра свадьба твоей кузины Лужиной», — пишет он в 1831 году другу своему Поливанову. Но Лужины в родстве не с одним Поливановым. Другой близкий друг Лермонтова — Владимир Шеншин — их двоюродный брат. А Шеншин Николай — племянник.

Брат этих девушек Лужин Иван служит в Петербурге в конногвардейском полку. До декабрьского восстания в этом полку служил Александр Одоевский. И Лужин был его другом. Доказать это не стоит никакого труда: надо только прочесть письма Одоевского, в которых он перечисляет друзей.

«Давнишним другом» Одоевского был еще один конногвардеец — Егор Комаровский, человек, по словам Одоевского, «весьма, весьма ученый». Если Лужин — брат московских приятельниц, то Егор Комаровский — родственник самого Лермонтова. Про Одоевского Лермонтов знает все через них.

Правда, дело осложняется тем, что Лермонтов в Москве, Лужин и Комаровский — в конногвардейском полку в Петербурге, Одоевский — в Сибири, а стихотворение — без подписи.

Но, во-первых, Лужин в 1830 году находится в Москве. И ему даже поручено выяснить, когда на балу у Голицыных он будет танцевать с Натальей Николаевной Гончаровой, как она относится к Пушкину, и сообщить, благосклонна ли. Что же касается Комаровского, то в 1830 году он выходит в отставку, поселяется в Москве и женится на сестре умершего поэта Д. В. Веневитинова. Если все это знать, то становится ясным, что не только о декабрьском восстании, но и — конкретно — о пострадавшем Одоевском говорят и у Лужиных, и у Поливанова, и у Шеншиных. Лермонтовское поколение воспиталось под впечатлением событий на Сенатской площади в Петербурге. Юная поэтесса Евдокия Сушкова (будущая Ростопчина) сочиняет в 1831 году свое «Послание к страдальцам». А Лермонтов в посвященной Николаю Шеншину поэме «Последний сын вольности» пишет о декабристах, томящихся в ссылке, в Сибири:

Но есть поныне горсть людей
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнанье дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять...

Он многое знал о декабристах, ловил каждое слово о них. В юные годы знакомство его с Одоевским было заочным. На Кавказе в 1837 году они встретились, и произошло наконец то, о чем он долго мечтал: встреча с замечательным человеком, стойким борцом за свободу, одним из тех, кто восстал за нее, вдохновенным поэтом, которому принадлежат бессмертные строки:

Из искры возгорится пламя,—
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,—
И радостно вздохнут народы.

КОМУ ПОСВЯЩЕНА «ЭПИТАФИЯ»?

Известный лермонтовед Э. Э. Найдич высказал однажды предположение, что юношеское стихотворение Лермонтова «Эпитафия» (1830 года) посвящено памяти Дмитрия Веневитинова — поэта, подававшего огромные надежды и умершего 22 лет от роду. Доказательство этому исследователь видит в том, что вторая строчка лермонтовского стихотворения варьирует строку из предсмертного стихотворения Веневитинова «Поэт и друг», а вся эпитафия в целом воспринимается как характеристика этого замечательного поэта. «Кто жизни не щадил для чувства» — читаем у Веневитинова. Лермонтов написал:

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.—
И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

Талисманом своим Веневитинов считал перстень, найденный при раскопках древнего Геркуланума — города, погибшего во время извержения Везувия. Перстень был снят с пальца юноши, жившего много веков назад, и подарен потом московской меценатке — красавице Зинаиде Волконской, которую Веневитинов любил пылко и безнадежно. Волконская отдала ему этот перстень, и молодой поэт обратил к нему чудесное стихотворение «К моему перстню». Веря в магическое значение этого дара, он завещал надеть этот перстень на палец его в час кончины. Есть предположение, что Веневитинов покончил самоубийством. И причиной тому было тяжелое состояние, вызванное кратковременным заключением в Петропавловской крепости в Петербурге, куда его вызвали в связи с дознанием по делу 14 декабря. Стихотворение Лермонтова подтверждает гипотезу о самоубийстве («И неестественным желаньям он отдал в жертву дни свои»).

Теперь, когда мы знаем, что родственник Лермонтова Е. Е. Комаровский породнил его в 1830 году с семьей Веневитинова, предположение Найдича обретает новое подтверждение. Лермонтов оказывается связанным с московским литературным кругом прочнее, нежели это можно было предполагать до сих пор.

ЛЕРМОНТОВ И ДАВЫДОВ

Может ли быть сомнение в том, что Лермонтов знал поэзию Дениса Давыдова? Нет, не может быть такого сомнения!

Ради бога трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами! —

пишет Денис Давыдов, обращаясь к гусару Бурцову. Как же мог пропустить равнодушно эти поэтические призывы корнет лейб-гусарского полка Лермонтов?!

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов.
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья,
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя...—

это из послания к гусару Бухарову, в котором Лермонтов призывает его из Царского села, где квартирует гусарский полк, в Петербург на холостую пирушку.

Нет, это не подражание. Это — продолжение в стихах живых, разговорных, естественных интонаций, того, чем так обогатил русскую поэзию поэт-партизан Давыдов.

А разве «Бородино» с «постой-ка, брат, мусью», «у наших ушки на макушке» и «французы тут как тут» не подымается на фундаменте русской военной поэзии, который закладывал до Лермонтова тот же Денис Давыдов?

Нет, братцы, нет: полу-солдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!..

Или вспомним другое стихотворение Давыдова:

Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем...

И рядом лермонтовские строки про «могучее, лихое племя» «богатырей», которые дали клятву верности и были готовы стоять в Бородинском бою до конца.

Вот какую традицию продолжает патриотическая военная тема в поэзии Лермонтова! Конечно, он читал томик стихотворений Дениса Давыдова. Может быть, знал наизусть. Но самого Давыдова видеть ему не пришлось.

Не пришлось? Об этом надо еще подумать!

Денис Давыдов приезжал в 1830 году в Саратовскую губернию на свадьбу лермонтовского «деда» Афанасия Столыпина — младшего брата бабушки поэта Е. А. Арсеньевой. Разумеется, на эту свадьбу были приглашены и Лермонтов с бабушкой. Но допустим, что они не поехали. Значит...

Значит, надо вернуться в Москву, в дом № 2 по Малой Молчановке, где живет Лермонтов вместе с бабушкой. Через два дома, по Большой Молчановке, 10, живет Николай Поливанов, о котором мы уже говорили, друг поэта и его друзей Лопухина, Шеншиных. Родная тетка этого Поливанова, Софья Николаевна Чиркова, замужем за Денисом Давыдовым. В 1830 и в 1831 году Давыдов в Москве, его видят с Пушкиным, с Вяземским, и он, конечно, гостит у Поливановых, на Молчановке, где Лермонтов бывает чуть ли не ежедневно.

Узнав, что Лермонтов, уехав в Петербург, решил поступить там в кавалерийскую школу, друг его Алексей Лопухин сообщает ему из Москвы, что все бранят его за переход в военную службу, а он — Лопухин — не очень огорчен этим. О стихотворном таланте, пишет он, «тебе нечего беспокоиться потому, что кто что любит, на то всегда найдет время». И ссылается на Дениса Давыдова. Может быть, и слова эти — самого Давыдова: письмо Лопухина до нас не дошло, мы знаем его только в пересказе, по жандармской описи. Так или иначе Денис Давыдов и Михаил Лермонтов, писавшие стихи о защите отечества, слагали их не только как замечательные поэты, но и военные люди. И надо думать, что для Лермонтова Денис Давыдов не только литературное имя, но живой человек и живая история.

ЛЮБИМЫЙ ДОМ

Замечательный русский писатель и знаменитый историк Николай Михайлович Карамзин умер в 1826 году. Но его друзья и после смерти его продолжали бывать у вдовы — Екатерины Андреевны, которая приходилась родной сестрой поэту и критику П. А. Вяземскому. Е. А. Карамзина прославилась как радушная хозяйка салона. Но душою его в тридцатые годы стала старшая дочь историографа (от первого брака), Софья Николаевна Карамзина. Эта женщина, по словам современницы, довела «умение обходиться в обществе до степени искусства и почти добродетели». Она умела познакомить и рассадить гостей, дать направление беседе, занять стариков, затеять игры для молодых. В гостиной Карамзиных не умолкал разговор о поэзии, о новых книгах и журнальных статьях, о науке и о политике, здесь можно было поспорить о театральной премьере, послушать новую повесть. А кроме того, приехать в каком угодно часу — после театра, после великосветского бала. У Карамзиных спорили и говорили ночь напролет, «до зари».

В этом доме до последних дней своей жизни бывал Александр

Первое знакомство французов с Лермонтовым относится к сороковым годам XIX столетия. Вероятно, уже при жизни поэта узкие литературные круги во Франции узнавали о нем через живущих в Париже русских дворян, например, от князя Элима Мещерского. Но только в 1843 году в газете «Мирная демократия» появился первый перевод «Героя нашего времени». Через два года вышел второй перевод романа под довольно странным названием: «Сезон на кавказских водах». Через год в журнале «Иллюстрасьон» вышли отрывки третьего перевода под названием «Русские рассказы». В дальнейшем, до первой мировой войны, появились еще пять разных переводов «Героя» целиком или в отрывках.

Французы познакомились с Лермонтовым-прозаиком, но, чтобы читать его поэзию, они должны были ждать конца пятидесятых годов, если не считать посмертного издания переводов русских стихотворений на французский язык князя Элима Мещерского. Там был напечатан перевод стихотворения «Поэт» и помещен вариант стихотворения «Воздушный корабль». Первый серьезный сборник поэзии Лермонтова появился только в 1866 году.

Разумеется, и поэмы Лермонтова переводились на французский язык. «Демон» особенно любим французскими переводчиками: до второй мировой войны он был переведен двенадцать раз.

Из других поэм Лермонтова «Мцыри» под разными названиями переведена пять раз. Следует отметить прозаический перевод И. С. Тургенева, которому помогал Проспер Мериме (1864). «Хаджи Абрек» переводился трижды, первый перевод поэм «Хаджи Абрек» и «Мцыри» на французском языке появился в 1862 году в Швейцарии.

В восьмидесятых годах интерес к русской литературе сильно возрос. Появился ряд переводов лирики Лермонтова, «Героя нашего времени» и статей о нем. Наконец, в 1910 году в Париже вышла обстоятельная работа — диссертация профессора Эмиля Дюшена. В первой ее части автор дает биографический очерк, во второй — анализирует творчество поэта. Целая глава посвящена драме «Маскарад».

После первой мировой войны новые переводы Лермонтова появились не только во Франции, но и в Бельгии и в Швейцарии.

В 1952 году один французский писатель, уже опубликовавший биографию А. С. Пушкина, написал книгу «Странная судьба Лермонтова». Как чувствуется в этом названии, автор романтически воссоздает жизнь поэта с изобилием волнующих подробностей. Это, конечно, не научная работа, но зато она познакомила широкие круги французов с Лермонтовым.

Французские литературоведы по-разному оценивают творчество Лермонтова, но многие считают его прозу более интересной, чем лирика, и находят, что «она оказала значительное влияние на дальнейшее развитие русского рассказа и романа». Это происходит, по-видимому, оттого, что русскую лирику очень трудно и почти невозможно передавать на французском языке, несомненно, менее приспособленном для этого, чем немецкий и английский языки.

Анна БОРДЬЕ

Сергеевич Пушкин, который высоко ценил дружбу Карамзиных. Постоянно долгие часы проводили В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский — писатель, музыкант и ученый (двоюродный брат декабриста Александра Одоевского), собиратель исторических документов Александр Тургенев — тот, что проводил тело Пушкина до Святых гор (он приходился родным братом декабристу Николаю Тургеневу), почти своим считала карамзинский дом поэтесса Евдокия Ростопчина. К постоянным посетителям салона принадлежат эпиграмматист Сергей Соболевский и автор шутливых стихов Иван Мятлев, которого мужчины между собою зовут просто Ишкой. Им не уступает в остроумии сын Карамзина Александр, или попросту Саша. Тут можно встретить беллетриста Владимира Соллогуба, фрейлину царского двора Александру Осиповну Смирнову-Россет, композиторов Глинку и Даргомыжского, знаменитую певицу Бартеневу, художника Карла Брюллова. От этого общества неотделимы молодые гусары, с которыми Софья Николаевна танцует на великосветских балах. Постоянный гость салона — московский поэт А. С. Хомяков. В один из вечеров 1839 года Николай Васильевич Гоголь прочел здесь новые главы своих «Мертвых душ».

Можно назвать несколько десятков имен литературных и великосветских знакомых Карамзиных, которые посещают их дом и составляют круг собеседников.

При жизни Пушкина имени Лермонтова Карамзины не слыхали ни разу. Только когда по Петербургу распространилось в списках стихотворение его «Смерть поэта», у Карамзиных заговорили о нем. «Как это прекрасно, не правда ли?» — писала Софья Николаевна Карамзина об этом стихотворении, сообщая сестре, что его автор — «некий г. Лермантов, гусарский офицер».

Но после возвращения из ссылки — в августе 1838 года — Лермонтов знакомится с Карамзиными, начинает бывать у них и вскоре становится своим человеком, приезжая к ним из Царского Села почти ежедневно после обеда и оставаясь до поздних часов. Софья Николаевна «без ума от его таланта». В ее глазах это великий поэт, наследник Пушкина, гордость русской поэзии. «Она за него горой,— пишет один из ее друзей,— и до слез, разумеется».

Уже через два месяца Лермонтов читает у них в узком кругу только что законченного в новой, кавказской редакции «Демона». «В субботу,— пишет С. Н. Карамзина сестре,— мы получили большое удовольствие, слушая Лермонтова (который обедал у нас), прочитавшего свою поэму «Демон» — какое избитое заглавие, скажешь ты, однако, сюжет новый, полный свежести и прекрасной поэзии. Это блестящая звезда, которая восходит на нашем литературном горизонте, в настоящий момент таком тусклом».

Запоздавших гостей Софья Николаевна встретила восклицанием:

— Послушайте, что Лермонтов написал, какая прелесть! Заставьте его сейчас сказать вам эти стихи.

Лермонтов нехотя поднялся со стула и проговорил, как бы оправдываясь:

— Да я давно написал эту вещь.

Потом задумался и медленно начал:

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил...

— Восхитительно,— сказал один из гостей, когда Лермонтов замолчал.— Это пушкинский талант.

— Нет,— возразил другой,— это лермонтовский талант, и это стоит пушкинского.

В другой раз Лермонтов прочел у Карамзиных своего «Фаталиста».

Затеялся домашний спектакль. Лермонтов превосходно играл на репетициях в двух водевилях. Но в спектакле участвовать ему не пришлось. Он был посажен под арест на три недели по приказу командира полка: великий князь остался недоволен им на смотру.

О своем отношении к этому дому Лермонтов сказал в нескольких строчках стихотворения, вписанного в альбом Софьи Николаевны Карамзиной:

Люблю я парадоксы ваши
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи...

Несколько лет назад литературовед Ф. Ф. Майский обнаружил в Симферополе, в Крымском областном архиве, семейные письма С. Н. Карамзиной, из которых мы узнали много нового и о том, как часто бывал Лермонтов в этом доме и кого встречал там.

Письма за интересующие нас годы дошли не полностью. И не обо всем сказано в них. А между тем устанавливается интереснейший факт.

Еще при жизни Лермонтова немецкий писатель Фарнгаген фон Энзе перевел лермонтовскую «Бэлу». Через год другой немецкий литератор, Роман Будберг-Бенинггаузен, печатает в своем переводе «Мцыри» и остальные повести, составляющие роман «Герой нашего времени». Фарнгагену фон Энзе помогал в этой работе некий Борис Икскюль. Это было известно. Но что тот же Икскюль помогал Будбергу-Бенинггаузену, это установила не так давно исследовательница М. Г. Ашукина-Зенгер. Однако никто не связал этих двух фактов с третьим: восторженный почитатель Лермонтова, окончивший Царскосельский лицей, Борис Икскюль был племянником Екатерины Андреевны Карамзиной и посетителем карамзинского салона. Это карамзинский салон знакомит немецких писателей с творчеством Лермонтова и содействует еще при жизни поэта его мировой славе.

С. А. АНДРЕЕВ-КРИВИЧ

КОГДА

Продолжая собирать материалы для моей книги «Тарханская пора», я во время разъездов по Пензенской области настойчиво подбирал новые сведения, которые могли бы помочь уяснить содержание лермонтовского романа «Вадим».

Автор одной из работ, посвященных пугачевскому движению, пишет: «В этих пределах все — или почти все — население (за вычетом, разумеется, помещиков и чиновников) так или иначе примкнуло к восстанию».

Было что услышать Лермонтову, будущему автору пугачевского романа.

Но можно ли сейчас убедиться в том, что Лермонтов основывался на подлинных фактах?

Можно.

Вот поэтому-то я и объезжал целый ряд местностей.

Начнем с Нижнего Ломова.

Надо было проверить достоверность весьма правдоподобных предположений и попытаться добыть еще и другие данные, которые подтвердили бы, что происходившие когда-то в Нижнем Ломове события отражены в лермонтовском романе.

...Окраина города; заехали за кирпичный завод. Останавливаемся неподалеку от болотистой местности. Налево остатки стен монастыря, части старых построек. По дороге мы подсадили в машину встречного местного жителя, спросили, что он знает про старину. Да немного. Вот тут, в деревне, живет одна старушка...

Отправляюсь к старушке. Восьмидесятитрехлетняя Анастасия Васильевна Климова как-то сразу проникается доверием ко мне. Со стен снимаются три старых фотографии. Переснять? Пожалуйста. В моих руках теперь фотографии Нижнеломовского монастыря, внешний вид которого не был известен лермонтоведам. Для начала неплохо.

«Вадим» открывается так: «День угасал; лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря. Звонили к вечерни; монахи и служки ходили взад и вперед по каменным плитам, ведущим от кельи архимандрита в храм; длинные, черные мантии с шорохом обметали пыль вслед за ними...»

Вот она на фотографии, келья архимандрита, вот каменная лестница, начинающаяся у каменной дорожки, следы которой можно видеть и сейчас. Вход в монастырь у Лермонтова обращен к западу. Точно. И это сходится.

Пока мы пробавляемся чайком, Анастасия Васильевна много рассказывает мне про старину. На прощание она сообщает, что помнит виселицу, стоявшую на Шуструйской горе. Какую виселицу? Пугачевскую еще... Сама видела.

Ну, за долгие годы всего я наслушался при сборе сведений про старину. Поэтому я очень вежливо выслушиваю рассказ. Что-то путает старушка. Виселица пугачевского времени! Дело-то ведь было в 1774 году. А сколько Анастасии Васильевне лет? Восемьдесят три года ей. Значит...

Мы прощаемся и уезжаем.

Сразу обо всем не спросишь. Вот я и решил вновь съездить в Нижний Ломов. Да и, кстати, вот эта виселица... Старушка-то моя очень правдивая. Надо все-таки выяснить.

Встречают нас уже как старых друзей. Опять самоварчик и душистое вишневое варенье.

Я захватил с собой том Лермонтова, в котором напечатан «Вадим». Беседуя с Анастасией Ва-

На Кавказе можно побывать и одному и в обществе близких друзей. Но побывать здесь в одиночестве невозможно. Всюду вас будет сопровождать Лермонтов.

По диким тропинкам он взбирался на каменистые уступы Машука еще одиннадцатилетним мальчиком, когда его привозила сюда бабушка для лечения водами. Жил он у Е. А. Хастатовой, в небольшом деревянном доме, почти у подножия горного уступа, на котором стоял казачий сторожевой пост — один из многих постов, размещавшихся в то время на возвышенностях Горячих вод. По ночам мальчик слышал перекличку часовых. Впоследствии он вспоминал об этом:

Лишь только слышно: кто идет,
Лишь громко с л у ш а й
раздается...

В 1837 году сосланный на Кавказ поэт снова приехал на Горячие воды. Он был удивлен происшедшими здесь изменениями. На месте, где располагался когда-то казачий пост, стояла красивая беседка, внутри беседки — круглый футляр, в котором находились две арфы. Через веретено футляр соединялся с флюгером, установленным на куполе беседки. Силой ветра футляр вращался, и заключенные в нем арфы издавали, по свидетельству современников, «довольно гармоничные» звуки.

Звуки арфы, по-видимому, нравились поэту. В 1841 году на вечере, устроенном им и его друзьями в Гроте Дианы, во время одного из

РЯДОМ ИСТОРИЯ

сильевной, я на полях записываю ее рассказ.

«Над святыми вратами она и была, картина. А там дьявол, сатана, нарисован. Да. Изображен. С рогами — такими страшными! А на коленях у него сидел Иуда. С мешочком. Серебреники в этом мешочке. От дьявола была цепь. По всему полотну протянута. Ну, грешники, конечно. Цепью дьявол их окружал».

С несказанным удовольствием я записываю этот рассказ.

«А вот еще,— продолжает собеседница.— Один послушник выпил — и хлобысть дьяволу грязью в лицо. Тот стал ему во сне являться: смой и все. Послушник и смыл».

Подвыпивший послушник не безразличная деталь. Вадим говорит о монахах: «...все монахи, которых я знал, были обыкновенные, полудобрые существа, глупые от рождения или от старости, не способные ни к чему, кроме соблюдения постов...»

Но почему же в конце концов и для писавших ранее о «Вадиме» и для меня такой интерес представляет эта, казалось бы, довольно безразличная деталь — наличие картины «страшного суда» над входом в Нижнеломовский монастырь?

Дело в том, что это обстоятельство имеет решающее значение для отождествления Нижнеломовского монастыря с тем, который Лермонтовым описывается в «Вадиме». Лермонтов пишет: «В толпе нищих был один — он не вмешивался в разговор их и неподвижно смотрел на расписанные святые врата; он был горбат и кривоног; но члены его казались крепкими и привыкшими к трудам этого позорного состояния... Нищий стоял сложа руки и рассматривал дьявола, изображенного поблекшими красками на св. воротах, и внутренно сожалел об нем; он думал: если б я был чорт, то не мучил бы людей, а презирал бы их...» В том же томе, в отделе вариантов, можно еще прочитать: «...Чорт держал в руках цепь, которою окружал грешников...»

Разговор продолжается. «Виселица? Да как же. Стояла. Ну, вот, я вам уже говорила, на Шуструйской горе стояла. Страшная. Между Козлятским и Верхним Ломовым».

Настаивает...

Только в Москве я выясняю окончательно, что это за виселицы.

В своем «ордере» от 23 августа 1774 года П. И. Панин, предписывая самым жестоким образом расправляться с участниками восстания, распоряжается: «...Во всяком таком жиле, которое бунтовало противу законного повиновения, приказывать поставить виселицу, колесо и глагол для вешания за ребро...»

Но все-таки 1774 год...

Оказывается, ничего не значит.

Замечательный местный краевед Георгий Дмитриевич Смагин, живущий в селе Атмис, неподалеку от Нижнего Ломова, рассказывал мне, что эти поставленные для устрашения виселицы — на памяти местных стариков. Впоследствии в специальном письме Г. Д. Смагин писал: «Виселицы, связанные с пугачевскими временами, в Нижнем и Верхнем Ломове сохранялись очень долгое время, вплоть до конца прошлого столетия. И если не самые виселицы полностью, то, по крайней мере, столбы от них, перекладины, обрывки веревок... Между городами Нижним и Верхним Ломовыми виселица стояла на полпути — на Шуструйской горе».

Смагин говорил мне, что о виселицах помнят и теперь. Он, Смагин, может показать места, где они находились.

В вечерний час я ходил по тем местам, где стоял раньше Нижнеломовский монастырь, и мне представлялся далекий день, вернее, уже вечер.

Спустившись с горы по левой стороне оврага, садящиеся на задние ноги лошади, крепко удерживаемые вожжами, сносят к монастырскому въезду карету. Щелкает раскидная лесенка, и из кареты выходит поддерживаемая почтительными слугами знатная барыня Елизавета Алексеевна Арсеньева. А за нею в сопровождении любимого своего гувернера Капэ легко выскакивает ее большеглазый внук Мишенька.

То, что мы знаем и из читающихся как достовернейшая автобиография стихов самого Лермонтова и из свидетельств современников, доказывает, что Лермонтов с самого раннего времени был полон внимания к совершающемуся вокруг него.

Вот эти слуги, поддерживающие его бабушку,— так ли уж непоколебима их покорность? На пути к Нижнему Ломову, как ни подъезжай, вот эти виселицы... Как на них поглядывали эти покорные слуги? Ведь именно их отцы и деды... Многие из них еще живы...

Вот в «Вадиме» о слугах Палицына: «Между тем слуги, расположась под навесом, шопотом сообщали друг другу разные известия о самозванце, о близких бунтах, о казни многих дворян — и тайно или явно почти каждый радовался...»

В Нижнеломовском монастыре Лермонтов видел многое, что изобразил впоследствии в своем романе, что дало пищу его творческому воображению.

Под рукой у Лермонтова, выросшего в Тарханах, была и современность — крепостная пензенская действительность и ответившая когда-то на нее история. Современник писал пьесы «Люди и страсти», «Странный человек»; знавший историю этих мест — «Вадима».

Велика мера издевательств над крепостными — так в антикрепостнических сценах пьесы «Люди и страсти», страшна эта мера — так в одной из проникнутых негодованием сцен «Странного человека». Одно из действующих лиц последней пьесы рассказывает о том, что помещица приказала вывернуть на станке своему крепостному руки только за то, что он вознамерился жаловаться на ее издевательства. Мужику ломают руки, на всю жизнь он делается обезумевшим от горя калекой — и ничего. Ничего ли? С помещицы никак не взыскалось. Так и будет? Будто нет ответа? Есть, был и — в этом важнейшая из идей «Вадима» — будет. Незадолго до начала работы над «Вадимом» Лермонтов пишет аналогичное по мысли стихотворение «Предсказание». Он предсказывает будущее России: революция, восстание. Это будущее — неизбежность. «Настанет год»,— так уверенно начинается лермонтовское провидческое стихотворение.

Раннему «Вадиму», первой прозе Лермонтова, еще очень далеко до художественного совершенства «Героя нашего времени». Но уже здесь Лермонтов обнаруживает широту взгляда, которая даст ему возможность стать властителем дум эпохи.

«Предсказание». Так озаглавил Лермонтов свое стихотворение. Предсказание — по действительной истории, по опыту прошлого, исходя из него.

антрактов между танцами кто-то играл тихую мелодию на каком-то струнном инструменте. Участники вечера прислушивались к этим звукам, и Лермонтов в шутку уверял всех, что по случаю этого вечера он приказал перенести «Эолову арфу» к Гроту Дианы.

Есть в Пятигорске красивое здание, украшенное портиком с шестью стройными колоннами. В лермонтовское время это было лучшее строение города. Называлось оно гостиницей Найтаки (по имени ее содержателя), или Ресторация.

На балах в гостинице Найтаки особенно ярко проявлялись обычаи и нравы обитателей курорта. Вот почему Лермонтов решил свести героев повести «Княжна Мери» на балу в зале Ресторации. Без этого характеристика «водяного общества» была бы неполной.

Ресторация связана не только с лермонтовскими героями, но и с памятью о самом Лермонтове. Известно, что он часто бывал в этом здании. В 1841 году, в свой последний приезд в Пятигорск, он остановился здесь вместе со своим родственником и другом А. А. Столыпиным. На другой день они переехали на квартиру в небольшой домик у подножия Машука.

Приезжая на Кавказские минеральные воды, Лермонтов каждый раз непременно бывал в Кисловодске.

Направляясь к Лермонтовской скале, известной как место дуэли Печорина с Грушницким, с первых шагов убеждаешься в том, как прекрасно знал Лермонтов Кисловодск и с какой точностью он описал мельчайшие детали. Проследим, например, путь Печорина от его квартиры к месту поединка с Грушницким.

В дневнике Печорина записано: «Велев седлать лошадей, я оделся и сбежал к купальне». Лермонтов не мог написать иначе. Печорин именно сбежал к купальне, потому что жил во флигеле дома, расположенного на пригорке, чуть повыше нарзанного источника (в настоящее время дома № 3 по улице Коминтерна).

Приняв освежающую нарзанную ванну, Печорин возвратился к себе на квартиру, где его уже ожидал доктор Вернер, его секундант. Вот они сели верхом и пустились к месту поединка. «Мигом проскакали мимо крепости через слободку». Лермонтов, как всегда, точен. Действительно, путь к ущелью, где была назначена встреча, пролегал вдоль реки Ольховки мимо крепости, остатки которой сохранились до наших дней (на территории санатория «Крепость»).

Много лермонтовских тропинок в Пятигорске. Но все они сходятся в одном месте: у маленького домика, скромно приютившегося в глубине утопающего в зелени двора.

С трепетным волнением входят люди в домик, где протекли последние два месяца жизни великого поэта.

Вид и обстановка домика удивительно скромны. Низкие деревянные потолки, положенные на балки и побеленные мелом; простые, с высокими спинками стулья, обитые ситцем. Походный складной самоварчик, полотенце с гербом рода Лермонтовых, походный колясочный сундук и тоже походная складная кровать. Многое говорит о том, что здесь жил поэт-изгнанник, вынужденный по воле царя странствовать с подорожной «по казенной надобности».

В кабинете-спальне Лермонтова стоят стол и кресло из его петербургской квартиры. За этим столом написаны «Герой нашего времени», «Демон», «Мцыри», «Бородино», «Смерть поэта», «Дума» и многие другие его бессмертные поэтические создания.

С 1912 года здесь открыт музей «Домик Лермонтова». За годы Советской власти он превратился в один из наиболее известных литературно-мемориальных музеев нашей страны.

Бесконечным потоком идут в музей советские люди, приезжающие сюда со всех концов страны, и многочисленные зарубежные гости. Свыше 150 тысяч человек ежегодно посещает домик поэта.

В самом центре Пятигорска, в небольшом скверике, стоит памятник Лермонтову. Он был сооружен за счет всенародных пожертвований в 1889 году по проекту скульптора А. М. Опекушина.

На гранитном постаменте, склонившись на выступ скалы, сидит поэт и пристально смотрит вдаль. Кажется, что в эти минуты он с волнением шепчет слова: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе...»

П. СЕЛЕГЕЙ

СУДЬБА «МАСКАРАДА»

Нина — К. Роек, Арбенин — М. Царев в спектакле «Маскарад».

Трудно представить более тяжелую судьбу русского классического произведения, чем «Маскарад». Завершенный Лермонтовым в 1835 году, он был запрещен на долгое время и для сцены и для печати. Три раза переделывал Лермонтов пьесу, но это не убеждало свирепую драматическую цензуру. При жизни поэта пьеса не печаталась и не разрешалась к представлению.

Роль Арбенина была заветной мечтой актера Малого театра П. С. Мочалова. Мировоззрение поэта и актера были очень близки: еще будучи студентом Московского университета, Лермонтов посещал спектакли Малого театра с участием Мочалова. Образы, созданные великим трагиком, оказывали огромное влияние на молодого поэта.

Начиная с 1842 года Мочалов предпринимал безуспешные попытки провести «Маскарад» через цензурные рогатки. Были и еще попытки поставить «Маскарад» на сцене, но цензура разрешала показывать только отдельные сцены,— вначале в Петербурге, затем, в 1853 году, на московской сцене, в бенефис актрисы Львовой-Синецкой. И только в 1862 году «Маскарад» был поставлен полностью.

В музее Малого театра хранится режиссерский экземпляр «Маскарада» постановки 1862 года и монтировка спектакля, где значится и распределение ролей: Арбенин — И. В. Самарин, Нина — воспитанница театрального училища, ученица М. С. Щепкина, будущая крупнейшая актриса Малого театра Г. Н. Федотова.

Отмечая столетие со дня первой постановки «Маскарада», Малый театр, за советское время впервые, осуществил в 1962 году новую постановку под руководством режиссера Л. В. Варпаховского.

Спектакль Малого театра и поныне идет с аншлагом.

З. АКИМОВА

ХОТЯ ПРОШЛИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ...

Они встретились в феврале 1941 года, актер и его герой — Николай Дмитриевич Мордвинов и Арбенин. Встреча была неожиданной. Мог ли предположить артист, что после состязания десятка актеров на него падет выбор кинорежиссера — Сергея Аполлинариевича Герасимова!

Но выбор был сделан. Так в 1941 году впервые увидели зрители на экране Арбенина — Мордвинова... Много вложил актер в этот сложный образ. Съемки шли в Ленинграде. Вся картина была сделана за 4 месяца. И, хотя Лермонтова артист любил с детства и многое знал наизусть, сейчас, вспоминая работу в кино над Арбениным, Николай Дмитриевич говорит, что делал все в основном по наитию, сердцем...

Вторично они встретились в сезон 1951—1952 года. Драму Лермонтова в театре Моссовета ставил Юрий Александрович Завадский. Н. Д. Мордвинов в это время читал «Мцыри» на радио и с концертной эстрады «Демона».

28 марта 1952 года зритель аплодировал вновь рожденному Арбенину. Конечно, он был похож на того, что запомнился нам на экране: даже та прядь на

Н. Мордвинов — Арбенин.

лбу, словно подбитое крыло... И все же это был иной образ — глубже, умнее, собраннее... С тех пор они не расстаются.

В декабре 1963 года Ю. Завадский сделал новую режиссерскую редакцию спектакля, еще больше подчинив всю пьесу образу Арбенина. Теперь уже стихотворный текст не довлел над актером: Мордвинов сделал его своим, подчинив мысли и сложной внутренней жизни замечательного образа.

Двести шестьдесят один раз сыграл Мордвинов Арбенина. И каждый раз на встречу с ним идет с волнением. И каждый раз играет по-новому.

И. СЕМЕНОВА

ТАРХАНЫ — ЛЕРМОНТОВО

На краю села, на холме, темнеет старый парк. Сквозь деревья просвечивает зеленая крыша большого барского дома. На чугунных воротах надпись: «Музей-усадьба Михаила Юрьевича Лермонтова». Тишина. Кругом ни души. Музей закрыт. Выходной день. Впереди меня идет директор музея, бросает через плечо: «Справа была кухня, дальше каретная, впереди сломанный вяз, видите? На нем устраивали качели для маленького Миши».

Передо мной лермонтовский дом. Крыльцо с узорчатым навесом, потрескавшиеся от старости ступени. Многое видели эти камни, многое могли бы они рассказать... Толпа дворовых шумит у крыльца. Окружили двух мужиков. Они только что получили вольную. Растерянно улыбаются, благодарят молодого барина. А сельский дьячок старательно записывает в церковную книгу: «Села Тархан вольноотпущенные господином Лермонтовым дворовые люди Кирилл Лаврентьев и Никита Григорьев».

— Что ж вы там замешкались? Проходите,— приглашает директор в экскурсионную. Рассказывает:— После революции в доме была школа сельской молодежи, потом сельсовет. В 1936 году по инициативе Надежды Константиновны Крупской началась работа по созданию музея М. Ю. Лермонтова. Было поднято множество архивных материалов, документов, пригодились рассказы старожилов села. Дом восстанавливали по старому плану и по рисункам первого биографа Лермонтова, П. Висковатова. Писатели, историки, исследователи приняли участие в этой работе. В 1939 году при огромном стечении народа музей был торжественно открыт.

Наш разговор подходил к концу. Несколько слов о расположении комнат, и дверь за директором закрылась.

Вхожу в первую комнату. Высокие окна, тяжелые занавеси, свечи в старинных канделябрах. С портретов в потемневших рамках смотрят люди, чья жизнь протекала в этих стенах. Властное красивое лицо бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, темные мечтательные глаза матери, тонкие черты отца.

Миша увлекается рисованием. Бабушка несколько раз возила на Кавказ, и дом наполнился рисунками. Синие горы, черкесы, лихие скакуны.

Пролетело несколько лет. Миша — воспитанник благородного пансиона при Московском университете. Привез бабке первый дневник с отметками. На пожелтевшей странице надпись: «Очень похвально». Почерк сухой, крючковатый. Видно, скуп был на похвалу старик учитель.

1830 год — первая публикация. Под стеклом редкий экземпляр журнала «Атеней», стихотворение «Весна» подписано латинской буквой «L». Дальше в соседней комнате солидные тома «Современника» со знакомыми лермонтовскими строками, первые сборники, портреты друзей, портреты врагов. Живопись по-прежнему — любимое занятие. Автопортрет. Молодой офицер в мундире Нижегородского драгунского полка.

Крутая деревянная лестница ведет наверх, в мезонин. Комнаты, в которых жил Лермонтов. Здесь собраны те немногие вещи поэта, которые пощадило время и сохранили добрые люди. На массивном столе любимые книги: Байрон, Иван Козлов, Ламартин, Вольтер, Пушкин. Вдоль стен несколько стульев, обитых выцветшим желтым шелком, на столике футляр с трубкой и дорожная шкатулка. А над столом гордость музея — большая картина «Кавказский вид возле села Сиони». М. Ю. Лермонтов. Масло. Оригинал.

Стеклянная дверь на балкон открыта. Нагретые солнцем половицы. Ветки лип пробиваются сквозь перила. Уступами спускается к воде парк. Внизу сквозь путаницу ветвей вспыхивает синий металл пруда. На берегу свободно подставил могучие ветви степному ветру великан-дуб. Сто с лишним лет назад его посадил Лермонтов.

Кажется, каждый уголок здесь дышит его строками:

...В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами...

Пройдите по селу, в каждом доме вам расскажут о Лермонтове так живо, интересно, что покажется, будто вы в Тарханах лермонтовской поры. Здесь говорят о его привычках, манерах, любимых детских играх, говорят, как о близком, родном человеке.

Когда листаешь путеводитель по музею-усадьбе, встречаешь такую строчку: «По желанию крестьян в 1918 году село Тарханы переименовано в Лермонтово». Кажется, ну что тут особенного, переименовано село. Потом невольно возвращаешься к дате. 1918 год. Начало. В голодные, опустошенные войной Тарханы пришла Советская власть. Тарханцы собираются на митинг. Само собой получилось, что все пришли к лермонтовской могиле. О чем же говорят крестьяне? Село надо переименовать. Новую жизнь они начали с именем своего великого земляка.

Из соседних сел и из чужих стран едут в Лермонтово современные паломники. Из музея они непременно направляются в другой конец села, туда, где под кроной могучего дуба стоит часовня.

Я пришла сюда под вечер. Длинные тени лежали на песчаной дорожке. Двери часовни распахнуты.

...Я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать.

Посреди часовни строгий памятник из черного мрамора. Золотая надпись: «Михайло Юрьевич Лермонтовъ». Ступени вниз. Узкая винтовая лестница зажата между толстыми стенами. Поворот. На уровне глаз — тонкая прозрачная свеча. Теплый язычок пламени мечется по стене. Под низким сводом большой свинцовый гроб. В 1842 году, в мае, тарханские мужики Иван Вертюков, Андрей и Иван Соколовы привезли его с Кавказа. На крышке несколько еловых веток. За выступом стены — ход наверх.

Верхушки деревьев горели оранжевым пламенем. Ветер нес из степи горьковатые запахи и гул моторов.

Н. АРСЕНЬЕВА

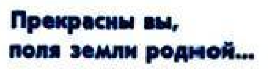
...и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей...

Фото Я. РЮМКИНА.

Проселочным путем люблю скакать в телеге...

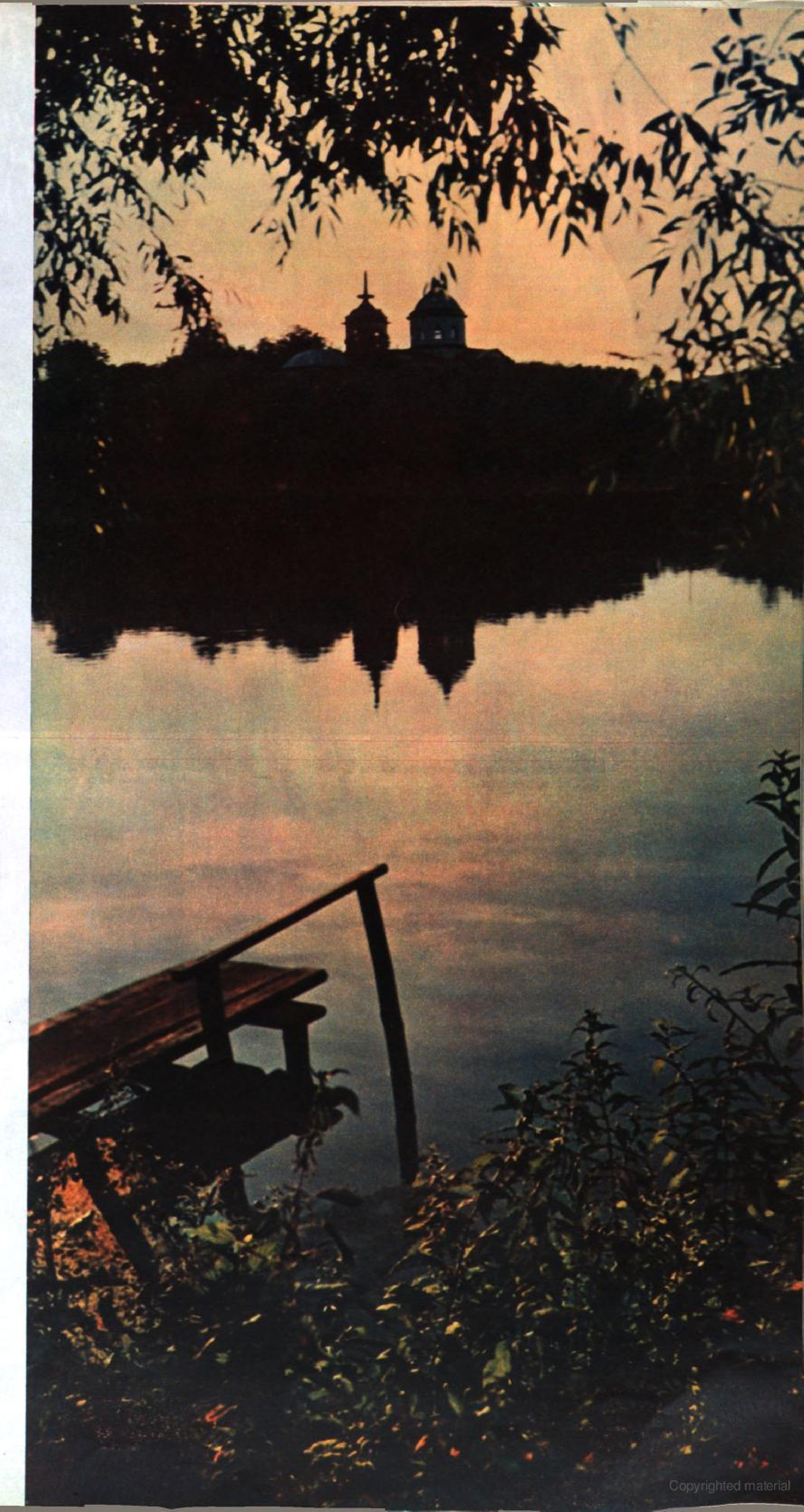

**Прекрасны вы,
поля земли родной...**

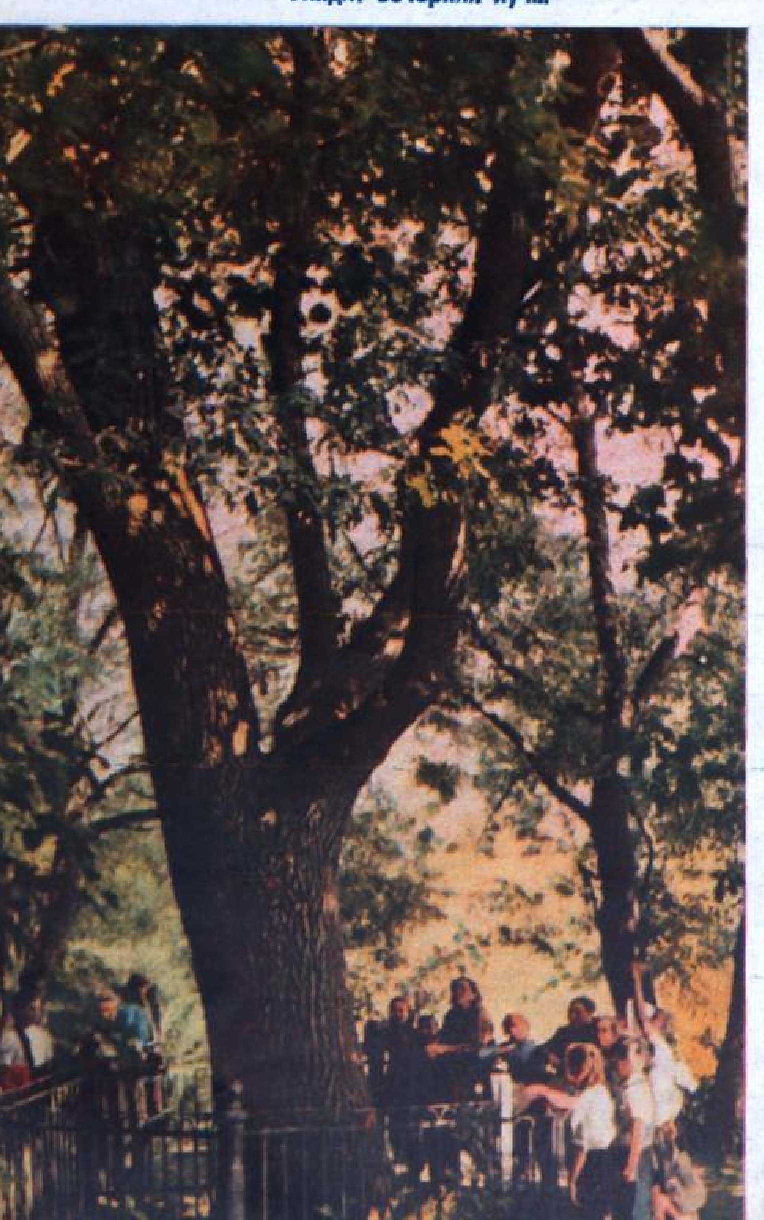
Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что не знаю сам?—
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям...

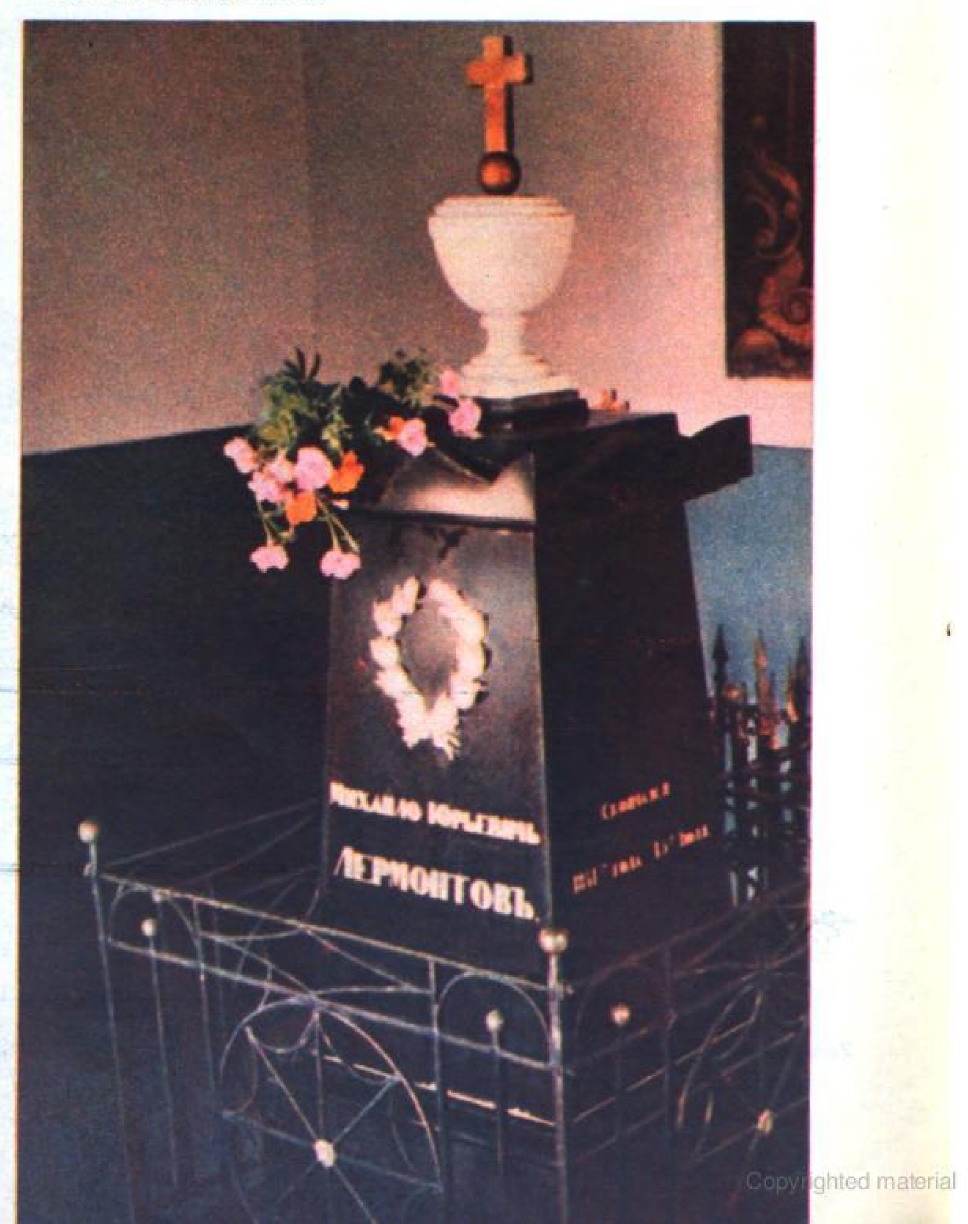

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд...

В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч...

...Мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит...

СОВРЕМЕННИКИ О ЛЕРМОНТОВЕ

В Государственном Историческом музее в Москве хранится несколько интересных писем 1839, 1841 годов, в которых мы встречаем отклик современников на появлявшиеся в печати произведения поэта.

В письмах П. С. Савельева из Петербурга в Берлин к одному из членов кружка Н. В. Станкевича, Я. М. Неверову, сообщается о возобновлении издания журнала «Отечественные записки». Известно, что в журнале А. А. Краевского, начиная с первых номеров, печатался Лермонтов. Савельев пишет: «Между стихотворениями (не говоря об альбомных стишках Пушкина и б[арона] Дельвига) замечательны: отрывок из поэмы графини Ростопчиной, «Италия» Бенедиктова и «Дума» Лермонтова...», во второй книжке «хороши стихотворения Баратынского, Бенедиктова и Лермонтова».

В далекой Сибири большой интерес к творчеству Лермонтова проявлялся в среде декабристов и их друзей. Сибирский литератор и краевед А. А. Мордвинов писал из Нерчинска декабристу-поэту В. К. Кюхельбекеру:

«Только поэтический талант Лермонтова ярко и резко отличается от других...»

Другой современник — брат Н. В. Станкевича, студент Харьковского университета А. В. Станкевич пишет из Харькова сестрам: «...Ваня повез вам Лермонтова, в котором прочтете много прекрасных вещей. Какова «Русалка», и «Еврейская мелодия», и «Тучи», и «Памяти О[доевско]го», и все, и все? Просто прелесть. По мне и «Мцыри» прекрасен. Душа сильная, родная природе, о которой мечтает она целую жизнь в монастырских стенах. Наконец она вырывается из них, три дня жадно питается всею роскошью природы и умирает, говоря, что без этих трех дней вся жизнь была бы ничто для ней. А какие картины! Какую песенку пела ему рыбка в прозрачной и холодной воде, сквозь которую солнце светилось, как луна. Дивная роскошь фантазии! — «Завещание» Лермонтова во 2 № «От[ечественных] зап[исок]» также превосходно, хотя, может быть, иногда и не совсем доступно для кротких женских душек...» «... На днях один студент дал мне «Хаджи Абрека» Лермонтова; он был помещен в «Библиотеке для чтения», не знаю только за какой год. Прекрасная вещь! Поищите в своих библиотеках. Может быть, найдете. Жаль, что он не был помещен в собрании его стихотворений. Еще я читал в старом «Современнике» его «Казначейшу», но там хорошо не все...»

Известный историк Т. Н. Грановский, прочитав в «Москвитянине» стихотворение «Спор», писал своей двоюродной сестре А. Е. Кромида 24 июня 1841 года: «Скажите мне свое мнение о стихах Лермонтова? Не правда ли, это большой талант? В московском журнале «Москвитянин», в июньской книжке, есть его прекрасная вещь. Если Вы не читаете этот журнал, живя на краю света, я Вам пришлю копию...»

Другие письма связаны с трагической гибелью поэта. Причины и обстоятельства смерти Лермонтова казались непонятными.

Самый ранний отклик относится к 6 августа 1841 года. В Историческом музее хранится часть письма Сергея Дохтурова. Оно написано из слободы Фабрикантской неизвестному лицу. Начало письма отсутствует, текст начинается с полуфразы: ...«автор «Героя нашего времени» убит на дуэли Мартыновым, бывшим кавалергардом,— причина дуэли есть насмешка Лермонтова над последним.— Мартынов пустой малый, но и Лермонтова жалеть нечего; я хорошо знал его: он при жизни был жалок, ничему не верил, презирал людей и был разочарован не на словах только, а на деле,— стоит ли жить, когда поэзии жизни не существует...» Это письмо представляет несомненный интерес для лермонтоведов, так как дополняет новым именем наши сведения об окружении поэта. Письмо очень характерно: оно передает отношение к Лермонтову определенного круга военных, к которым принадлежал и С. Дохтуров.

Остальные письма подтверждают то, что уже известно в литературе о Лермонтове, — читающая и мыслящая Россия глубоко скорбела о гибели своего поэта.

21 сентября 1841 года А. В. Станкевич пишет: «Здесь в Харькове я уже узнал, что Лермонтов убит на дуэли. Один военный, приехавший с Кавказа, рассказывал в Харькове так о смерти Лермонтова. Отставной майор Мартынов был очень любезен к одной девушке и был взаимно любим. Лермонтов, вероятно, как Герой нашего времени, успел вытеснить Мартынова из сердца девушки и поместился в нем сам. Потом он преследовал Мартынова остротами и насмешками и, наконец, написал на него пасквиль. Один юнкер читал его Мартынову, и когда последний сказал, что он обрубит мальчишке уши, тот ответил: это не я, это Лермонтов написал, а вот и картинка, которую он нарисовал. Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль. На месте дуэли (так говорят) Лермонтов сказал: Мартынов, я обидел тебя, жизнь дорога для меня, стреляй ты или нет, но я ссыпаю порох с полки. Лермонтов опустил пистолет. Говорят, глупые секунданты подзадорили Мартынова. Он хотел оцарапать Лермонтову руку, но пуля попала в бок и прошла на вылет. Лермонтов упал мертвый. Так была рассказана эта история. Бог знает, справедлива ли она! Вести, передаваемые из уст в уста, всегда подозрительны. Если эта история справедлива, то если и нельзя обвинять Мартынова, все-таки тяжело думать, что Лермонтов погублен так, за ничто. Впрочем, событие, представляемое людьми так[им] простым и ничтожным, имеет часто много важных, не замечаемых нами пружин, по которым оно»... На этом заканчивается лист письма, конец его был утерян владельцами.

Писем в нашем распоряжении мало, но находки, сделанные в последние годы, дают право надеяться, что будут обнаружены еще новые материалы о великом поэте.

И. КАЛАНТЫРСКАЯ

Поединок

Дмитрий ГОЛУБКОВ

Предгрозье мглой Машук одело.
Угрюма тяжких туч орда.
— Коней в кустарник—вот сюда...
— Дождь крапает... Скорей
за дело!

«За дело...»
Брошены дела.
Все лишь вчерне, все лишь
вначале...
Как в море плот — квадрат
стола.
Стол ждет, чтоб дальше плыть
ночами,
Плыть в черной тьме, к восходу
плыть,
Взметая парус одинокий...
За дело. За работу. Жить!
Зовут стремительные строки.
О, этот вздорный маскарад
С таинственностью секундантов,
С каскадом выспренних бравад,
С блистаньем глаз и аксельбантов!
Мартынов... Как наряден он,
Воитель и гроза Кавказа!
Он будет нынче пощажен,
Смешной Мартышка белоглазый,
Что, недруг он? Нет. Он — не друг.
Меж ними в воздухе граница.
Он, словно воздух, пуст и сух.
Сплошной стеной такие лица.
Мартынов... Разве он злодей?
Он просто чадо века злого.
Он ролью дорожит своей
И долг свой выполнит толково.
Прикажут:
— Бей! Воинствуй! Жги! —
И полстраны он выжжет, истов!
Такие вот
под вой пурги
Стреляли в лица декабристов.
Таких
и лепят и пекут
Из верноподданного теста.
Их нынче тьма.
И даже тут,
В горах,
от них темно и тесно.
Мартынов вечен и безлик,
С такими драться бесполезно:
Убьешь — тотчас встает двойник.
Мартыновых на свете — бездна.
Как в воздух, в этаких стрелять.
Смешон? Нет, страшен он,
пожалуй.

О, что за вздор!
Он добрый малый,
Они помирятся опять,
Сейчас пальнут по разу в небо —
И в Пятигорск... А то беда —
Гроза настигнет... Так свирепо
Глядит тяжелых туч орда...
Но нет. Все ближе жадный гром.
Глаза Мартышки все свинцовей.
Как душно! Как темно кругом!
Как гулок бег мятежной крови!
Она бунтует, и зовет,
И жаждет вырваться и брызнуть,
Окрасить серый небосвод,
Встревожить спящую отчизну...
Как искры, мысли мельтешат:
Воспоминаний вереница.
Отец... Друзей далеких лица.
Влюбленной девы дымный взгляд.
И небо северной столицы.
И петербургские блудницы.
И пение тарханской жницы.
И отчий дом и милый сад.
Журналы на столе лежат,
И не разрезаны страницы...
Не прочитать, не погрузиться,
Не возвратиться уж назад...
...Как разбазаривал свой пыл!
И страсть и стих бросал на ветер,
Любил бретеров и кутил,
Любил кружить в лукавом свете
И тратить пламень юных сил...
Но более всего на свете
Россию сирую любил,
Обманутую и нагую,
Слепую, грешную, святую.
Ее, сеченную кнутом,
Клейменную лихим судом,
Ее, в мятежном озаренье
Отважную до удальства,
Ее голодные селенья,
Ее свободные слова.
Любил, и славя и злословя,
Изгой в отеческом краю,
Суровой,
странною любовью
Любил он родину свою.
Любил, любил... И — любит,
любит!
И вечно будет он любить,
Петь о звездах и темном дубе
И пунш с товарищами пить.
Он будет. Он не быть не может!
И там, за гранью новых дней,
Он душу юную встревожит
Неистовством души своей.
О, дотянуться бы! Дослышать!
Провидеть через толщу лет...
Москва, наверно, станет выше...
А люди вырастут? Иль нет?..
Ах, надо все начать сначала,
Растрачено немало лет...
А фарс играть ему ль пристало?
И он бросает пистолет.

Гром размахнулся над округой,
Распарывая туч свинец.
Огонь
ударил в грудь упруго.
Начало?
Ранен он...
Конец.
Встает огня стена живая,
Ошеломляюще светла,
И рушится.
И, побеждая,
Мир обволакивает мгла.
Лишь сабли молний хищно
блещут,
И ночь по скалам мчится вскачь.
И ломкий ливень тело хлещет,
Как обезумевший палач.

Пятигорск — Москва.

Краснодар. Драмтеатр имени М. Горького. «Маскарад». Арбенин — М. Куликовский.

Демон — народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Вахтанг Чабукиани.

Брянск. Облдрамтеатр. «Испанцы». Патер Соррини — Ю. Новиков.

Горький. ТЮЗ. «Испанцы». Фернандо — И. Панаев (справа).

Стерлитамак. Городской драмтеатр. «Два брата». Юрий — Л. Акманов. Княгиня Лиговская — А. Баушева.

Электросталь. Дворец культуры имени Карла Маркса. Демон — инженер В. И. Коняшин.

ПРИ СВЕТЕ РАМПЫ

«Срочно нужны рисунки испанцев XV—XVI веков», «Пришлите репродукции интерьерами 30-х годов XIX века», «Требуются эскизы испанских костюмов...», «Нужны материалы быта, нравов, природы Кавказа XIX века»... Эти и многие другие телеграммы ежедневно приносят во Всероссийское театральное общество. Не смолкая, звонит телефон: Пермь, Калуга, Грозный, Псков, Тбилиси... Театры многих городов ставят пьесы Лермонтова, готовят к юбилею новые спектакли. Все пьесы гениального поэта увидят свет рампы в нынешнем году.

«Маскарад» — одна из самых репертуарных ныне классических пьес. Сейчас этот спектакль увидят зрители Комсомольска-на-Амуре, Краснодара, Грозного, Красноярска, Самарканда...

Драмы «Испанцы», «Люди и страсти», «Странный человек» написаны Лермонтовым в 16-летнем возрасте. Бунтарские образы испанцев воплощают сейчас актеры Брянска, Перми, Калуги, Львова, Орджоникидзе, Тбилиси... Постановку «Странного человека» — пьесы, почти не шедшей на советской сцене,— осуществляет Пензенский драматический театр имени Луначарского. Даже такой маленький театр, как Камышинский, работает над сложной пьесой Лермонтова «Два брата».

Инсценируется и проза Лермонтова. Многие коллективы Северного Кавказа рассказывают зрителям о трагической судьбе Бэлы.

М. МАРЬЯН

ХУДОЖНИКИ И «ДЕМОН»

Один из первых рисунков, выполненных Врубелем для кушнеревского издания.

В конце прошлого века, в дни, когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти поэта, владельцы типографии и фототипии т-ва Кушнерева задумали издать иллюстрированное собрание сочинений Лермонтова. Расчет был на верный коммерческий успех. Однако П. П. Кончаловский, приглашенный в качестве художественного издателя, загорелся идеей устроить своего рода соревнование виднейших мастеров кисти. Он обратился к Репину, Сурикову, Шишкину, В. Васнецову, Коровину, Серову, В. Маковскому, Айвазовскому и Поленову с просьбами о рисунках. Уговаривать никого не пришлось; энергия издателя тратилась в основном на то, чтобы улаживать споры и разногласия художников, желавших иллюстрировать одни и те же любимые произведения. Но вот кто будет иллюстрировать «Демона»?

Кончаловский обратился к В. Серову, тогда уже известному, признанному художнику. Валентин Александрович горячо принялся за работу, остановившись на сцене Тамары и Демона в монастыре. Но чем дальше подвигалась работа, тем большую неудовлетворенность чувствовал художник: ему казалось, что он не в состоянии выйти из-под обаяния образа, созданного тогда еще никому не известным Михаилом Врубелем. Они были друзьями в Академии, где вместе учились, вместе теперь работали в одной мастерской. Еще более тесная дружба связывала внешне сдержанного, уравновешенного Серова с Коровиным — весельчаком, подлинным артистом в душе. Их называли одним именем: «Коров-Серовин». Врубель вносил в их отношения особую ноту, он был не прочь принять участие в импровизированных шутках и чудачествах, но притягивал к себе пламенностью своего искусства, неуемной страстностью натуры.

На глазах у друзей Врубель писал своего сидящего Демона, того, что находится теперь в Третьяковской галерее. Врубель почти с первых дней своей самостоятельной работы рисовал Демона на бумаге, писал на полотне, лепил из глины... Всем существом Врубеля — так же, как когда-то существом юного Лермонтова, — владела идея воплощения страдающего и скорбного, мятежного и величавого духа...

Своей увлеченностью Врубель заразил друзей. В творчестве трех художников началась какая-то «демоническая» эпоха.

В мастерской Коровина, где работал и Врубель, было так холодно, что замерзала вода, а одеяло, по уверению хозяина, примерзало к телу. Но у мольбертов было жарко... Коровин набросал эскиз одеяния Демона. По этому эскизу был сшит великолепный костюм для сестры К. С. Станиславского, в котором она появилась на одном из московских маскарадов, позднее она же стала позировать Коровину для образа женщины-демона. Художник А. Головин, видевший эту работу, уверял, что картина, будучи законченной, не уступила бы врубелевской по своему значению. Но Коровин забросил полотно за шкаф. Он, наверное, почувствовал себя не в силах создать образ такой же силы и самобытности, как у Врубеля.

По просьбе Кончаловского Коровин дал рисунки к стихотворениям «Сон» и «Свиданье», к «Демону» же не прикоснулся.

Серов тоже остался недоволен своими рисунками; один из этих рисунков он совсем забраковал, а П. П. Кончаловского поспешил познакомить с работами Врубеля.

Придя в мастерскую и увидев на мольберте врубелевского сидящего Демона, Кончаловский был потрясен. И тут же решил, что право на иллюстрацию «Демона» принадлежит Врубелю безоговорочно...

Л. ОСИПОВА

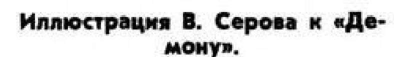

Иллюстрация В. Серова к «Демону».

Коровинские эскизы к опере «Демон».

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Рисунок Ю. Черепанова.

БОКИ РАХИМ-ЗАДЕ

РАССКАЗ

Да и пускай глухой обретет слух, а слепой зрение, не имеющий языка заговорит, хромой побежит и обгонит всадника! Да и пускай, кто думает так, подумает иначе, а что было прежде, не повторится, а то, что было прежде,— пускай повторится — нетрудная задача для умного: выбери сам, что надо!

Во имя любви к разумному пишу я эти строки: о вчерашнем и завтрашнем, а сегодняшнее в наших руках. Как говорят: если есть вода в кувшине, зачем жаждешь? Надо пить, а мне говорить и не медлить, брать быка за рога и начинать рассказ. Но какой добрый хозяин, встретив гостя, сразу поведет с ним разговор о деле: надо спросить о здоровье, потом показать дом и сад, а к тому времени и дастархан[1] будет накрыт. Как говорят: кто о чем, а лысый о волосах. Так и я.

...Я читал газету. Было это во время перерыва между заседаниями Верховного Совета республики. Сидел во дворе, среди роз и читал газету. Что такое? Сколько же это будет продолжаться? Опять заметка «Из зала суда». Некий торговый делец, заведующий сельским магазином, в весьма преклонном возрасте выгнал старую жену и посватался за школьницу. И, самое главное, родители не возражали. А что делали учителя, врачи, инженеры, правление колхоза? Как будто и не знали. Сколько лет нам еще говорить о феодально-байских пережитках?! Возмутительно! У нас говорят: котел открыт, но разве у кошки есть стыд? Перевести смысл этой поговорки можно так: надо, мол, совесть иметь.

Я возмущался пока про себя, но еще несколько минут — и депутаты, гулявшие среди цветочных газонов, услышали бы мой разгневанный голос.

— Здравствуйте, муаллим,[2] — вдруг услышал я.

Я опустил газету. Передо мной стоял молодой человек в легком чесучовом костюме, чустской тюбетейке и глядел на меня с доброй улыбкой. Я тоже вежливо улыбнулся, стараясь припомнить, кто он. Лицо очень знакомое, но...

— Садитесь,— сказал я, подвигаясь,— рассказывайте. Что дома? Как дела?

Сам я подумал: если ты — ведро, то я — ручка от ведра. Другими словами: ты хитрый, а я хитрей...

— Отец передавал вам кучу приветов.

Час от часу не легче. Действительно, из-под дождя да под желоб. Кто его отец? Где я с ним встречался? Кто этот милый собеседник?

Молодой человек, видимо, увидел на моем лице смятение и заметил:

— Вы, наверно, не узнали меня, муаллим. Я сын Абдулло.

— Абдулло?..

— Вы работали вместе... в школе... В Каратегине... А мой отец...

— Ах, Абдулло?! Ну, как же! Вы, значит, сын Абдулло-вора?

Роем закружились воспоминания. Я вновь взглянул в лицо молодого человека и увидел, что он очень похож на отца.

— А как мама? Как Назрия?— Теперь все встало на свои места.

— Спасибо, она тоже передавала привет.

В это время раздался звонок. Перерыв окончился. Мы пошли в зал заседаний.

— Вечером ко мне, обязательно!..

— Спасибо, муаллим.

Я вспомнил Бедиля[3].

Не будь наивен.
Жизнь подобна кораблю на море:
Он кажется стоящим неподвижно.
А паруса несут его стрелой.

...Я тогда работал в далеком гармском кишлачке директором школы. Это была настолько маленькая школа, всего две классные комнаты, что, пожалуй, смешно сейчас называть себя директором. Но что делать, должность есть должность. Как говорят: чему быть, того не миновать. Учеников тоже было немного. Итак, в этом кишлаке я работал директором. Это была не единственная школа. Неподалеку от нас стояла еще одна. И с этой школой мы постоянно враждовали, конкурировали, боролись, переманивали учеников. Это была еще старая религиозная школа, где царем и богом, директором, завучем и педагогом был ишан[4].

[1] Дастархан — скатерть с угощением.

[2] Муаллим — буквально учитель; здесь — уважительная форма обращения.

[3] Бедиль (1644—1721) — выдающийся таджикский поэт и философ.

[4] Ишан — глава мусульманской общины, духовное лицо.

Бывали случаи, что какой-нибудь ученик по нескольку раз переходил из одной школы в другую. И, конечно, не вина мальчугана лет десяти-одиннадцати, что ему приходилось возвращаться под палку ишана. Родители?.. С ними было очень трудно. В те времена еще много дехкан находилось под влиянием муллы.

Иногда борьба между двумя школами становилась очень ожесточенной. Да, да! Мы, новые советские учителя, подвергались большой опасности. В ту пору остатки басмаческих банд курбаши Фузайля Максума, скрывавшиеся в горах, нападали то на один, то на другой кишлак. В одном из них они ночью вырезали всех учителей. Нужно сказать ко всему прочему, что учитель у нас в то время был такой же редкостью, как яйцо легендарной птицы Анкб. Для того чтобы найти педагога, надо было выбить глубокую впадину на камне, лежащем у порога районо.

В нашей школе шли занятия уже месяца два или три, когда из района прислали к нам еще одного учителя. Это был молодой человек, лет двадцати — двадцати двух. Он только что окончил педагогический институт и прекрасно знал и любил свой предмет. Звали его Абдулло. Он преподавал географию и историю. А в седьмом классе нашей школы училась единственная девушка по имени Назрия. Ей было лет семнадцать, и она была удивительно красива.

Я всегда теряюсь, когда нужно описать женскую красоту. Как описать черные глаза, черные волосы, удивительно приятное личико с румянцем на чуть смугловатой коже! Может быть, вы хотите, чтобы я сравнил ее щеки со свежей розой? Пожалуйста. Это так и было. Нет, такое описание совершенно не годится. А другого я придумать не могу. Ведь все наши девушки черноглазы и черноволосы. Но что делать, Назрия была очень хороша. И прекрасно училась. На заседании кишлачного Совета, когда обсуждался вопрос о заготовке дров для нашей школы, мы говорили о ней, как о лучшей ученице.

Там-то я и услышал интересную историю о том, что произошло в семье Назрии. Говорили, что дети в этой семье умирали. И вот якобы родители Назрии за год до ее рождения пошли с дарами к святому ишану, моля о помощи. Почтеннейший ишан сначала обратился с молитвой к богу, потом принес из кладовой яблоко, разломил его пополам, одну половину отдал мужу, другую жене и велел это яблоко съесть тут же при нем. Затем, снова воздев руки к небу, ишан изрек: если у них родится дочь, то они должны ее назвать Назрия, что значит обещанная. Далее ишан сказал: когда девушка вырастет, родители должны прислать ее к ишану. Если же родится сын, пусть они назовут его Назри и также пришлют в услужение.

Вот будто бы какая история произошла за год до рождения Назрии.

Девушка, конечно, не знала ничего ни про ишана, ни про яблоко. А я, услышав эту историю, только посмеялся. Меня в ту минуту на заседании кишлачного Совета интересовал вопрос о заготовке дров.

Прошло еще два-три месяца после приезда нового учителя, и вот как-то после уроков подходит ко мне Абдулло. Я сразу заметил, что он очень взволнован.

— Что с вами?

Он смутился и даже хотел уйти, но потом, решившись, сказал:

— Муаллим, я скрыл от вас свою тайну. Но сейчас, когда она висит слезой на реснице, я должен вам все рассказать.

— Что случилось, дорогой Абдулло?

— Я люблю Назрию. Люблю больше жизни, помогите мне, прошу вас. Я обращаюсь к вам, как к отцу.

Когда стрела любви поражает сердце, нельзя утешить человека. Может быть, нужно было промолчать, но я стал расспрашивать Абдулло о том, как это произошло, как к нему относится Назрия, говорил ли он с ней.

Он ответил, что не говорил. Они разговаривали только взглядами. Но однажды Назрия подарила ему вышитый платочек; он протянул мне платок, завернутый в бумагу, с которым, очевидно, никогда не расставался.

— Ну, что ж, замечательно,— сказал я молодому учителю.— Примета самая верная. Если девушка дарит платок или тюбетейку, то это не только признание в любви, но и обет верности в супружеской жизни. Чего же так волноваться?

Абдулло молчал. А я, вместо того чтобы делать то же самое, продолжал:

— В таких делах не надо спешить, все надо взвесить. Подождем до конца учебного года. Ты не волнуйся. Я постараюсь все уладить.

— Муаллим, вы ничего не знаете,— сказал мне Абдулло.— Все может погибнуть.

— Да что случилось?

— Случилось самое страшное: ишан требует к себе Назрию в услужение. Два дня назад ишан послал к ее отцу человека, который передал с его слов, будто ишан видел сон: аллах приказал забрать Назрию из школы и привести в дом ишана, в противном случае, так якобы высказался аллах, ишан проклянет дом, все его обитатели сгорят и превратятся в золу. Мне это сказала мать Назрии. Она тоже любит меня. Но отец неумолим. Он дал слово бросить свою дочь в лапы этому волку. Что мне делать, муаллим?

По правде говоря, я не знал, что делать. Теперь мне стало понятно, почему Назрия уже два дня не ходит в школу.

— Беги к матери Назрии,—сказал я,—посоветуйся с ней, а я поеду к председателю кишлачного Совета Саттору.

Кишлачный Совет был далеко, в любую минуту можно было встретиться с басмачами.

Я тотчас сел на коня и прибыл к Саттору за полночь. А в семь утра мы уже возвращались. Погода была чудесная. Горный ветер, побывавший на пастбищах, принес нам тонкий аромат полыни. Проснулись птицы. Они очень громко разговаривали о своих делах. Председатель кишлачного Совета запел, потом, вздохнув, заговорил:

— Вот так, муаллим, и идет у нас жизнь в горах. Придется ли спокойно пожить при новой жизни? Эмира прогнали — появился Фузайль.— Саттор засучил рукав, и я увидел еще свежий шрам.— Оставил на мне свою метку. А сам, слава аллаху, сгинул. Казалось бы, все хорошо, так теперь сами почтенные ишаны подняли голову. Когда мы сможем наконец спокойно вздохнуть? Но ничего, не расстраивайся, муаллим, как сказал поэт: когда я попаду в рай, хотелось бы мне встретиться со своим врагом, чтобы и там победить его.

Мы подъезжали к школе. Еще издали мы заметили большую толпу.

— Опять новости,— сказал Саттор.— Что-то случилось.

Мы не успели спешиться, как нас окружили. Среди дехкан я увидел отца Назрии и еще нескольких мужчин, его родственников. Отец Назрии взял под уздцы моего коня.

— Это что за дела такие творятся?— обрушился он на меня.— Видно, хлеб и соль народа могут ослепить человека. Для чего я отдал в школу свою дочь? Где моя дочь — отвечай?

Председатель кишлачного Совета спешился и стал расспрашивать, что произошло. Через несколько минут все выяснилось: Назрия ночью исчезла. Ее повсюду разыскивали, но найти не могли. Потом мы узнали, что вместе с ней исчез школьный учитель Абдулло, которому тут же весь кишлак присвоил прозвище Абдулло-вор.

— Он украл лошадь у школьного сторожа!— кричал отец Назрии.

— Это ты дал согласие ее похитить!— крикнул кто-то из его родственников.

Сколько я ни клялся, что всю ночь был в дальнем кишлаке, в доме Саттора, никто не обращал внимания на мои слова.

— Ты уехал, чтобы следы замести!— шумел отец Назрии.

— А ну, тише!— выдохнул всю мощь своих легких Саттор, стараясь перекричать толпу.— Тише, дайте мне сказать!— Голоса немного стихли.— Как я слышал,— продолжал он,— достопочтенный ишан или его приближенные недавно были в твоем доме,—сказал он, обращаясь больше к толпе, чем к отцу Назрии.— Может, они совершили какое-нибудь колдовство над твоей дочерью? Наш ишан имеет такие привычки.

— Как вы можете так говорить о почтенном ишане!— закричал отец Назрии, разрывая на себе ворот рубашки.— Чтобы сгорел ваш род! Не лгите! В моем доме не было святого человека.

— А я говорю, что если ишан не был, то были его приближенные. Поклянись именем аллаха, что это не так!

Отец Назрии в смущении умолк.

— Идите по домам, друзья,— сказал председатель.— Обещаю: даже колючка не поранит ноги Назрии.

Люди начали перешептываться. Мы с председателем пошли в школу.

— Да, неважные дела,— произнес Саттор, сев за стол.— Наделал переполоху этот Абдулло-вор, хотя я бы на его месте поступил так же. Но теперь вам надо быть осторожным. Придется снова забрать вас на ночь к себе. Как бы эта история не повредила...— Он не договорил: договаривать было незачем, ясно, что басмачи скоро узнают об обиде, нанесенной ишану.

Вечером председатель уехал, я остался в школе. А наутро, как обычно, начались занятия, хотя в этот день посещаемость была неважной: пришли всего три человека.

Несколько дней спустя я узнал, что ишана вызывали в кишлачный Совет. Там он клялся, что непричастен к этому делу.

...Время, говорят, лучший судья. Я знаю конец этой истории, мне ее рассказали Абдулло, мать Назрии и сама Назрия.

В тот злополучный вечер Абдулло встретился с матерью Назрии у большой чинары недалеко от школы. Женщина была в отчаянии.

«Сынок, на тебя вся надежда,— сказала она.— Ишан со своими мюридами приехал к нам за Назрией!»

«Что же делать?» — спросил Абдулло.

«Придумай что-нибудь, сынок, спаси мою дочь от этого старого развратника».

Абдулло сказал, чтобы мать Назрии привела свою дочь к ручью. Женщина ответила, что она только что опустила в котел мясо и что, когда она его выложит на блюда, подаст гостям и те займутся едой, тогда она приведет Назрию.

За это время Абдулло успел взять нашу школьную лошадь и поехал к ручью. Назрия его уже ждала. Он посадил ее на коня за своей спиной и помчался в горы. Оба все время оглядывались: они боялись погони. Примерно через час они услышали стук копыт. Они спешились, Абдулло отвел лошадь в сторону, привязал ее к дереву, а сам с Назрией спрятался в кустарнике. В этом месте тропинка разветвлялась. Преследователи остановились и стали совещаться, куда ехать дальше. Беглецам было очень страшно, они боялись, что заржет лошадь. Внизу громко шумела река, и все же было очень страшно. Назрия шепнула Абдулло, что, если их обнаружат, она бросится в реку. Абдулло утешал ее. Но лошадь не выдала, и преследователи проехали мимо. Через несколько часов вся ватага проскакала обратно, и Абдулло с Назрией вздохнули с облегчением.

Утром они были в районо. Заведующий выслушал беглецов, поругал их и все же помог. Вместе с ними он поехал в Душанбе. Назрию устроили в педагогическое училище, а Абдулло стал учителем в школе.

Вскоре после этой истории в нашей газете появился фельетон — у меня не хватило смелости подписать его своим именем,— он назывался «Ишан переплюнул черта».

...Вы сами понимаете, что вся эта история промелькнула в моем мозгу, пока я сидел на заседании Верховного Совета, наверно, в сто раз быстрее, чем я изложил ее на бумаге. Потом я слушал ораторов. Председательствующий объявил:

— Слово предоставляется депутату Одине Абдуллаеву.

На трибуну вышел сын Абдулло.

Он рассказывал о работе школ в Гармском районе, о новых учителях, о девушках, которые, окончив педагогический институт, возвратились в родной кишлак. Потом он критиковал учителей и районных активистов за то, что еще мало девочек в школах и что есть случаи, все еще есть случаи, когда девочек-школьниц забирают из школ и насильно выдают замуж...

Он говорил о трудовом и эстетическом воспитании школьников, критиковал программу и внес много интересных предложений.

Я слушал его, и в моем сердце расцветала роза гордости.

Авторизованный перевод с таджикского А. Одинцова и М. Янч.

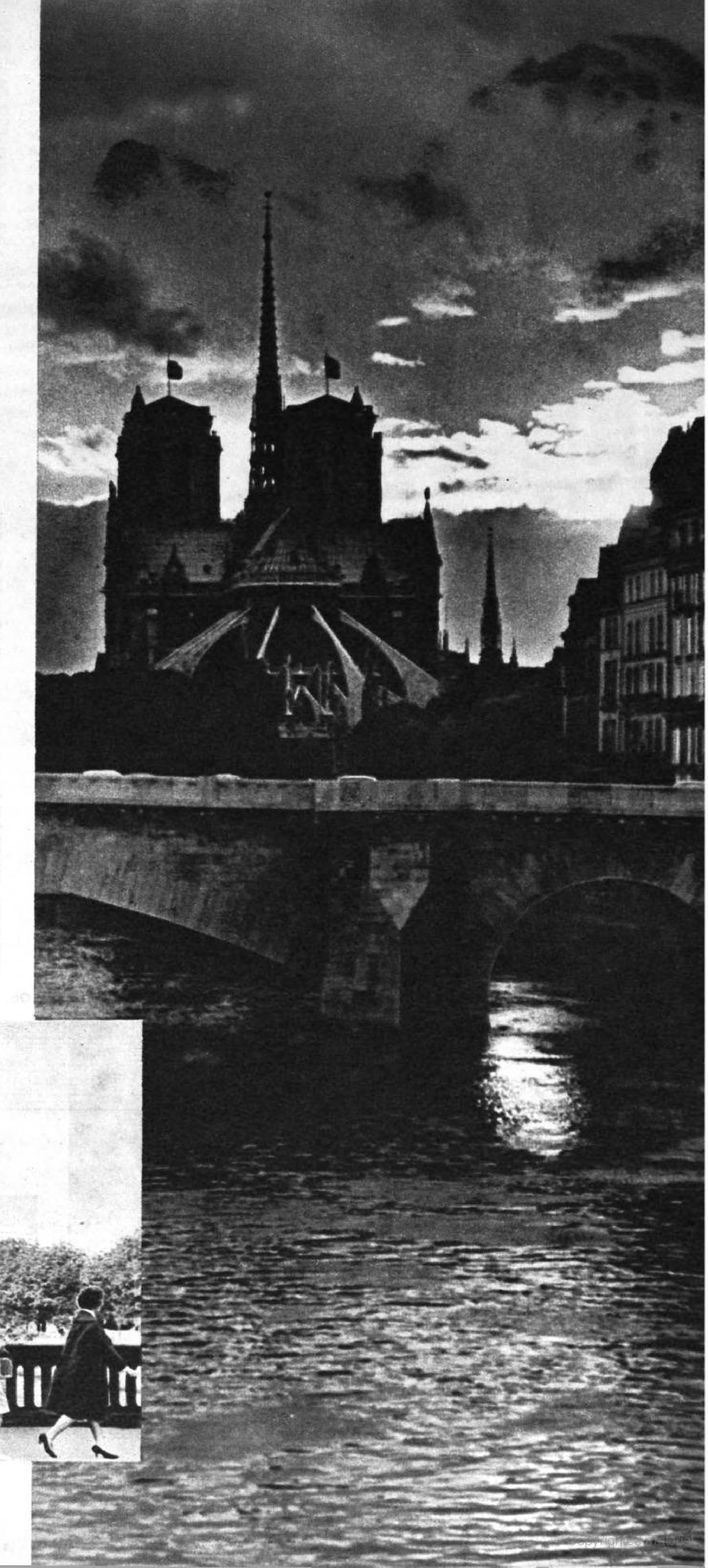
ПАРИЖ и ПАРИЖАНКИ

Фотозарисовки Галины САНЬКО

Осень позолотила парижские бульвары. Свежий ветерок рябит Сену. Утренняя холодная заря над Собором парижской богоматери окрашена в мрачноватые малиновые тона...

Но вот поднялось солнце, разогнало серый туман над рекой, согрело улицы великого города. Быстро нарастает поток машин и трамваев, во все концы города едет на работу трудовой люд, застучали по тротуару каблучки парижанок.

Эти четверо — парижанки-служащие. Они спешат в свои учреждения, министерства или частные конторы. Может быть, одна из

них работает в этом большом круглом здании на берегу Сены, в Доме радио. Здесь служит много женщин.

Две молодые женщины в окне старого дома... В таких домах обычно живут парижские рабочие и их семьи. Дома давно не ремонтировались, стены в трещинах. Здесь можно увидеть белье на подоконнике и клетку с птицей, которая не может жить в комнате: слишком душно. А люди живут десятки лет...

У модниц с собачонками жизнь, конечно, полегче. Им не приходится думать о том, как сэкономить на провизии, чтобы купить сынишке-школьнику пару ботинок. Но и у них есть свои заботы: моды так быстро меняются, а при нынешней дороговизне, чтобы часто менять наряды, нужно уйму денег.

Куда идут эти молоденькие девушки? Очевидно, на первую исповедь. Это для Парижа вещь обычная, как обычны и те увеселительные заведения, мимо которых проходит теперь дорога в церковь.

Вот женщина-художница. Может быть, она очень талантлива. Но Монмартр, где она выставила свою картину, давно уже перестал быть пристанищем подлинного искусства. Здесь на потребу туристов делаются по шаблону одни и те же ходовые картинки.

Вы спросите: а почему здесь мужчины?

Потому, что они собираются выпить за здоровье своих верных жен — настоящих потомственных парижанок, которые так не похожи на «парижанок» с обложек бульварных романов и рекламных щитов кино.

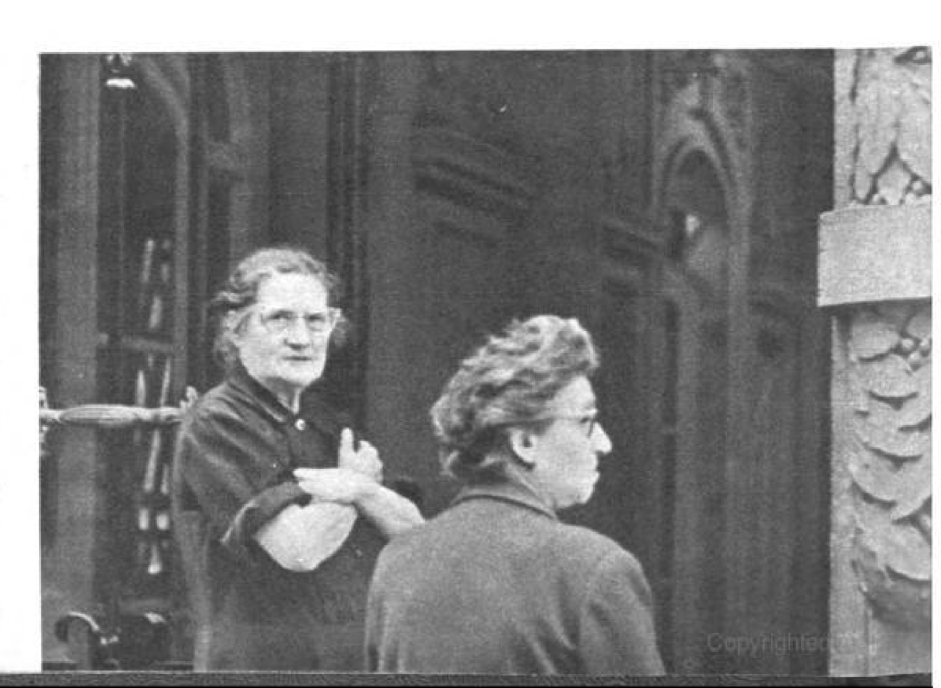

Собачья баня. Здесь собаку помоют, постригут по последней моде, попрыскают духами. Конечно, если у собаки состоятельная хозяйка.

◀ Обсуждаются новости.

К первому причастию.

На Монмартре.

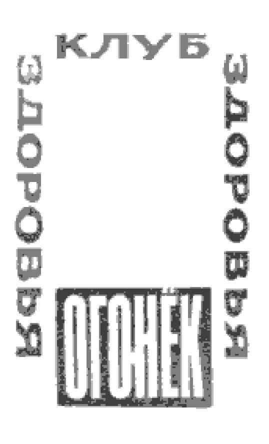

«Пью здоровье моей Марго!»

«НАС ТРОЕ: Я, ТЫ И БОЛЕЗНЬ»

СПРАШИВАЕТЕ! ОТВЕЧАЕМ...

После каждого заседания клуба «Здоровья» «Огонька» в редакцию поступают сотни писем. В них просьбы помочь, что-то разъяснить, дополнить, уточнить. Задаются новые вопросы: расскажите о глаукоме; какая разница между ревматизмом и полиартритом, при каких заболеваниях применяют аллохол?..

И тут мнения врачей-консультантов расходятся. Одни (их большинство!) считают тягу людей к медицинским знаниям полезной: «Легче иметь дело с осведомленным больным: он более надежный сообщник в борьбе за здоровье». Другие возражают: «Не всякие медицинские знания нужны неспециалисту. Сущее горе, когда твой пациент вместо того, чтобы прислушиваться к советам, сам толкает тебя под руку: «пропишите мне то-то». Или: «Не лучше ли, доктор, попробовать этот метод? Я о нем где-то читал». Он читал! А как разъяснить ему, почему новое и подчас действительно эффективное средство именно ему не подходит?..»

Доля истины есть в обоих рассуждениях. И все-таки мы за широкую осведомленность населения обо всем, что укрепляет здоровье. Прав был древний врач, сказавший больному: «Нас трое: я, ты и болезнь; если ты будешь на моей стороне, нам двоим будет легче одолеть ее одну».

Правление нашего клуба «Здоровья» решило время от времени публиковать ответы на вопросы, интересующие большие группы читателей, с тем, однако, непременным условием, чтобы эти ответы не подменяли советов лечащего врача, не способствовали самолечению.

* * *

— Многие распространенные в прошлом лекарства теперь отпускаются по рецепту врача. Значит, в них есть что-то вредное? Как же можно было выпускать в продажу не до конца исследованные средства, ряд отрицательных свойств которых обнаруживается лишь в процессе их применения? Например, некоторые сульфидиновые препараты имели широкое хождение и вдруг оказались вредными. Неужели нельзя избежать этих ошибок? (Ф. И. Кузьмич, кандидат технических наук, Новочеркасск, Ростовской области).

Рассказывает действительный член Академии медицинских наук И. А. Кассирский.

— Прежде всего о якобы вредном действии отдельных медикаментов. Это — чистейшее заблуждение! Практически все лекарства, отпускаемые в аптеках, безопасны, при одном, понятно, обязательном условии: соблюдении правильных доз и определенного, указанного врачом курса лечения. Еще Парацельс, крупнейший врач и химик эпохи Возрождения, названный А. И. Герценом «первым профессором химии от сотворения мира», заметил: «Знаете ли вы, что есть яд? Всё есть яд, ничто не лишено ядовитости, и все — лекарства. Одна только доза делает вещество ядом или лекарством». Возьмите строфант — в малых дозах он является мощнейшим средством против сердечной недостаточности, а в большой дозе может остановить сердце.

Однако мало знать только дозу: нельзя забывать еще и о том, что некоторые медикаменты обладают свойством кумуляции — накапливают свое действие. Например, при длительном применении даже такого безобидного средства, как бром, развивается побочное действие: возникает насморк, сыпь на коже, слабеет память.

Все лекарства можно в самой общей форме разделить на две группы: назначение одной — регулировать работу нервной, сердечно-сосудистой, эндокринной, кровотворной и иных систем организма; такие медикаменты прописывают обычно в малых и средних дозах. Задача другой группы — химиопрепаратов и антибиотиков — подавлять или даже уничтожать в организме больного вредящие ему бактерии. Тут уж нужны достаточно большие дозы. Правда, они способны повести к некоторым побочным явлениям, однако врачи их точно знают, и, как правило, они не опасны. Всем известно такое испытанное лекарство, как стрептомицин. А врачам приходится порой отказываться от него, и лишь потому, что у отдельных больных резко ухудшается самочувствие, появляются сильные головокружения, вдруг ослабляется слух.

Словом, лекарства — оружие обоюдоострое, и лучше не вкладывать его в неопытные руки. В медицине существует даже специальный термин — лекарственная болезнь. Возникает она из-за неумелого, неправильного, часто самовольного применения медикаментов. Нельзя с этим не считаться! Кроме того, организм некоторых людей обладает повышенной индивидуальной чувствительностью к тому или иному препарату. Мне пришлось лечить женщину лет сорока, у которой после приема пирамидона — того самого, что многие из нас принимают при головной боли,— развилось острое поражение крови. В клинике удалось восстановить ее здоровье. Но стоило этой женщине через три года опять принять несколько порошков пирамидона, и заболевание возобновилось, к тому же в более тяжелой форме.

Есть еще одно соображение, заставившее ввести известные ограничения при отпуске лекарств. В последние годы врачи стали замечать, что некоторые эффективные в прошлом препараты, например, сульфаниламиды, пенициллин и другие, «вдруг» перестали оказывать должное лечебное действие. Выяснилось, что из-за массового и неумелого применения этих средств самим населением микробы «привыкли» к ним и постепенно появились целые поколения сульфидино- и пенициллиноустойчивых микробов.

Как видите,— говорит в заключение профессор И. А. Кассирский,— дело не в том, что в аптеках раньше продавались какие-то «не до конца исследованные средства», а в рачительном, основанном на медицинской науке и практике подходе к применению тех лекарств, которые помогают беречь и укреплять здоровье.

* * *

— Семья моя состоит из четырех человек: муж, я и двое детей. Из четырех трое больны ревматизмом. Чем могло быть вызвано такое семейное заболевание ревматизмом? (Таисия О., Рига).

Рассказывает действительный член Академии медицинских наук СССР профессор А. И. Нестеров.

— В народе под ревматизмом разумеют порой самые различные болезни, объединенные лишь общностью внешних симптомов — болями в суставах, мышцах и костях. На самом же деле ревматизм — это прежде всего сердечное заболевание, оно лишь «лижет суставы, а кусает сердце». Свыше 70 процентов всех пороков сердца имеют ревматическое происхождение.

Бытует также мнение, будто ревматизм поражает преимущественно людей немолодых. Это неверно. Лишь 19 процентов страдающих ревматизмом заболевают на четвертом десятке, большинство же — в 5—19 лет. Мировая статистика свидетельствует: до 2 процентов детей школьного возраста имеют ревматические поражения сердца.

Главным виновником этой болезни является стрептококковая инфекция, которая обычно встречается в виде острых ангин или часто обостряющихся воспалений глоточных миндалин (хронический тонзиллит). От 1 до 3 процентов людей, перенесших ангину, заболевают затем ревматизмом.

В результате многовекового «сосуществования» со стрептококком человеческий организм выработал к нему невосприимчивость, и поэтому большинство не болеет ни ангинами, ни ревматизмом. Но у какой-то части взрослого населения и у детей прочных защитных механизмов не вырабатывается.

По наследству ревматизм не передается, однако в семьях, где есть страдающие этим недугом, дети заболевают в 3—4 раза чаще. Видимо, сопротивляемость у них явно понижена, возможно, что имеют значение одинаковые бытовые условия. Все это целиком относится и к семье, о которой говорится в письме из Риги.

Следует еще добавить, что относительно чаще болеют ревматизмом люди, физически ослабленные, склонные к простуде. Стоит такому очутиться на сквозняке, промочить ноги, озябнуть, перегреться, вспотеть, как появляется насморк, кашель, повышается температура. Тут один шаг до вспышки ревматизма, особенно если у человека испорченные зубы или он перенес в прошлом скарлатину, грипп, воспаление небных миндалин.

Всегда ли ревматизм ведет к поражению сердца? Нет. Если в первые же дни начать энергичное лечение и пройти полный его курс, то можно надеяться на благополучное окончание атаки — без поражения сердца.

Почувствовав себя немного лучше, больные, особенно дети, обычно начинают тяготиться постельным режимом. Следует помнить, что одна из основных особенностей ревматизма — склонность к обострению. Даже когда стихли острые явления, это еще не значит, что процесс закончился. Часто он медленно и незаметно продолжает развиваться, не давая до поры до времени о себе знать. Если в это время допустить излишнюю нагрузку, простуду, снова заболеть ангиной, то возникнет новая атака ревматизма. А каждая следующая атака еще более ухудшает состояние сердца.

Несмотря на наличие ряда действенных лекарств (таких, как пирамидон и бутадион в сочетании с преднизоном, преднизолоном, дексаметазоном и др.), главным нашим оружием против ревматизма остаются профилактические меры. Поэтому больше свежего воздуха в квартирах, школах, на производстве! С самого раннего детства — гимнастика, влажные обтирания, прогулки, физкультура, полноценное питание. Важно также всячески остерегаться контакта с больными ангиной, гриппом, насморком; тут обычно и скрывается стрептококковая инфекция. При возникновении ангины или обострении хронического тонзиллита — энергичное лечение пенициллином.

М. Лермонтов. ЭЛЬБРУС. ВИД С БЕРМАМЫТА. **Пушкинский Дом. Ленинград.**

СЦЕНА ИЗ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ. **Государственный литературный музей. Москва.**

М. Лермонтов. КАВКАЗСКИЙ ВИД ВОЗЛЕ СЕЛА СИОНИ. Музей-усадьба Тарханы — Лермонтово.

ПЯТИГОРСК. Государственный литературный музей. Москва.

Родные все места

В музее-усадьбе Лермонтово под Пензой, где поэт провел детские и юношеские годы, открыта новая экспозиция.

На втором этаже в мезонине собраны подлинные рисунки поэта. Тут же можно видеть шкатулку и трубку Лермонтова, нарядные носовые платки матери и бабушки поэта. В кабинете на большом письменном столе лежит альбом, подаренный музею И. Андрониковым, с карандашным рисунком поэта и рисунком Шан-Гирея. На стенах портреты любимых писателей Лермонтова — Пушкина и Байрона.

В нижних залах собраны старинные гравюры и литографии, запечатлевшие время, когда жил Лермонтов.

В специальном разделе — «Лермонтов и наша современность» — собраны материалы о воплощении произведений поэта на сцене советских театров, в музыке, киноискусстве. Здесь иллюстрации Д. Шмаринова, В. Бехтеева и Л. Файнберга к «Герою нашего времени», а также произведения пензенских художников на лермонтовскую тему.

В предъюбилейные дни в Пензенской области прошла VII межвузовская лермонтовская научная конференция, в которой участвовали ученые-лермонтоведы Москвы, Ленинграда, Ставрополя, Орджоникидзе и других городов, биографы, краеведы, архивисты.

Концерты лермонтовского музыкального фестиваля проходят в областном театре и в колхозных клубах. В Доме культуры колхоза имени Кирова симфонический оркестр Горьковской филармонии исполнял сюиту из музыки А. Хачатуряна к драме «Маскарад».

Редактор газеты «Пензенская правда» Н. ГРАЧЕВ.

Пенза.

Здесь покоится прах М. Ю. Лермонтова.
Фото Н. Павлова.

«ОГОНЕК» РАССКАЗЫВАЕТ О НЕИЗВЕСТНЫХ ГЕРОЯХ

Дорогой «Огонек»!
Мне известно, что воспитанник Ленинградского пединститута комсомолец Михаил Кутенев отважно сражался на фронте. Его многие знали у нас как обаятельнейшего человека и прекрасного товарища. Если можно, расскажите о его дальнейшей судьбе.
Научный сотрудник Академии педагогических наук РСФСР Зинаида Истомина

Михаил Кутенев.

Он погиб в атаке

Ник. НИКОЛЬСКИЙ,
Герой Советского Союза

Было около пяти утра. На столе нещадно чадила коптилка из гильзы. Вместе с домом она дрожала: в деревне рвались тяжелые мины. Ко мне подошел политрук Михаил Кутенев.

— Разрешите идти? — спросил он, как всегда ясно отчеканивая каждое слово. Бледное лицо его было заспанно, веки опухли, но большие светло-голубые глаза смотрели бодро.

...Свыше двух недель наша бригада шла с боями по тылам 16-й германской армии. На двести километров мы вырвались вперед. Ни один фашистский гарнизон не выдержал ночного натиска моряков, и вот в районе Таракановки, что южнее города Холм, на подготовленном оборонительном рубеже врагу удалось остановить наше наступление.

Как и прежде, в эти дни политрук Михаил Кутенев — всегда на передовой, всегда среди бойцов, среди комсомольцев. Вот и сегодня после короткой встречи с секретарями комсомольских бюро он пойдет в батальон моряков, наступающих на головном направлении. Пожимая сильную руку политрука, я напомнил: «Не горячиться...» «Понимаю, понимаю!» И политрук быстро скрылся в темноте.

В тесную полуразрушенную землянку протиснулся комиссар отдельного батальона моряков Колдов. Шинель на нем была сильно помята и выпачкана грязью. Осунувшееся лицо потемнело. Он с трудом держался на ногах.

— Де-ла, товарищ батальонный комиссар,— както странно прошептал старший политрук,— все наши атаки отбиты. Три раза сам ходил. Два наших взвода окружены в деревне, ведут неравный бой. Фашисты наседают. А мы лежим...

И Колдов, махнув рукой, не сел, а повалился на ящик из-под патронов.

Бригада третий день вела бой. Моряки потеряли многих командиров. Комбриг приказал, когда кончится огневой налет, вновь атаковать врага и взять Таракановку во что бы то ни стало!

На КП батальона в это время находился помощник начальника политотдела по комсомольской работе политрук Михаил Кутенев. Он попросил командира батальона разрешить ему возглавить одну из рот. Комбат согласился. В это время и прибыл Колдов.

Вскоре комбат, Колдов и Кутенев направились в боевые порядки. Шли быстро. Хотели еще до артиллерийского огня прийти в роты и возглавить их. В небольшой лощине задержались, крепко пожали друг другу руки и поползли: комбат — во вторую роту, находившуюся в центре, Колдов — в третью, Миша Кутенев — в первую.

Не успел Кутенев преодолеть и полусотни шагов, как его догнал секретарь комсомольской организации батальона.

— С вами буду!

— Почему бегаешь в рост? Пулю схватить захотел? — И Кутенев строго посмотрел на вспотевшее лицо старшины второй статьи Минаева.

— А как же догонишь вас?

...Кутенев приметил Минаева еще при формировании бригады. Парень ему понравился. И когда был убит секретарь комсомольского бюро батальона, Кутенев рекомендовал назначить на эту должность старшину второй статьи.

В роту они приползли в тот момент, когда первые залпы наших орудий потрясли землю. По редкой цепи полетело распоряжение: «Я, политрук Кутенев, назначен ротным командиром. Слушай мою команду!..»

И теперь уже солдаты прислушиваются к громкому голосу политрука:

— Через пять минут начнем движение. Приближаемся вплотную к разрывам своих снарядов. Перенос огня — сигнал к атаке. Комбриг приказал деревню взять во что бы то ни стало. Помните, наши там!

И, оказавшись в середине цепи, скомандовав «Вперед!», сам первым устремился к деревне. Полз он ловко, быстро. А впереди, метрах в трехстах от него, бушевал огненный смерч. Снаряды нашей артиллерии кромсали траншею врага. Густые клубы черного дыма, перемешанного с землей и пылью, скрывали от противника близкие роты моряков.

— Быстрее, быстрее!

Грохот разрывов нарастает. Кутенев теперь уже не кричит, а только резким взмахом автомата зовет вперед.

— Товарищ политрук, огонь перенесли!

— Вижу!

И молниеносно рванулся вперед. А за ним и вся рота. Теперь наши снаряды высоко поднимали землю над второй траншеей фашистов.

Политрук оглянулся. Многие моряки уже обогнали его. Это обрадовало Кутенева. Окраинные хаты Таракановки быстро вырастали перед ним. Еще секунда, и он открыл огонь из автомата. Его примеру последовали моряки.

— Нажмем, товарищи, и мы в деревне!.. Огонь!

...Рослый, атлетически сложенный, Михаил Кутенев бежал по глубокому снегу. Минаев с трудом поспевал за ним. Вдруг автомат комсомольского вожака умолк. Минаев бросился к политруку, опустился на колени.

— Ранены?..

— Да, в кисть.

Лицо его исказилось от боли. Он быстро осмотрелся и молча показал на автомат. Минаев подал. Политрук прижал приклад к животу и поводил стволом. Получилось. Попытался правой рукой отвести затвор — не смог.

— За спину! — И Михаил указал глазами на кобуру. Минаев молниеносно перебросил автомат через плечо Кутенева, достал пистолет и вложил его в левую руку политрука.— Где рота?

— Залегла.

— У самой деревни?! Обидно! — И, поддерживая раненую руку, побежал вперед.

Минаев ни на шаг не отставал от Кутенева. Всего метров пятьдесят отделяли их от залегших моряков. Но тут рядом с ними снова разорвалась мина. Минаева взрывной волной сбило с ног. Он смутно слышал, как к нему нагнулся политрук, о чем-то спрашивал, пытался приподнять его.

— Тебе сейчас помогут. Я побежал в роту. Надо немедленно поднять людей!

И в порванной, окровавленной шинели, с перебитой рукой прибежал в цепь моряков.

— Товарищ политрук, вы ранены? Я зараз вам руку перевяжу!

— Никакой перевязки! — Кутенев опустился на колени и резко спросил приникших к земле бойцов: — Сколько лежать будем?!

— Головы поднять нельзя, товарищ политрук!

— Выходит, своих в деревне бросим, а сами лежать будем и ждать, пока шлепнут? — Опираясь на левую руку, он неловко приподнялся и уже не сказал, а прокричал: — Мы их ждать не будем! Рота, вперед! За мной! У-ра!

Первая рота поднялась. Впереди всех — политрук.

Правая его рука была приподнята и немного вытянута вперед. В левой зажат пистолет. Из-под сбитой на затылок шапки выбивались волосы. По щекам струйками бежал пот. Таким запомнился Михаил Кутенев морякам. Еще шаг, еще — и тут он словно на что-то наткнулся и повалился в снег...

Он погиб в атаке, комсомольский вожак бригады моряков, питомец Ленинградского педагогического института. Вечно будет жить память об отважном сыне Родины, не дрогнувшем в минуту смертельной схватки.

Начало — на 3-й странице

ровали статистические данные за полвека, прежде чем избрать для Олимпийских игр акибарэ — бабье лето. Но даже и в эти дни сухой осени возможны традиционные дожди, а влажность воздуха останется неизменной — 80 процентов.

Как можно лучше акклиматизироваться — такова самая важная предстартовая задача для всех иностранных спортсменов. И здесь уже выступают на сцену не метеорологи, а врачи.

В связи с проблемой акклиматизации нам вспомнилась беседа с директором Центрального научно-исследовательского института физкультуры профессором А. Г. Коробковым. Он рассказал нам, что команда советских легкоатлетов вернулась из Лос-Анжелоса отравленная смогом — туманом, пропитанным угольным дымом и парами нефти. В крови у абсолютно здоровых, отлично подготовленных атлетов резко снизилось количество гемоглобина, появился ряд тревожных симптомов, говорящих об отравлении углекислым газом. Так лос-анжелосский климат внес свои серьезные коррективы в результаты легкоатлетического матча. Для того чтобы на Национальном стадионе в Токио не повторились просчеты, допущенные в Лос-Анжелосе на стадионе «Колизеум», советские легкоатлеты (впрочем, как и представители многих других видов спорта) постарались прибыть в Японию за две недели до открытия олимпиады.

Надо отдать должное хозяевам Олимпийских игр: они делают все, чтобы облегчить акклиматизацию. Так, из беседы с членом подготовительного олимпийского комитета Японии господином Хидэкадзу Янагида мы узнали, что советским спортсменам предоставлена загородная спортивная база для тренировок, расположенная в 120 километрах от Токио.

Итак, мы познакомились с работой организаторов, строителей, метеорологов, врачей, поваров, но среди тех, кто стоит за кулисами олимпийских стадионов, первое место, несомненно, будет принадлежать тренерам. Много сил и изобретательности потребовала от них подготовка к токийским стартам.

Стратегия и психология

Для тренеров прощание с Римом сразу же обернулось знакомством с Токио. Каждый из них тут же приступил к разработке своей стратегии для подготовки подопечных атлетов к новой олимпиаде. Для иллюстрации этой мысли стоит вспомнить о той битве стратегических идей, которая развернулась между старшими тренерами двух легкоатлетических команд — СССР и США — Гавриилом Коробковым и Робертом Гигенгаком.

Спор этот привлек внимание журналистов, да и сами оппоненты высказали открыто свои соображения: Коробков — на страницах американского журнала «Лайф», а Гигенгак — на страницах советского журнала «Огонек».

В то время как американские легкоатлеты были уже на боевом взводе к началу лета, а многие из них и к весне, советские спортсмены тренировались так, чтобы войти в полную форму лишь к началу японского бабьего лета — к середине октября.

Теперь спор двух тренеров будет решаться на арене Национального стадиона в парке Мэйдзи. Американцы хотят в Токио закрепить свою победу, одержанную в Лос-Анжелосе, а спортсмены СССР намерены доказать, что их успехи в Риме, на Олимпийских играх, и в Москве, на матче СССР — США, прошлым летом отнюдь не случайны.

Этот спор сильнейших легкоатлетов мира будет, конечно же, стоять в центре XVIII Олимпийских игр, но не менее острый характер примет борьба между командами СССР — США и в других видах спорта. Не случайно глава парламентской делегации Японии, посетившей СССР, член подготовительного олимпийского комитета господин Кэндзи Фукунага в беседе с нами сказал:

— Судьба первого и второго мест на Токийской олимпиаде решена еще до ее открытия. СССР и США — два гиганта — будут вести борьбу между собой, а мы подберем все, что они не возьмут. Наша цель — третье место.

Можно легко представить себе всю сложность задачи, стоящей перед японскими тренерами, если вспомнить, что на XVII Олимпийских играх в Риме их команда была лишь седьмой. Для того чтобы завоевать в Токио 15 золотых медалей, как это планируют японцы, придется выдержать исключительно напряженную борьбу, и здесь мало будет физических сил, потребуются и все духовные силы без остатка.

Воспитанию характера, воли тренеры Японии придают огромное значение, а чего они достигают, мы уже видели, наблюдая выступление японских волейболисток на чемпионате мира в Москве. Эту команду, проявившую чудеса выдержки и настойчивости, готовил господин Даймацу, которого в Японии называют безжалостным тренером. Сейчас Даймацу заявил:

— Мы думаем только о команде СССР и готовимся к матчу с ней.

Внимательно следит за успехами советских спортсменов и тренер японских пловцов господин Такаиси. Он не скрывает своей тревоги, вызванной успехом наших брассистов Г. Прокопенко и Г. Прозуменщиковой. Озабочен даже тренер дзюдоистов господин Мацумото. Казалось, что тут тревожиться японцам? Но их очень волнует проблема Степанова — Геезинка. Степанов — советский борец в легком весе, Геезинка — голландский тяжеловес.

Мы, конечно, не знаем всех секретов подготовки японских гимнастов, которые, как и дзюдоисты, являются главной надеждой олимпийской Японии. Но сами тренеры японских гимнастов немало сделали, чтобы весь мир уверовал в их силы. Еще за год до олимпиады они заявили, что их питомцы блестяще освоили «ультра-си» — гимнастические элементы невиданной трудности. Они заявили недавно, что главными соперниками премьера японских гимнастов Эндо считают двух молодых советских гимнастов Цапенко и Лисицкого. Какие цели преследуют эти тренеры, сбрасывая со счетов чемпиона XVII Олимпийских игр Бориса Шахлина, судить не нам, но ясно только одно: в своих стратегических планах японцы немалое значение придают психологическому давлению.

И Бусидо не в помощь

Еще в Риме Борис Шахлин рассказывал нам о том психологическом давлении, которое предпринял против него Такаси Оно, тогдашний лидер японской команды гимнастов. Оно, видимо, взял на вооружение феодальный нравственный кодекс Японии — Бусидо, по которому считается неприличным выражать при посторонних сильную радость, печаль или страх. Он был поистине невозмутим на всех этапах борьбы у снарядов, и Шахлин не раз ловил на себе его сосредоточенный, немигающий взгляд...

Как же важно умение сохранять самообладание и до и после старта! Ведь волнение, нервозность могут привести к тому, что спортсмен, даже отлично подготовленный физически, может проиграть, еще не начав соревнования. А как трудно сохранять это непоколебимое спокойствие, когда вокруг кипят страсти, звучат имена первых победителей, и журналисты, сметая все на своем пути, атакуют тебя, требуя ответов на все вопросы. В такой обстановке и древний нравственный кодекс Бусидо не поможет!

В особенно трудном положении в Токио окажутся, конечно, те участники олимпиады, которым предстоит выступать в середине или в конце программы.

Нелегко придется в Токио, например, Юрию Власову. Сколько раз он увидит себя у штанги в своем воображении, прежде чем подойдет к ней наяву? Об этом мы решили спросить самого Юрия Власова, и вот что он нам ответил:

— Вы затронули очень важный вопрос. Я действительно начинаю борьбу только 18 октября, в 16 часов по токийскому времени. Но мне не раз померещится мой поединок с сильнейшими атлетами мира. Придется выдержать давление олимпийского Токио, а оно будет значительно более веским, чем 580 килограммов — результат моего последнего мирового достижения.

— Но, может быть, учитывая все это, вам не стоило заранее раскрывать свои силы на соревнованиях в Подольске? Ведь ваши новые мировые рекорды привлекли к себе всеобщее внимание, и спокойная жизнь в Токио после этого, конечно, исключается.

— Да, я учитывал эффект моего последнего выступления и представлял себе, что оно повлечет при удаче. Но это не могло меня остановить. Очень важно было перед отъездом в Токио проверить свои силы и первым нанести удар своим грозным соперникам.

— Какая сумма килограммов, по вашему мнению, принесет победу?

— Думаю, что тот штангист, который поднимет в сумме трех движений 575 килограммов, и получит золотую медаль.

Мы пожелали Юрию Власову осуществления всех его планов и надежд и поблагодарили за интересное интервью.

— До новой встречи в зале Сибуйя 18 октября,— сказал нам на прощание Юрий Власов.

На токийской земле

С нашими штангистами мы встретились в первый же день пребывания в Токио. Но не в пустынном еще зале Сибуйя, а в другом, предназначенном для тренировок. Он был похож на обычный заводской цех: предельно простой по конструкции, собранный из стальных ферм. И он грохотал, гремел, звенел этот зал, словно действительно был цехом, словно под его крышей работали мощные кузнечные молоты.

Тренировки шли на двенадцати помостах. И на самом дальнем из них, в конце зала, мы увидели Власова. Раз за разом брался он за штангу и с каждым подходом на ее гриф нанизывалось все больше чугунных дисков. А в стороне, не сводя глаз с Юрия, стоял черноволосый молодой атлет.

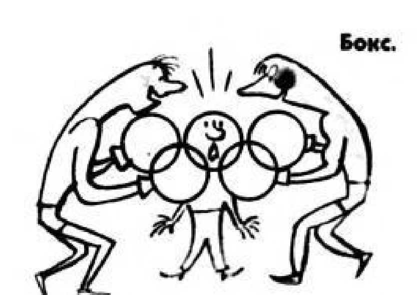
— Вы знаете, кто это? — спросил нас Аркадий Никитович Воробьев, старший тренер нашей тяжелоатлетической команды.— Это американский новобранец Гарри Губнер. Слышали о нем?

Да, мы слышали об этом способном легкоатлете. Раньше он был толкателем ядра, позже стал известен спортивному миру как штангист. Но никто не предполагал, что Губнер войдет в команду американских тяжелоатлетов. Как же это случилось? Гарри рассказывает нам об этом сам. Он не попал в команду легкоатлетов, показав всего лишь пятый результат. Но зато на тяжелоатлетическом помосте набрал в сумме троеборья 520 килограммов, оказавшись вторым по силе штангистом США в тяжелом весе. А так как не в традициях американцев выставлять в тяжелом весе всего одного спортсмена, ибо престиж есть престиж, то Гарри составил компанию самому Шеманскому.

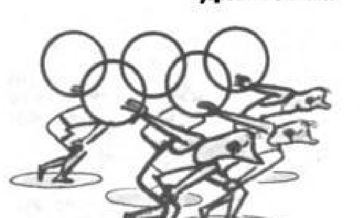
Шеманский, несмотря на свои

Рисунки Вл. ГАЛЬБЫ

Упражнение на кольцах.

Бокс.

Дискоболы.

Велогонки.

Олимпийский стадион перед открытием. Сметаются последние соринки.

37 лет, по-прежнему в отличной форме. На прошлогоднем первенстве мира в Стокгольме он проиграл только Власову и после этого, как свидетельствуют его результаты, стал еще сильнее. Не рассчитывают ли американцы на его победу здесь, в Токио?

С этим вопросом мы обратились к Бобу Гофману — шефу команды штангистов США. Он ответил нам: «С Власовым вряд ли кто сможет тягаться». По мнению Гофмана, олимпийский чемпион готов к тому, чтобы осуществить казавшуюся фантастической мечту тяжеловесов: набрать в сумме троеборья 600 килограммов. Что же касается Жаботинского и Шеманского, то они будут бороться за второе место. Правда, на сей раз эта борьба закончится в пользу советского спортсмена.

— На сколько же золотых медалей рассчитывают американские штангисты? — спросили мы Гофмана.

— В Риме мы рассчитывали на пять — и не получили ни одной. А теперь, хотя и подготовлены лучше, были бы рады увезти домой хотя бы один золотой трофей.

Да, времена меняются. И не только в тяжелой атлетике. Но и в гимнастике — виде спорта, где японцы полны решимости потеснить наших гимнастов на пьедестале почета. Приземлившись на Токийском аэродроме, ваши корреспонденты сразу же столкнулись с «проблемой гимнастики». Мы летели вместе с замечательными советскими гимнастами и еще перед посадкой успели заметить огромное скопление встречающих. Это были японские журналисты, которые после нашего приземления кинулись к Латыниной и Шахлину, забросав их десятками вопросов. Долго длилась эта импровизированная пресс-конференция в самолетном ангаре, сразу показавшая поистине колоссальный интерес, который проявляют японцы к гимнастике.

Но, несмотря на оказанные советским спортсменам почести, Токийское телевидение называет вероятным победителем Олимпиады не Шахлина, а Эндо; своей же соотечественнице Икеда пророчит второе место после чехословацкой гимнастки Чеславской.

Чтобы узнать, насколько точны прогнозы Боба Гофмана и японского телевидения, нам нужно дождаться в одном случае восемнадцатого октября, в другом — двадцать третьего. В тот день, когда завершат борьбу штангисты, выйдут к снарядам гимнасты.

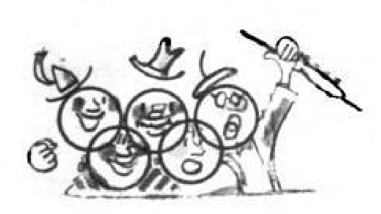
Несколько слов об олимпийской программе. Она составлена исключительно гармонично, это поистине музыкальная партитура для «хора» в 6 тысяч человек. Ее кульминацией будут старты легкоатлетов, а финалом — выступления гимнастов, волейболистов и дзюдоистов — это главные козыри хозяев Олимпиады. И почти во всех этих видах спорта основными соперниками японцев должны стать советские спортсмены.

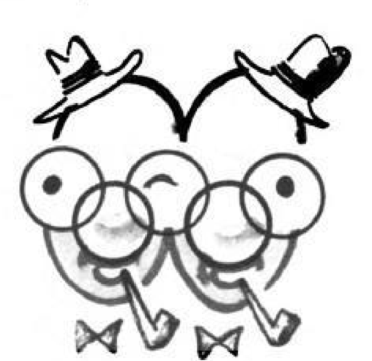
Вся атмосфера Олимпийских игр располагает к дружбе. Не случайно встреча советских спортсменов с японскими прошла исключительно радушно. За несколько дней, прожитых нами на токийской земле, мы уже не раз убеждались в том, что столь знакомые нам по литературе японская вежливость, приветливость — это поистине черты национального характера. И, может быть, поэтому известная нам по летним и зимним олимпиадам атмосфера дружбы здесь, в Токио, ощущается особенно полно.

Нежное, ясное, солнечное «бабье лето» стоит сейчас над Токио, над его парками, улицами и стадионами, над его новым «Девятнадцатым районом»—Олимпийской деревней. Японская столица накануне торжественного открытия XVIII Олимпийских игр.

Москва — Токио.

Спортивные обозреватели.

Болельщики.

ДОМА и ВЫБОРЫ

ПЭТ СЛОУН,
английский журналист

Англия накануне выборов.

Естественно, что одним из главных вопросов на этих выборах будет сохранение мира на земле, предотвращение войны. Английский народ не хочет повторения военных катастроф.

Но не менее важную роль в тот день, когда англичане пойдут к избирательным урнам, сыграют внутренние проблемы, вопросы социального прогресса, в том числе одна из главных проблем — жилищная.

Еще в 1960 году в докладе, изданном правительством консерваторов, указывалось, что только для замены старых, приходящих в негодность домов надо строить в год 167 тысяч новых зданий. Но масштабы нового строительства не доходили до этого уровня. В 1962 году, например, было построено всего 128 577 домов. Таким образом, сейчас Англия не может предложить своим жителям даже необходимое.

...Восьмидесятисемилетней жительнице Лондона Мэри Смит заявили, чтобы она убиралась из квартиры, в которой прожила пятьдесят лет. Дело в суде возбудил домовладелец Макгрейт. После выселения миссис Смит он намеревался поменять мебель, немного подновить квартиру и вновь сдать ее, но уже за гораздо более высокую плату, за которую миссис Смит никогда не смогла бы снимать это помещение.

Закон был на стороне домовладельца. Мягкосердечный судья сделал все, что мог: он предоставил миссис Смит самый большой срок, допускаемый законодательством для выселения,— шесть недель.

В другом районе Лондона — в Бетнал Грин—расположены большие кварталы жилых домов, принадлежащих частной компании «Гринкоат Пропертис лимитед». Вице-президент этой компании — господин Р. О. Армстронг-Джонс, сын которого женился на принцессе Маргарет и получил титул лорда Сноудена. Это старые дома, построенные около ста лет назад. Однажды компания повысила плату за квартиру. Пятьсот жильцов устроили демонстрацию протеста.

Негодование жильцов было вполне естественно. Они прочитали в газетах, что на переделку частной резиденции лорда Сноудена была затрачена такая сумма, на которую можно было бы построить несколько десятков квартир. И в то же время жильцов Бетнал Грин заставили платить втридорога за их убогие жилища.

Английские законы стоят сейчас на стороне домовладельцев. После второй мировой войны квартиросъемщики пользовались защитой закона. Домовладельцы не могли поднять плату за квартиру или выселить жильцов по своему желанию. Но в 1957 году эти ограничения были отменены. И теперь хозяин дома может по собственному усмотрению сделать и то и другое.

Люди, остающиеся без крова, вынуждены искать себе убежище в таких местах, как Ньюингтон-Лодж. Ньюингтон-Лодж — это ночлежный дом. Об условиях жизни в нем газета «Обсервер» писала, что там в одной комнате порой помещается до трех семей. Автор статьи в «Обсервер» не ограничился посещением одного лишь Ньюингтон-Лоджа, он побывал и в других подобных домах в районе Большого Лондона, где нашел скопище бездомных семей.

В течение многих лет буржуазная пресса иронизировала над тем, что в представлении советских людей Англия остается такой же, как во времена Диккенса. Однако, если бы Диккенс столкнулся сейчас с условиями жизни, описанными в «Обсервере», очень многое оказалось бы для него весьма знакомым.

В прошлом году Экономическая комиссия ООН для Европы привела цифры о размерах жилищного строительства в различных странах из расчета на душу населения. СССР стоит в этом списке на первом месте. Англия — на пятнадцатом.

У Англии есть единственный способ решить жилищную проблему: строить больше домов, прежде всего для рабочих семей. Коммунистическая партия Англии требует, чтобы ежегодно строилось достаточно новых домов. Лейбористская партия тоже обещает увеличить строительство. И коммунисты и лейбористы требуют, чтобы был отменен принятый консерваторами закон 1957 года, возвративший домовладельцам свободу эксплуатации жильцов. В предвыборный период даже консерваторы дают демагогические обещания, которые, однако, звучат весьма пусто, учитывая их прошлую поддержку домовладельцев.

После посещения Советского Союза член парламента лейборист Фрэнк Аллен выступил по Би-Би-Си с рассказом о жилищном строительстве в СССР. Он отметил, что по уровню строительства Советский Союз вдвое превосходит Англию, что жилищная проблема в России «решается быстрее, чем у нас», и заявил также, что «владение землей государством» имеет решающее значение. Он обнаружил также, что в СССР «квартирная плата, по нашим масштабам, чрезвычайно низка».

Ни одна из двух ведущих партий на выборах не ставит, не выдвигает программу национализации земли, поэтому то преимущество, которым располагает СССР, для нас недостижимо.

Следует заметить, что для широкого развертывания жилищного строительства нужно пересмотреть политику «верности НАТО», то есть сократить гонку вооружений.

А главное, нужны социальные перемены, чтобы Англия могла по-настоящему решить жилищную проблему.

Цветы осеннего города

Инеса Юрьян преподносит цветы генералу Бранткалну. Сзади — генерал Дамберг. Фото 1944 года.

Память человеческая устроена так, что особенно живо помнишь хорошее, радостное. Ясно представляется мне тринадцатое октября 1944 года. Войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов освободили столицу Советской Латвии. Я — тогда военный корреспондент журнала «Фронтовая иллюстрация» — видела, как шли по улицам города усталые бойцы. А на тротуарах — толпы рижан. И в руках у всех букеты. Откуда взялось столько цветов в осеннем городе?

В тот день я видела много трогательных сцен. Вот бредут по улице неверными шагами люди в полосатых куртках. Это узники фашистских застенков. Их только что освободили, и к ним бегут со всех сторон знакомые и незнакомые...

На одной из улиц мое внимание привлекла девочка с пышным букетом. Неподалеку от нее стоял красивый, статный генерал — Детлав Карлович Бранткалн, командир 130-го Латышского стрелкового корпуса. Мать девочки что-то шептала ей, подталкивая к генералу. Но девочка робела, стеснялась. Я уж сама хотела подвести ее. Думаю: будет отличный кадр! Но тут девчушка набралась храбрости, подбежала к офицерам и вручила Детлаву Карловичу свой букет. Я быстро щелкнула затвором фотоаппарата. Этот снимок был опубликован в журнале «Фронтовая иллюстрация».

В канун 20-й годовщины освобождения Риги редакция «Огонька» поручила мне разыскать генерала Бранткална и ту девочку, Инесу Юрьян. Поиски Инесы оказались нелегким занятием: она стала взрослой и сменила фамилию. Помогли мне хорошие люди, жители Риги, которые дорожат каждой строчкой в истории родного города. Меня передавали с рук на руки, ходили со мной из дома в дом по нескончаемым этажам. И наконец дверь нам открыла миловидная молодая женщина. Как ни странно, я сразу узнала ее.

Инеса Юрьевна Думпе осталась такой же застенчивой, какой была Инеса Юрьян. Впрочем, не совсем такой же. О своей работе — она окончила Латвийский университет и стала инженером-электриком — Инеса рассказывает увлеченно, без всякой робости. Прежняя застенчивость сказалась в другом.

— Вы знаете,— говорит Инеса,— я ведь часто встречаю генерала Бранткална, когда он прогуливается с женой по парку. Мне очень хочется подойти к нему, заговорить, напомнить тот день. Но вот как-то не решаюсь.

Что ж, мы помогли ей вновь встретиться с Детлавом Карловичем. Найти Бранткална было куда легче, чем Инесу. Генерал-лейтенанта в отставке, героя освобождения Риги хорошо знают в городе. В эти предъюбилейные дни Детлав Карлович очень занят: куда только не приглашают его выступить с рассказом о тех незабываемых днях!

В осеннем парке встретились генерал Бранткалн, Инеса и генерал-майор в отставке Вальдемар Францевич Дамберг, бывший командир 308-й Латышской стрелковой дивизии. Он был третьим на моем военном снимке.

Инеса и Детлав Карлович обменялись теплым рукопожатием и цветами. Я снова, как тогда, щелкнула затвором аппарата и тихонько удалилась: не стоит мешать беседе земляков. У боевых ветеранов, освободивших прекрасный город, найдется о чем поговорить с представительницей молодой Риги.

Галина САНЬКО

Двадцать лет спустя. Инеса Юрьевна Думпе, Детлав Карлович Бранткалн и Вальдемар Францевич Дамберг встретились в осеннем парке.

Фото автора.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Словно ветер революции ворвался сегодня в торжественную тишину залов Академии художеств, где открыта выставка работ ее президента, народного художника СССР Владимира Александровича Серова.

Из двух сотен созданных В. А. Серовым живописных произведений лучшие, наиболее выразительные и художественно совершенные — воссоздающие события Октябрьской революции историко-революционные картины — художественный документ эпохи «Зимний взят!», «В Смольном», «Ждут сигнала», «Декрет о земле», «Декрет о мире»...

В большинстве произведений этого широкого цикла, начавшегося у В. А. Серова работой «Приезд В. И. Ленина в Петроград в 1917 году», два героя — народ и Ленин, революционные массы и их великий вождь.

О художнике Владимире Серове, его жизненном и творческом пути можно много и долго рассказывать. Но, пожалуй, самым лучшим рассказчиком стала сегодня сама выставка его произведений. Разнообразие представленных жанров — историческая, героически-бытовая, жанровая картина, натюрморт, пейзаж, портрет, циклы иллюстраций к произведениям, бесчисленное множество альбомных зарисовок — богатейшая творческая кладовая мастера — говорит о широте интересов художника.

А в эти дни художник находит время водить экскурсии по своей выставке, споря, перекидываясь остроумной, веселой шуткой, страстно обрушиваясь на оппонентов, то уходя в дорогие ему воспоминания, то возвращаясь к обсуждению проблем сегодняшнего дня.

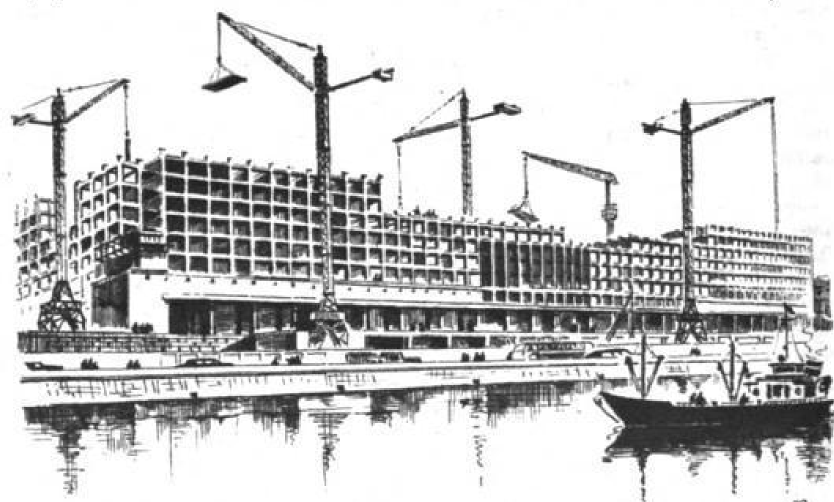
На снимке: В одном из залов выставки.

Е. СТЕПАНОВА

Фото Г. Захаровой.

Для гостей столицы

Неподалеку от кремлевских стен, в Зарядье, развернулась огромная строительная площадка. Здесь возводится гостиница «Россия».

В ее 3 182 номерах смогут сразу разместиться 6 тысяч гостей столицы. В здании гостиницы расположатся рестораны, кафе-закусочные, буфеты. Здесь будут два кинотеатра на полторы тысячи зрителей, концертный зал на 3 тысячи мест.

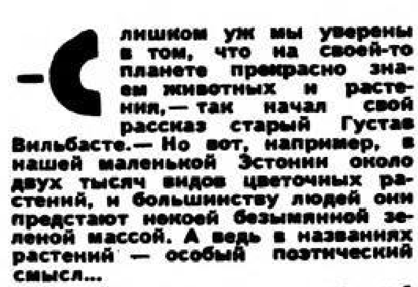
Пройдет немного времени, и над Москвой-рекой поднимется красивейшее современное здание. На днях я побывал на этой замечательной стройке и сделал вот этот рисунок.

Архитектор Н. ЮРИКОВ

РЫЦАРИ ЗЕЛЕНОГО МИРА

Густав Вильбасте.
Фото В. Сальмре.

— Слишком уж мы уверены в том, что на своей-то планете прекрасно знаем животных и растения,— так начал свой рассказ старый Густав Вильбасте.— Но вот, например, в нашей маленькой Эстонии около двух тысяч видов цветочных растений, и большинству людей они предстают некоей безымянной зеленой массой. А ведь в названиях растений — особый поэтический смысл...

Сто двадцать тысяч растений «живут» в маленькой квартирке Густава Вильбасте. Не в горшках, разумеется, и не в ящиках — в картотеках. И еще здесь поселились семь тысяч книг.

— Много лет я работал инспектором по охране природы,— продолжает Густав Вильбасте.— Каждое лето забирал с собой сыновей, и мы бродили по Эстонии. С сачками, с папками для гербариев... Я ставил себе задачей всюду, где мы побывали, оставлять людей, которые будут изучать и охранять природу и аккуратно писать мне. Само собой разумеется, что обращаться надо было к учителям. Они ведь располагают боевой, всегда готовой к поискам армией учеников. Вскоре в моем активе было шестьсот человек, и мы записали пятьсот интересных субъектов и объектов эстонской природы: старые деревья, редкие растения, гнездовья птиц, громадные валуны, обрывы, глинт, обиталища животных.

Очень непросто было в старой Эстонии сыну безземельного крестьянина войти в науку. А энергии и исследовательского пыла у Вильбасте всегда было столько, что, родись он позднее, быть бы ему большим ученым-систематиком. Сейчас ему восемьдесят лет, он на пенсии.

— На досуге я увлекся очень интересным делом,— говорит Густав Вильбасте.— Я собираю народные названия растений на эстонском, русском, немецком, финском, ижорском, шведском языках. Если бы вы знали, какие меткие характеристики трав кроются в этих названиях!

Вот откуда сто двадцать тысяч названий растений в картотеке! Две тысячи машинописных страниц, кипа бумаг — веское дополнение к 1 400 опубликованным очеркам, статьям, брошюрам и книгам.

Теперь работают дети старого ученого. Ни для кого из них не прошли бесследно летние экскурсии с отцом. Густав Вильбасте-младший заведует детской туристской базой, прививает любовь к исследованию природы новым поколениям. Дочь Хеле занялась практикой сельского хозяйства, работает методистом по сельскохозяйственному образованию в Министерстве сельского хозяйства ЭССР. Юхан Вильбасте — сотрудник Института ботаники и зоологии АН ЭССР. Он энтомолог, и его опытное поле — весь Советский Союз. Юхан ездит в экспедиции на Юг, в Сибирь, на Дальний Восток. Из поездки на Алтай он привез насекомых, совершенно не известных науке. Юхан и сейчас продолжает изучать насекомых. «Знаете, которые прыгают на покосе в молоко», — улыбаясь, говорит он. Их ведь миллионы, и, несомненно, они выполняют какую-то роль, а какую, мы пока не знаем. Как они действуют на траву, на почву? Нельзя ли заставить их поработать на урожай?

И самый младший Вильбасте, Хенн, пошел по стопам отца: он заведует отделением Общества по охране природы в Нигула.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

ЕЩЕ ОДНА ТАЙНА СУНГИРЯ

Профессор О. Н. Бадер, Андрюша Коновалов, профессор М. М. Герасимов.
Фото Г. Шлионского.

Сунгирь... Это имя носит ручей, протекающий близ завода керамических изделий во Владимире. С 1956 года здесь ведутся раскопки под руководством профессора Института археологии Академии наук СССР, доктора исторических наук О. Н. Бадера. По найденным орудиям труда, различным украшениям ученые определили, что на этом месте около 30 тысяч лет назад находилась стоянка людей каменного века. Недавно Сунгирь открыл еще одну тайну. На стоянке обнаружено погребение человека.

Находка была сделана неожиданно. Вместе со взрослыми работал Андрюша Коновалов, сын старшего лаборанта экспедиции. На глубине 3,5 метра лопата мальчика чиркнула о что-то твердое. Ножами стали расчищать глину и увидели череп человека. Потом добрались и до всего скелета.

Овальной формы могила, густо засыпанная порошком охры. Вероятно, труп был положен на слой охры и сверху снова укрыт ею.

Ученые внимательно осмотрели погребение. Перед ними лежал человек европеоидной расы, известной в науке под именем кроманьонской. Рядом находилось более тысячи мелких украшений, сделанных в основном из бивней мамонтов.

Вот комментарий известного скульптора-антрополога М. М. Герасимова, специально прибывшего на Сунгирь:

— Это был, вероятно, сильный человек, до 176 сантиметров роста. Умер он в возрасте не меньше 50 лет. Об этом говорит и зарощение черепных швов и зубы, стертые до корня.

Костяк только на первый взгляд хорошо сохранился. Если присмотреться, становятся видны бесчисленные трещины на бедрах, голенях, костях рук, да и череп тоже хрупок. Поэтому прежде всего мы укрепили скелет специальным раствором. Череп я беру с собой в Москву, где и буду работать над реконструкцией облика человека, жившего на Владимирской земле 30 тысяч лет назад.

Л. МУХИНА,
сотрудник газеты «Призыв»

Служба добрых сердец...

«БАШМАЧОК», «УРАЛОЧКА» И ДРУГИЕ...

— Ну, как фасон, нравится? Нигде не жмет? Нет, в кассу идти не надо... «Ракета» ваши деньги доставит...

Получив от покупателя деньги, продавщица вложила их вместе с чеком в маленький металлический футляр, засунула его в какой-то проем колонны, нажала рычаг... Легкое жужжание, и «Ракета» молнией промчалась по проводам где-то высоко, под самым потолком, к одной из кабин в центре магазина... А через считанные секунды таким же путем она вернулась обратно, доставив погашенный чек и сдачу.

Летающие кассы — одна из новинок «Дома обуви», крупного специализированного магазина на улице Гагарина в Челябинске. Всюду в его уютных салонах покупатель ощущает душевную заботу. Вы в салоне для самых маленьких. Правда, он напоминает комнату игр в детском саду? Деревянные лошадки, слон... Трехлетний наездник, усевшись в седло, лихо натянул повод. Увлечен малыш, и матери удобно: не надо становиться на колени, чтобы примерить обувь ребенку...

А в другом салоне мы видели, как терпеливо хлопотала юная продавщица возле пожилого и, казалось, очень капризного покупателя. Уже шестую пару туфель примерял он — все не то.

— Вот мозоль проклятая! — бросил он в сердцах, подымаясь с кресла.

— Мозоли? Почему же раньше не предупредили! У нас при магазине педикюрный кабинет есть. Ваши ноги быстро приведут в порядок.

В салоне детской обуви. Продавщица Людмила Афоненкова обслуживает юных покупателей.
Фото Е. Ткачева.

Мы встретились с директором, старым торговым работником Гургеном Христофоровичем Асерьянцем. Узнали от него еще об одной новинке. Бывает, что в салонах иной человек так и не может подобрать себе обувь. У одного чересчур высокий подъем, у другого слишком велика нога. И вот недавно большие плакаты известили посетителей: раз в неделю, по средам, в магазине дежурят мастера обувной фабрики. Если попадется «нестандартный» клиент, они снимут мерку, и через несколько дней тут же в магазине человек купит ботинки точно по размеру.

«Дом обуви» не исключение. Немало любопытного можно увидеть и во многих других магазинах города. Более шестидесяти их открылось в Челябинске только за последние два года; на улицах то и дело встречаешь новенькие вывески с привлекательными названиями. Вот обувной — «Башмачок» и булочная «Колобок», кондитерский магазин «Лакомка». Он, кстати, славится у челябинцев своими тортами и пирогами. А вот и «Уралочка» — любимица женщин всех возрастов. Оживленно в «Роднячке», где торгуют лучшими в городе прохладительными напитками... И почти в каждом магазине стремятся внести что-то свое, так сказать, фирменное, в обслуживание покупателей, создать им дополнительные удобства.

Недавно в новом районе города на улице Солнечной открылся крупнейший на Урале специализированный овощной магазин «Урожай». Он необычен не только своими размерами: его площадь — тысяча квадратных метров. Еще когда не сошел снег, здесь уже бойко торговали свежими огурцами. К услугам покупателей — аккуратно расфасованные наборы разнообразных овощей для свекольника, борща, салата... А если кому понадобится свежий укроп, его срежут прямо с грядки: укроп, оказывается, выращивают здесь же на прилавках в специальных ящиках...

В «Уралочке» привлекает прекрасный выставочный стенд образцов женской одежды. Десятки изящных манекенов демонстрируют последние моды.

Соревнуется с «Уралочкой» Дом одежды. Самый популярный отдел в этом магазине тот, где доделывают одежду точно по фигуре покупателя. На манекенах — полуфабрикаты костюмов, пальто самых ходких расцветок и новейших фасонов. Специальные мастера — их в магазине 36 — сошьют вам костюм всего за 3—4 дня.

— Что мы внесли в это дело нового? — говорит директор Федор Леонтьевич Гончаров.— При заказе у покупателя мы теперь не требуем ни задатка, ни аванса. Не понравился чем-то сделанный для вас костюм — не берите. Ничего не теряете. И знаете, какая ответственность появилась теперь у мастеров! Доделывают точно по фигуре. Покупатель доволен.

Мы рассказали о некоторых челябинских новинках в торговле. Может быть, стоит применить их и в других городах?

А. ГРИГОРЬЕВ,
собкор «Огонька»

ПЕРВЫЕ КИНОЛЕНТЫ

«Боярин Орша». Орша — П. Чардынин, его дочь — А. Гончарова.

«Вадим». Ольга — А. Гончарова, Вадим — В. Сперанский.

В один из летних дней 1908 года во Введенском народном доме, что находился в Лефортове, шла киносъемка. Здесь по специально написанным сценариям — в декорациях театра и при участии его актеров—были сняты три «фильмы» (слово это еще произносилось тогда в женском роде). Из них нас интересует «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Первый лермонтовский фильм ставили режиссеры Гончаров и Павловский. Эскизы декорации выполнил художник В. Фестер, использовав картины, рисунки и иллюстрации В. Васнецова и К. Маковского. Образ Грозного гримеры воссоздали по скульптуре П. Антокольского. Впервые в кино специально для фильма было написано музыкальное сопровождение композитором М. Ипполитовым-Ивановым. Главные роли исполняли ведущие актеры Введенского народного дома — П. Чардынин (купец Калашников), А. Громов (опричник Кирибеевич), А. Гончарова (Алена Дмитревна).

Зрители были в восторге. Газеты называли «фильму» художественным явлением отечественного кинопроизводства, первой русской исторической картиной.

С тех пор на экраны России выходило почти по два фильма в год на сюжеты М. Ю. Лермонтова.

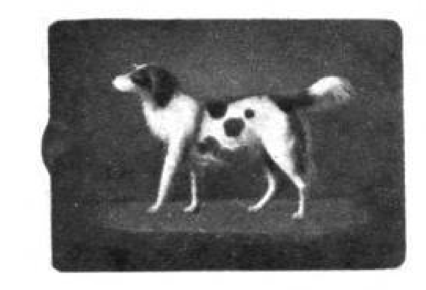
С 1908 по 1917 год увидели свет пятнадцать фильмов, среди них: «Песня про купца Калашникова» — 1908 год, «Боярин Орша» — 1909 год, «Вадим» — 1910 год, «Демон» и «Маскарад» — 1911 год, «Бэла» — 1913 год.

В юбилейном 14-м году вышли сразу четыре лермонтовских фильма: «Аул Бастунджи», «Беглец», «Измаил-Бей» и вторая экранизация отдельных сцен драмы «Маскарад».

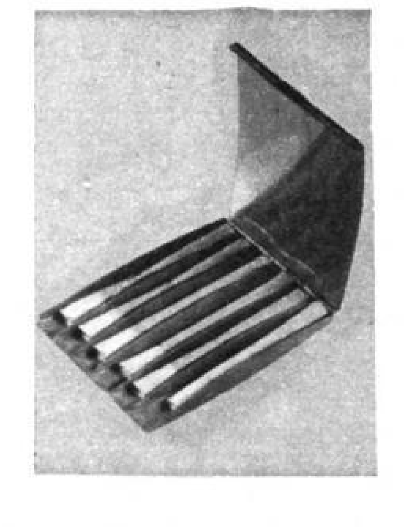
В 1916 году свет увидела «Тамань», в 1917-м — «На паперти божьего храма» («Нищий») и снова «Маскарад» — на сей раз это была экранизация всей пьесы.

Многие фильмы обязаны своим рождением режиссерам Введенского народного дома.

Эльвира **ПОПОВА**

ДРАГОЦЕННЫЙ ПОРТСИГАР

Кто из любителей редких книг и архивных материалов не знал недавно скончавшегося Алексея Григорьевича Миронова? К его опыту, знаниям, безупречному вкусу обращались музеи, библиотеки и собиратели книг, гравюр и рисунков. Сколько музеев обязано ему тем, что он сберег, бережно хранил самые различные предметы искусства и книги, которые в настоящее время украшают экспозиции этих музеев!

И вот как-то задолго еще до Великой Отечественной войны, зайдя к нему за советом и справкой, я был поражен, когда он в знак особого ко мне расположения показал мне заветный предмет, связанный с Лермонтовым.

Из каких-то недр своего обширного собрания он вынул и показал мне, по-особенному бережно держа в руках, лермонтовскую реликвию — небольшой сверток, в котором, тщательно завернутый в вату, находился портсигар М. Ю. Лермонтова со вложенными в него папиросами.

Портсигар этот принадлежал сослуживцу Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку А. Г. Реми. Его, со слов внучки Реми — Нины Владимировны Истоминой, поэт подарил ее деду.

Прошло много лет. И вот накануне 150-летия со дня рождения великого поэта, чувствуя себя очень больным, Алексей Григорьевич вызвал меня к себе и доверил судьбу портсигара.

В это же время совершенно случайно у одного собирателя оказался акварельный портрет работы Клюндера того самого гусара Реми, которому Лермонтов подарил или у которого забыл свой портсигар.

Когда я спросил владельца, откуда к нему попал портрет Реми, он, ничего не зная про портсигар, сообщил мне, что портрет идет от потомков Реми — некоей Истоминой.

Так портрет этот как бы еще раз подтвердил достоверность всего, мною сообщенного.

Н. П. ПАХОМОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ПЕЧОРИНА ИГРАЕТ АРТИСТ ИВАШОВ

Еще совсем недавно в коридорах киностудии имени Горького чуть ли не каждый день появлялись новые Печорины. Шли актерские пробы. Постановщик цветного широкоформатного фильма «Герой нашего времени» Ст. Ростоцкий имел возможность самого широкого выбора. Наконец настало время решений, и они были приняты. Печорина играет В. Ивашов (известный по «Балладе о солдате»).

Печорин — Ивашов.

В сценарий фильма, написанный Ст. Ростоцким, входят «Тамань», «Максим Максимыч» и «Бэла».

Съемки «Тамани» уже закончились.

Лермонтов в аду

Фреска эта была обнаружена в одной из церквей бывшей Тульской губернии, в селе Подмоклове. Если вы приглядитесь, то среди грешников легко узнаете Лермонтова. По словам старожилов, сельский художник изобразил поэта в аду по приказанию помещика. Для работы своей художник пользовался известным портретом Лермонтова кисти Клюндера.

Первые сообщения о любопытной фреске появились в прессе в 1900 году. Впоследствии она была переведена на холст советским художником-реставратором Д. Богословским.

ДОМ НА МОЛЧАНОВКЕ

Главный фасад дома № 2 по Малой Молчановке (реконструкция автора).

«Москва — моя родина, и такою будет для меня всегда: там я родился, там много страдал, и там же был слишком счастлив!» — писал Лермонтов М. А. Лопухиной.

Осенью 1827 года Елизавета Алексеевна Арсеньева привезла внука в Москву для определения в одно из учебных заведений. Она остановилась у своих родственников Мещериновых, живших на Сретенке, а через несколько месяцев перебралась на Поварскую, по соседству с вдовой брата — Е. А. Столыпиной. Отсюда Лермонтов около двух лет ходил в Благородный пансион.

В 1830 году, уйдя из пансиона, он решил самостоятельно подготовиться к вступительным экзаменам в университет. Арсеньева сняла дом купчихи Черновой на Малой Молчановке (дом № 2). Этот дом является единственным сохранившимся в Москве, в котором жил Лермонтов.

Деревянный особняк в течение своего полуторавекового существования подвергался неоднократным переделкам. Но детальное изучение архивных материалов и обследование дома дали возможность составить эскиз реставрации не только фасада, но и всей внутренней планировки. Это был скромный дом в девять окон, с мезонином.

Как всегда в особняках начала XIX века, вход в дом был со двора. Через холодные сени посетитель попадал в малую гостиную, затем в зал, а оттуда — в центральную комнату с двумя традиционными угловыми печами с вогнутой поверхностью — большую гостиную, к которой примыкала комната хозяйки дома, последняя комната парадной анфилады, обращенной окнами на улицу. За комнатой Арсеньевой шла девичья. По-видимому, комната, смежная с малой гостиной, служила Елизавете Алексеевне кабинетом. Возможно, там останавливались и гости.

Из узкого темного коридора крутая лесенка с точеными балясинами вела на мезонин, где были комнаты Лермонтова и, возможно, его гувернера-англичанина.

Этот дом связан со студенческим периодом в жизни Лермонтова. В сентябре 1830 года поэта приняли на нравственно - политическое отделение университета.

В мезонине дома на Молчановке у Лермонтова собирались друзья. Здесь он написал свои первые драмы «Испанцы», «Странный человек», «Люди и страсти» и более ста стихотворений.

М. ФЕХНЕР

Играют Милунка Лазаревич (Югославия) и Лиза Лейн (США).
Фото И. Чохонелидзе.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Ушли в прошлое те времена, когда шахматистки были наперечет, когда Вера Менчик в уголке какого-нибудь ресторана легко расправлялась со своими соперницами со «всего мира».

Сегодня не то! Выражение, вроде «шахматы не женское дело», можно услышать из уст лишь одного Роберта Фишера, как известно, любящего парадоксы.

18 шахматных звезд соединяют приятное с полезным: они назначили рандеву в Сухуми и наслаждаются не только шахматными баталиями, но и бархатным сезоном в субтропиках.

Шахматистки съехались в Сухуми из разных городов СССР, разных столиц Европы, из шумного Нью-Йорка и из знойной Аргентины и привезли с собой объемистый багаж: ведь женщина всегда остается женщиной, а тут еще в чемоданах, кроме туалетов, папки с вариантами.

Не случайно, что турнир претенденток проходил в Сухуми. Грузия — одна из наших самых сильных шахматных республик, Нона Гаприндашвили — чемпионка мира. Нона, разумеется, присутствовала на турнире и была как бы хозяйкой шахматного «бала», или, как говорят на Кавказе, тамадой (непьющим, конечно).

В театре всегда было полным-полно. Чувствуется, что многие «болели» за польскую шахматистку Г. Конорковску. Зрители дали ей прозвище «канарейка». Она стартовала отлично: 4,5 из пяти, но затем попала в «русскую мельницу», как называют ряды турнирной таблицы от девятого до четырнадцатого, которые достались советским шахматисткам.

Лиза Лейн, девушка из Нью-Йорка, «отличилась» три года тому назад в Гастингсе. Тогда в английских газетах появилось сообщение под заголовком «Шахматы и любовь». Лиза Лейн после первой половины турнира взяла и улетела домой в США. Как, в чем дело? Она объяснила, что сильно увлечена и вместо пешек, коня, слона за шахматной доской видит лишь его — своего короля.

В театре драмы происходили настоящие «шахматные драмы». Крупнейшая случилась на «премьере», когда Т. Затуловская в совершенно выигранной позиции просрочила время во встрече с К. Зворыкиной. Ничего не поделаешь! Маленький флажок на шахматных часах безжалостен: он не ждет и доли секунды самую красивую женщину. Флажок упал — и все, поражение!

В межзональном турнире нашим гроссмейстерам причинил немало хлопот датский гроссмейстер Б. Ларсен, которого еле-еле догнали на финише. В Сухуми буква «Л» осложнила задачу советским шахматисткам. По общему мнению, Лазаревич еще до начала турнира считали самой опасной претенденткой на первое место. Прекрасная Милунка играла очень агрессивно, даже азартно, ее прозвали «женский Таль». Увы, в последнем туре она споткнулась, и претенденткам теперь, правда, только троим, поделившим 1-е место, придется начать все сначала. Итак, кто же из них: М. Лазаревич, А. Кушнир или Т. Затуловская?

ЛОВАШ

ЖЕНСКАЯ ПОКУПКА

Я проснулся в три часа ночи, в комнате горел свет. Удивленный, я увидел, что моя жена сидит в пижаме на краю постели с таким выражением лица, словно у нее болят зубы.

— Ты больна? Что случилось?

— Ничего, — вздохнула она, опустив взгляд на собственные ноги, обутые в купленные сегодня красные туфли. — Я примерила, гляди, как они мне не идут! Ноги словно у гуся. А ведь у меня вовсе не гусиные ноги! Надо было все же купить черные лаковые. Я говорила тебе, но ты!.. — В уголках ее глаз показались крупные слезы.

— Что я? Я ни слова не сказал!

— Вот именно! Ты всегда в таких случаях молчишь, хотя должен был видеть, что эти туфли не идут к моим ногам.

— Ну, ладно. Утром отнеси их обратно и обменяй на черные лаковые.

— Правда?.. Отнести? — Лицо ее просияло. — Я тоже думала об этом, но черные лаковые туфли дороже на сто форинтов.

— Хорошо! Я дам тебе сотню из своих карманных, но сейчас погаси свет, в шесть мне нужно вставать, я спать хочу.

Я вытащил из бумажника сотню и отдал жене.

На следующий день моя супруга купила снежно-белые туфли с золотыми пряжками. В полдень она прибежала счастливая и показала мне покупку.

— Правда, восхитительные?

— Действительно, шедевр. Я рад, что ты наконец довольна своими туфлями.

Шли недели, месяцы, мы бывали в театрах, на концертах, ходили в парки и рестораны, в гости. В конце концов мне бросилось в глаза, что я ни разу не видел на ногах жены снежно-белые туфельки.

— Почему ты не носишь свои восхитительные туфли с золотыми пряжками?

— Жмут. Не могу их надеть. И ты в этом виноват. Зачем ты тогда ночью дал мне сто форинтов!

Перевела с венгерского
Елена Тумаркина.

КУХНЯ НА УЛИЦАХ

Студенты университета во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) в знак протеста против повышения цен и плохого качества пищи в студенческих столовых провели необычную демонстрацию: они вышли на улицы, развели на перекрестках костры и начали в котелках варить себе обед.

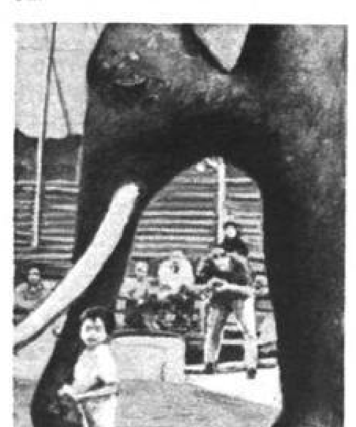
ЧЕРЕЗ МОРЯ И РЕКИ

21-летний Мухамед аль-Мусалам из Кувейта уже один раз объехал земной шар на велосипеде. Путешествие вокруг света так понравилось юноше, что он решил совершить его вторично — на этот раз на автомобиле-амфибии.

На снимке: Мухамед переплывает Босфор.

ДАВИД И ГОЛИАФ

Когда цирк «Кни» недавно гастролировал в Базеле, особый интерес у посетителей вызвало появление двухлетнего сына погонщика слонов Чарли Франгели. Карапуз вышел на арену, бесстрашно ведя за собой пятитонного тридцатилетнего великана — слона Саиба.

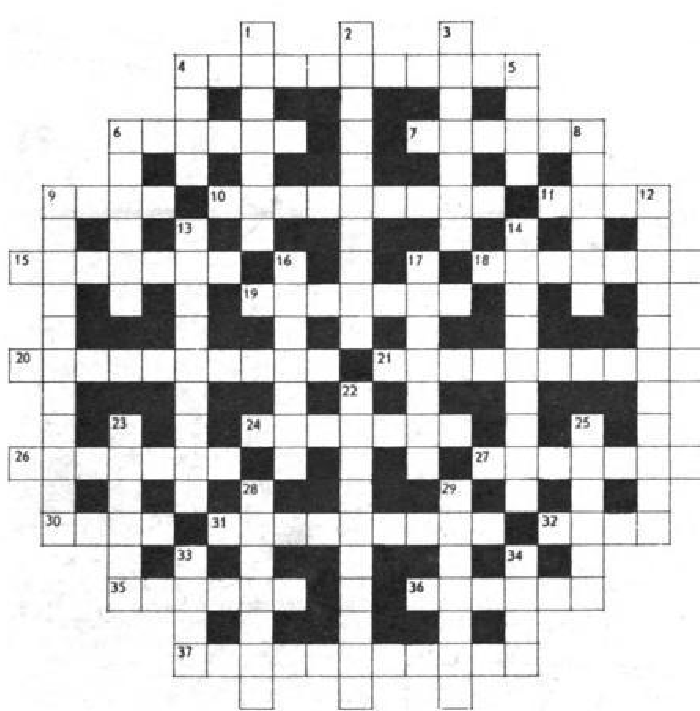
БАЛЕРИНА УБЕГАЕТ СО СЦЕНЫ

На представлении балета Бернской оперы (Швейцария) в тот момент, когда исполнялся «танец смерти» и зачарованные зрители размышляли о бренности всего земного, солистка вдруг вспомнила, что истек срок стоянки ее автомашины. Балерина в театральном костюме выбежала на улицу, чтобы перегнать машину в другое место.

СТОЛКНОВЕНИЕ ГИГАНТА И ПИГМЕЯ

В гавани Стокгольма произошло необычное столкновение: немецкий океанский гигант «Бремен» столкнулся с небольшой моторной лодкой. К счастью, столкновение обошлось без человеческих жертв.

По горизонтали:

4. Физкультурный праздник. 6. Вид, характер местности. 7. Смелость, бесстрашие. 9. Горная система в Южной Америке. 10. Русский архитектор XVIII века. 11. Приток Анадыря. 15. Раздвижное кресло. 18. Легковой автомобиль с закрытым кузовом. 19. Грузоподъемный механизм. 20. Главная линия путей сообщения. 21. Плавучая пристань. 24. Металлический барометр. 26. Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 27. Книга большого формата. 30. Белый клен. 31. Роман Ф. М. Достоевского. 32. Река в Латвийской ССР. 35. Сырье для изготовления красителей. 36. Морская промысловая рыба. 37. Устройство для смягчения ударов в машинах и сооружениях.

По вертикали:

1. Женское платье. 2. Декоративное растение с цветками. 3. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 4. Несгораемый шкаф. 5. Французский композитор. 6. Порода собак. 8. Колпак для лампы. 9. Порт в ОАР. 12. Картина И. Н. Крамского. 13. Краткое изложение содержания книги, статьи. 14. Птица. 16. Остров в Балтийском море. 17. Синтетическая смола. 22. Автор повести «Антон-Горемыка». 23. Город в Италии. 25. Музыкальный инструмент. 28. Великий русский певец. 29. Часть весла. 33. Созвездие северного полушария неба. 34. Снимок.

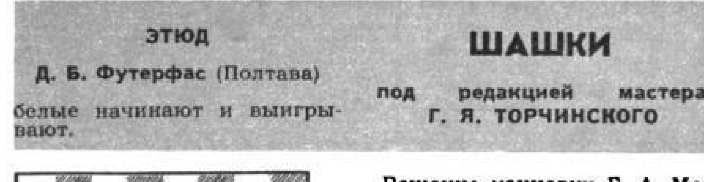
Ответы на кроссворд, напечатанный в № 41

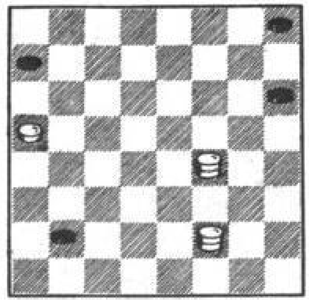
По горизонтали:

5. Буревестник. 6. Экран. 7. Оклад. 13. Астров. 14. Ампула. 15. Ракетка. 18. Брынза. 19. Адажио. 20. Космонавт. 21. Широта. 23. Огород. 27. Портрет. 28. Индекс. 30. Карпов. 31. Бажан. 32. Смола. 33. Поликлиника.

По вертикали:

1. Чуйков. 2. Зеравшан. 3. Этикетка. 4. Цитата. 8. Ассортимент. 9. Орган. 10. Хрестоматия. 11. Опера. 12. Владивосток. 16. Шакал. 17. Катод. 22. «Орден». 24. Очерк. 25. Болгария. 26. Перемена. 29. Станок. 30. Калька.

Решение концовки Б. А. Могилевского, напечатанной в № 28 «Огонька». 1. g1 — f2!! e3 : g1 2. g5 — h6 g7 : e5 3. h6 — g7! h8 : f6 4. h4 — g5! f6 : f2 5. b4 — a5 e5 : g3 6. a5 : e1! и выигрывают. Если 1. ...g7 : e5, то 2. g5 — h6 e3 : g5 (после 2. ...e3 : g1 белые выигрывают, как показано в основном варианте) 3. h4 : f6 e5 : g7 (на 3... h2 : f4 следует 4. b4 — a5 и т. д.) 4. h6 : c1 h2 : f4 5. c1 : h6 и выигрывают.

Забавные мелочи

ПОРОСЯТА-ФИЗКУЛЬТУРНИКИ

Я бывший пограничник. Недавно демобилизовался. Сам увлекаюсь фотографией. Просматривая свои старые негативы, я вспомнил забавный случай.

На границе мы убили дикую свинью, а ее пять поросят забрали на заставу. Они были такие маленькие, что поначалу нам пришлось кормить их из сосок. Поросята быстро набирали в весе и целыми днями гонялись по территории заставы.

Как-то мы занимались физической подготовкой. Я подал команду своему отделению: «Бегом по кругу». Вдруг поросята поднялись и, пристроившись к солдатам, тоже стали бегать. С тех пор они регулярно занимались вместе с нами физкультурой.

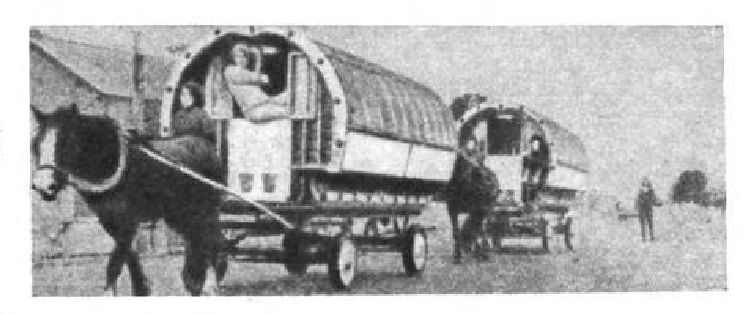
Между собой поросята были очень дружны, и если, например, одного из них обижала собака, то все остальные бросались на выручку. Стоило на заставе появиться штатскому человеку, как поросята тут же шли на него в атаку. А солдатам они разрешали даже наказывать себя, когда они этого заслуживали.

В. ЛЯШЕНКО

Ростовская область.

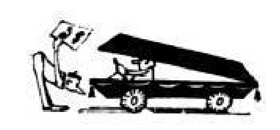
НЕОБЫЧНАЯ КАТАСТРОФА

Каждому ясно, что число автомобильных катастроф бывает больше там, где на дорогах тесно. Однако недавно на острове Брач (Югославия) столкнулись две автомашины... единственные на всем острове.

СОВРЕМЕННЫЕ КОЧЕВНИКИ

В Ирландии входят в моду путешествия по стране в модернизированных цыганских повозках, запряженных лошадьми. Они достаточно комфортабельны, снабжены всеми удобствами. В каждом крупном населенном месте для таких туристов имеются конюшни со всем необходимым и мастерские для ремонта повозок.

УБЕДИТЕЛЬНАЯ РЕКЛАМА

Автомеханик Джим Кеседи повесил над своей мастерской в Детройте (США) такое объявление: «Я осматриваю ваши тормоза за три доллара. Погребальное же бюро за ваши похороны потребует самое меньшее четыреста долларов!»

НАРИСОВАННЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ

Последняя модная новинка Рима, придуманная Новелой Париджиани,— замена настоящих украшений — колье, бус, ожерелий и прочих — красочными рисунками прямо на коже.

СЪЕДОБНЫЕ ГРАМПЛАСТИНКИ

Одна американская фирма начала выпускать граммофонные пластинки из марципана, покрытого пленкой с записью. На этикетке указание: «Если вам музыка не понравится, можете сорвать пленку и съесть пластинку».

ОЗЕРО ЧАЯ

Британские статистики подсчитали, что ежегодно в Англии выпивается 850 миллионов галлонов чая (галлон — 4,5 литра). Если из этого количества жидкости создать озеро, в нем могли бы плавать пятьдесят больших судов.

ДВА СЕРДЦА

Охотник-любитель из Ненецкого национального округа И. Коткин подстрелил на берегу небольшой речушки Сула в лесотундре утку. У нее оказалось два сердца.

Заведующий Северным отделением Всесоюзного научно-исследовательского института пушнины Б. Т. Семенов, к которому обратились за объяснением, сказал, что птицы с двумя сердцами науке известны, но явление это очень редкое.

З. ШАДХАН

Архангельск.

На первой странице обложки: Портрет М. Ю. Лермонтова. 1837 г. Художник П. Заболотский.

Государственная Третьяковская галерея.

На последней странице обложки: Новый район Кишинева — Рышкановка.

Фото Л. Шерстенникова

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00770. Подписано к печати 7/X 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 906 500. Изд. № 1738. Заказ № 2677.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ОСЕНЬ. Фото Ю. Кривоносова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663